

ЖОЗЕФИНА

ИСПОВЕДЬ

ЖОЗЕФИНА

ИСПОВЕДЬ

Израиль
2013

ЖОЗЕФИНА

ИСПОВЕДЬ

Израиль
2013

ПОСВЯЩАЕТСЯ

**моей любимой матери –
жертве фашизма –
погибшей в гетто г. Бершадь,
Транснистрия.**

לאסוף את השברים

מבצע לאומי להצלת פריטים אישיים מתקופת השואה

77-008452

אישור קבלת זמני

עבור (מוסר החומר, שם וכחובת): א' יוסף פרימן
תאריך: 6/3/13

אני מאשר בתודה שקיבלתי לידי אוסף יד ושם את הפריטים הבאים:

תעודות
פריטים
ספרים

יד ושם מקבל את הפריטים הרשומים מעלה כתרומה, ומתחייב לשמור ולשמר את הפריטים עבור הדורות הבאים, לצורכי חינוך, מחקר, פרסום ותצוגה כאמון ובזמן שימצא לכון.

מכתב תודה רשמי ישלח לאחר סיום הרישום המסודר של הפריטים.

כגיב "יד ושם" (שם ותפקיד): אלנה ויטמן
חתימה: [Signature]

УССС
ГОРСОВЕТ

ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
г. БЕРШАДЬ

СПРАВКА

8 " августа 1941

Дата настоящая гр. Лобинский

№ 1312

Мозисович Борисович

Год рождения 1929 в том, что он действительно про-
живает в г. Бершадь с сентября 1941 года до
настоящего времени, что и удостоверяется

Председатель Горсовета

(ШНАЙДЕР)

Отв. секретарь

(КАРАЧУН)

Бершадь, "Социализм" № 218-509.

Приложение «Список моих погибших родных и близких».

Составила автор **Фишман Жозефина** в декабре 2011-январе 2012 гг.

Фишман, 2012

Уважаемый член нашей организации!

Для важного раздела нашей книги «Память о родных» постарайтесь, насколько возможно, подробно, составить список погибших родных и близких в годы войны на оккупированных территориях бывшего СССР. Пользуйтесь в этой работе копиями «Листов памяти о погибших родственниках» из Яд Вашем (если ранее заполняли). В любом случае – даже если у Вас недостаточно данных, важно записать то, что Вы помните о погибших.

Пишите ручкой, понятным почерком (или печатными буквами) в таблице, помещенной ниже.

Сведения о погибших

№ п/п	1. Фамилия погибшего	2. Имя погибшего	3. Год рождения/примерный возраст	4. Степень родства (брат, дед, муж сестры)	5. Место жительства до войны	6. Обстоятельства и год (день, месяц) гибели. Если они неизвестны, напишите «Погиб в период Шоа»
1	Дорман (девичья фамилия Вагнер)	Берта (отец Кальман)	25 декабря 1900	Мать Жозефины Фишман	Гор. Бухарест, с авг. 1940 – гор. Черновицы УССР	Умерла от тифа в гетто г. Бершадь Винницк. обл. УССР 3 февраля 1942 г. в 41 год.
2	Вагнер	Арон (отец Кальман)	23 апреля 1895	Дядя (брат матери Берты)	Гор. Кэлэрашь (Румыния), после гор. Париж (Франция)	Из Парижа (лагерь Дранси) 20 мая 1944 г. был депортирован в к/л Освенцим (Польша) транспортом 74, где и погиб в 49 лет.
3	Вагнер	Фред (отец Кальман)	5 июля 1902	Дядя (брат матери Берты)	Гор. Кэлэрашь (Румыния), после гор. Париж (Франция)	Из Парижа (лагерь Дранси) 30 мая 1944 г. был депортирован в к/л Освенцим (Польша) транспортом 75, где и погиб в 42 года.
4	Фишман	Мойше	1886	Отец мужа Анчела Фишмана	Село Зарожаны Хотинского р-на (Бессарабия)	Расстрелян осенью 1941 г. во время депортации из Бессарабии в Транснистрию среди тех, кто не мог идти, в 55 лет.
5	Фишман	Ента	1887	Мать мужа Анчела Фишмана	Село Зарожаны Хотинского р-на (Бессарабия)	Расстреляна осенью 1941 г. во время депортации из Бессарабии в Транснистрию среди тех, кто не мог идти, в 54 года

Комитет организации благодарит тебя, дорогой друг, за проведенную скорбную работу по увековечению памяти жертв Катастрофы.

Приложение составлено по официальным материалам
Зала Имен Института Яд Вашем (Иерусалим).

This record is originated in the **Memorial Book of the Jews deported from France** [78,732 records] as compiled by maître Serge Klarsfeld

**Memorial
to the Jews
Deported from France
1942-1944**

Documentation of the deportation of the victims of the Final Solution in France

by **Serge Klarsfeld**

Published by the Beate Klarsfeld Foundation
New York

1/ Полный список данных на имя **Вагнер Фред**

Источник	Книга Памяти депорта ции евреев Франции / Беата и Серж Кларсфельд.— Париж, 1978
Фамилия	ВАГНЕР
Имя	ФРЕД
Дата рождения	05/07/1902
Место рождения	КЭЛЭРАШЬ,РУМЫНИЯ
Место пребывания во время войны	ФРАНЦИЯ
Конечный пункт депортации	ОСВЕНЦИМ,ЛАГЕРЬ
Ссылка на номер транспорта (депортация)	Transport 75 from ДРАНСИ,ЛАГЕРЬ,ФРАНЦИЯ to AUSCHWITZ BIRKENAU,ЛАГЕРЬ on 30/05/1944
Вид документа	Список депортированных из Франции

2/ Полный список данных на имя **Вагнер Арон**

Источник	Книга Памяти депорта ции евреев Франции / Беата и Серж Кларсфельд.— Париж, 1978
Фамилия	ВАГНЕР
Имя	АРОН
Дата рождения	23/04/1895
Место рождения	КЭЛЭРАШЬ,РУМЫНИЯ
Место пребывания во время войны	ФРАНЦИЯ
Конечный пункт депортации	ОСВЕНЦИМ,ЛАГЕРЬ
Ссылка на номер транспорта (депортация)	Transport 74 from ДРАНСИ,ЛАГЕРЬ,ФРАНЦИЯ to AUSCHWITZ BIRKENAU,ЛАГЕРЬ on 20/05/1944
Вид документа	Список депортированных из Франции

МОИ ДОРОГИЕ И БЛИЗКИЕ – НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

*Мама – Берта Дорман (Вагнер), умерла в гетто
г. Бершадь от истощения и тифа в 1942 г.*

*Мамины братья - Аарон и
Фред(эрих) Вагнеры. Сожжены
в печах Освенцима в 1944 г.*

*Родители мужа - Моше и Ента Фишман.
Расстреляны во время депортации
по дорогам Транснистрии в 1941 г.*

СЛОВО К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Во время Второй Мировой войны (1939-1945 гг.) на фронтах и на оккупированных фашистами территориях было стерто с лица земли около 20 миллионов невинных людей и искалечена жизнь около 100 миллионов (если не больше) других по всей Европе. Но больше всех пострадал наш народ: нас выгоняли из собственных домов, месяцами гнали по дорогам Транснистрии, заключали в гетто и сжигали в лагерях смерти, в результате чего погибло 6 миллионов мужчин и женщин, взрослых и детей! Целое государство!

Это была страшнейшая в истории человечества Катастрофа, повторения которой допустить НЕЛЬЗЯ!

Вся надежда на вас!

Любите и берегите, как зеницу ока, нашу прекрасную, кровью предков отвоеванную РОДИНУ, живите в мире со всем миром, но беспощадно боритесь со всеми проявлениями фашизма, где бы они ни возникали, ибо фашизм - СМЕРТЕЛЬНАЯ ЯЗВА на ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!!!

*Любящая вас
“прабабушка” Жозефина*

*13 декабря 2013 г.
Реховот, Израиль*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще находясь в гетто, у меня возникло желание завести дневник с тем, чтобы описать пережитое и переживаемое. Но у меня не было ни чем писать, ни на чем писать, не говоря уже о своем уголке, где писать.

После освобождения, уже в гор. Сороки, достав не дописанную кем-то тетрадку и карандаш, я начала писать. Всё было еще свежо в памяти, и я строчила, как пулемет, при этом заливаясь слезами. Об этом никто ничего не знал.

И вот однажды мой шурин, который еще тогда начал ко мне приставать, из-за отказа поцеловать его выхватил тетрадку из моих рук и со злостью разорвал ее на кусочки (писала я на румынском, а румынского он не знал).

С тех пор я больше ни разу не вернулась к этому. Наоборот: я делала всё от меня зависящее, чтобы забыть все те ужасы, воспоминания о которых мешали мне жить.

Прошли годы, пока я смогла спокойно ходить по улице, особенно вечером, и не забежать в ближайший дворик или подъезд при звуке шагающих вслед за мной мужских шагов.

О том, чтобы об этом написать, не могло быть и речи. Изю всех сил старалась я всё это забыть и начать жить, как все люди. С этой целью я об этом ни с кем не говорила, никаких книг об этом не читала и фильмов на эту тему не смотрела. Более того, уже будучи в Израиле, когда отмечали День Катастрофы в школе или в ешиве, где я работала, я никогда не заходила. Пришлось объясниться с дирекцией.

И вот в начале этого года, когда ко мне обратились из Реховотского объединения узников гетто с просьбой принять участие в создании «Сборника воспоминаний о Шоа» (Катастрофе еврейского народа, во время которой было уничтожено шесть миллионов людей), я категорически отказалась и лишь после неоднократных звонков согласилась принять редактора книги Давида Школьника и ответить на пару его вопросов.

Наш разговор, записанный на магнитофон, превратился в излияние души, сопровождающееся иногда плачем, из-за чего приходилось прерывать встречи. Таких встреч длительностью в два-три часа было шесть или семь. Это было похоже на извержение вулкана, только вместо лавы были страшные воспоминания, и я поняла, что действительно:

«Никто не забыт и ничто не забыто!».

Я искренне благодарю инициаторов, исполнителей и спонсоров этого священного мероприятия, которое дало возможность нам, «последним из могикан», добавить по несколько капель к той страшной правде о «Шоа», и в то же время увековечить память жертв той Катастрофы.

Из трех семейств: Дорманов, Вагнеров и Фишманов, я из оставшихся в живых – старшая и единственная, пережившая тяготы Второй Мировой войны в условиях изгнания и гетто. Вот почему я вдруг после семидесяти лет молчания «заговорила».

Идея написания данной «Исповеди» возникла прежде всего на почве желания увековечить память о расстрелянных, испепеленных в печах Освенцима и просто доведенных до преждевременной смерти в нечеловеческих условиях дорогих и близких мне людей. Но остановиться на этом я не смогла: мне захотелось коснуться и тех, которые сыграли немаловажную роль в моей жизни. Более того, без них, по всей вероятности, и жизни у меня не было бы. Не смогла я не упомянуть и тех, которые, сознательно или нет, отравили мне жизнь. Но зла я на них не держу: я всех простила, но забыть не могу!

Останки членов трех наших семейств разбросаны по всему свету: Румыния, Украина, Аргентина, Франция, Канада, Израиль и... Польша (Освенцим)!

Да будет память о них увековечена во веки веков !

МОИ ПРЕДКИ

*Моя бабушка Двора Дорман
- папина мама. Похоронена в
местечке Каменка, Украина.*

*Мой дедушка (мамин отец)
Кальман Вагнер.
Умер в 1923 г. Похоронен
в Бухаресте (Румыния)*

*Папа и мама – свадебное фото.
23 июля 1923 г. Бухарест, Румыния.*

Трудно высказать и не высказать
Всё, что на сердце у меня.
«Подмосковные вечера»

Глава 1.

ИЗ РАЯ В АД

Зовут меня Жозефин, но чаще всего называют Жозефина (по-русски), хотя это не мое первоначальное имя. Я была еще в эмбриональном состоянии, когда папа, с любовью и нежностью глядя мамин всё более разрастающийся животик, «говорил» со мной, называя меня «Йосалы», в честь своего покойного отца, которого, очевидно, очень любил. После того, как моя старшая сестра получила имя его матери, он с нетерпением ждал меня, ни на минутку не сомневаясь в том, что Бог, наконец услышав его мольбы, «послал» ему столь желанного мальчика.

Каково было его разочарование, когда после долгого тревожного ожидания под окнами родильного дома его наконец пригласили зайти к роженице. Он даже не спросил, кто родился: он был уверен, что это тот самый Йосалы, которого он вымолил. Но, увы! Посмотрев на крошечное уродливое красное создание, которое оказалось девочкой, он плюнул и, хлопнув дверью, удрал. Об этом мама не раз рассказывала, и я хорошо запомнила, поэтому, если случалось, что папа мне чем-то не угодил, я тут же полушутя-полусерьезно его упрекала этим.

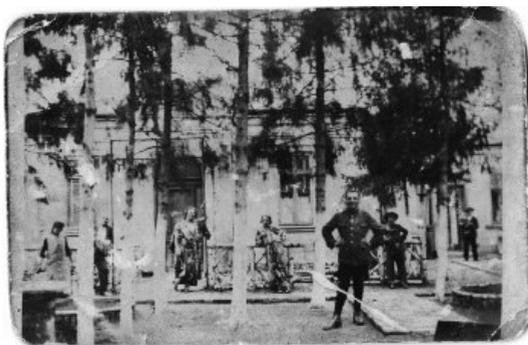
Пришлось подобрать мне новое имя, и мама, «напичканная» всем французским, предложила назвать меня Josephine (корень – Joseph), и папа согласился.

Я благодарна своим родителям не только за свое появление на свет, но и за то, что дали мне столь красивое и редкостное имя, которое, «связывая» меня с Наполеоном Бонапартом, «обязывает» достойно его носить. Я не знаю другого имени, которое имело бы столько «синонимов», как мое. Услышав его впервые, многие не запоминают и при повторной встрече называют меня совершенно иными именами в зависимости от их национальности и культурного уровня. Привожу неполный список «моих» имен: Йосефина, Ефросинья, Земфира, Эсмеральда, Жулиета, Маргарита, Жанета, Жозефина, Инна, Жози, Джо и Йосефа (у раввинов в ешиве).

Папино первоначальное имя было Барух. В армии его переименовали на Бориса, в плену (немецком) ему присвоили имя Бернард, с которым он попал в Бухарест (Румыния). Поэтому мое полное имя Josephine B. (Bernard) Dorman. В Советском Союзе, где принято было обращаться по имени-отчеству имя «Жозефина Бернардовна» многим было «не по зубам»: пришлось поменять отчество, и я стала «Борисовной». Позже, работая в сельской местности, это изменение оказалось недостаточным, и меня стали называть «Инна Борисовна». После замужества с согласия мужа я сохранила свою девичью фамилию – Дорман. В Израиле из-за существующей бюрократии пришлось прибавить фамилию мужа – Фишман. И так получилось, что в ОРТе я была «גברת פישמן» (мадам Фишман), в ешиве – «מורה דורמן» (учительница Дорман), а в колледже – просто «ג'וזפינ'ג» (Жозефин)!

Как видите, имен много, но личность одна! Что касается папы, то, очевидно, для него мое имя никогда никаким изменениям не подвергалось, ибо на смертном одре, в бессознательном состоянии он вдруг, обращаясь ко мне, назвал меня «Йосаль»!

Я родилась в Бухаресте (Румыния) в семье состоятельных родителей, в доме из двенадцати комнат с огромным сосновым садом, с выездом на автомобильных колесах (в то время!), с лошадей арабской породы – Бэйби и с гувернанткой Каролиной, в доме, где самой большой ценностью считалась библиотека с огромным количеством книг, журналов и газет на разных языках.

Дедушкин (а затем наш) дом в г. Бухарест, ул. Сильвия, 41 (1925 г.)

Мама моя, Берта, уроженка города Калараш (Мунтения), находящегося на юге Румынии, с раннего детства жила в Бухаресте. Она окончила румынскую гимназию, в совершенстве владела французским языком и увлекалась медициной. В свое время собиралась поступить в мединститут, но по семейным обстоятельствам ей пришлось

отказаться от своей сокровенной мечты: она была шестым, младшим ребенком в семье, единственной, очень желанной девочкой после пятерых сыновей и единственной, оставшейся до конца возле своих немолодых и больных родителей. Братья разбрелись: двое младших из сыновей были отправлены в Париж на учебу, но окончили они не только свои университеты, но и жизнь в Освенциме.

Папа был «русаком», как его, любя, дразнили в маминой семье. Родился он на Днестре в еврейском местечке Каменка (Украина) и был старшим из четырех сыновей. У отца его был бакалейный магазин, и он в качестве старшего сына был правой рукой отца. Образование у него было неполное среднее, но жизнь сделала из него эрудированного человека, который в совершенстве разговаривал на еврейском, русском, украинском, румынском и немецком языках. Но, главное, он был на редкость красивый человек как внешне, так и внутренне, человек, постоянно ставивший интересы близких ему людей (и не только родных) выше своих.

Отслужив в царской армии долгую солдатскую службу в кавалерии и, наконец, вернувшись домой, спустя несколько лет он добровольно пошел в армию вторично – отслужить вместо «мизинца» – всеми любимого и балуемого брата Зейлика, но от судьбы не уйдешь: Зейлик утонул в Днестре. Что касается папы, то он оказался в рядах действующих сил царской армии во время Первой Мировой войны, попал в плен и находился в Германии около трех лет вместе с другим еврейским пленником Гришей, работая на ферме какого-то немца, дочь которого, влюбившись в папу, помогла им обоим сбежать оттуда и каким-то чудом благополучно добраться до Бухареста. Там волей судьбы он познакомился с моей дедушкой со стороны матери Кальманом Вагнером, у которого была фабрика мыла и свечей и который помог обоим парням остаться в Бухаресте и работать на его фабрике. Там они познакомились с моей мамой, которая, влюбившись в папу, вышла за него замуж. После смерти дедушки и дом, и фабрика перешли в собственность моих родителей (мамины братья стали только акционерами).

*Папа Бернард Дорман.
Пережил Карастрофу.
Похоронен
в г. Черновицы, Украина*

Наша фабрика

Детство мое, как нетрудно себе представить, пролетело, как в сказке. Мы жили в сугубо румынском квартале, и, кажется, были единственными евреями там. У нас были прекрасные отношения с соседями (многие из них работали на нашей фабрике или помогали по хозяйству), нас уважали,

мы с ними дружили, по праздникам обменивались национальными блюдами, так что не знаю, как родители, но мы с Дориной, моей старшей сестрой, не знали, что такое антисемитизм.

В отличие от наших дедушек и бабушек семья наша не была очень религиозной, но я хорошо помню ритуал зажигания свечей (в пятницу вечером и по праздникам) и торжественные ужины. Особенно врезались в мою память приготовления к Песаху, когда задолго до его наступления мы с мамой ездили в центр города и там, на улице Липскань, обходя почти все магазины, подбирали себе отрезы, обувь, шляпы и соответствующие аксессуары.

За этим следовало «нападение» на портных и портних, ибо всё должно было быть «самое-самое», так как у родителей были забронированы места в центральной синагоге Бухареста – Templul Soral, а мы с Дориной вместе с другими детьми зажиточных евреев играли во дворе синагоги, щеголяя друг перед другом своими нарядами. В синагогу нас пускали только на Хануку, когда бывало очень весело. Все пели и танцевали, а мы, дети, держа в руках бело-голубые флажки, в которые были воткнуты желто-красные яблоки с горящими разноцветными свечками, подпевали «O Napusa, o Napusa, frumoasă sărbătoare». Всё это, однако, не мешало нам, детям, ходить со своими румынскими подружками в церковь, любоваться там росписью стен, иконами и скульптурами, чокаться расписанными яйцами на их Пасху, а в случае похорон кушать со-liviu (сладкая вареная пшеница, засыпанная маленькими круглыми разноцветными конфетками). Какое это было удовольствие – протянуть ручку, чтобы получить жменьку этого «деликатеса»! Единственные похороны, куда мы ходили не для того, чтобы

Я и Дорина (моя сестра) в начальной школе. г. Бухарест. 30-е гг.

Июнь 1940 г.

У нас во дворе. Я с Дориной и моими подружками – близнецами.

получить *colivă*, были похороны королевы-матери – Regina Maria, куда мы поехали всей семьей и где я впервые в своей жизни встретила со смертью как с горем, горем всенародным. До тех пор меня никогда не брали на похороны, хотя в семье их было несколько, в том числе моей бабушки (со стороны матери) Рахели. На то время нас с Дориной отправили с Каролиной в кино, а затем – к папиному брату Тоби, который жил в самом центре еврейского квартала Calea Vacaresti. С ним и его семьей (тетя Жанет и Буцу и Харри – мои двоюродные братья) мы отправились на курорт Будаки на две недели. Вернувшись домой и не застав бабушку, я спросила, где она. В ответ мне рассказали историю о том, как дядя Фред приехал из Парижа и забрал ее туда на лечение (у нее были очень отекающие ноги, и она все время лежала).

Когда умерла бабушка, мне было пять-шесть лет. Сколько мне было, когда умерла Regina Maria, не помню. Но я прекрасно помню те неопишуемые похороны. Помню, что мы приехали рано утром на Calea Victoriei, где находился королевский дворец, с тем чтобы «отхватить» хорошие места. Но к самому дворцу пробраться нам не удалось, и пришлось долго идти пешком, пока, наконец, мы оказались в первом ряду толпы.

Церемония началась во дворце, и открытый катафалк, обтянутый фиолетовым крепсатеном, на карете с несколькими парами белых лошадей, обвешанных фиолетовыми лентами, должен был проехать, не знаю, сколько километров, и не знаю, куда, давая возможность народу попрощаться со своей любимой королевой.

Папа поднял меня и посадил себе на шею, поэтому я отчетливо видела все еще красивое лицо пожилой королевы, обрамленное серебристыми волосами. Даже на смертном одре она была величественно красива, одетая в фиолетовое платье. Оказалось, что фиолетовый был ее любимым цветом, и в своем завещании она просила, чтобы вместо общепринятого черного цвета всё было фиолетовым (даже флаги, которые развевались вдоль всей дороги, были фиолетовые).

За гробом, как положено, в первых рядах шла королевская семья. Непомню, кто был там и кого не было, единственный, кого я отчетливо увидела, был принц Михай – будущий несовершеннолетний король Румынии и... моя первая неразделенная любовь! (Мы были почти ровесники, он был очень красивым ребенком, и я не расставалась с его фотографией даже ночью – она лежала у меня под подушкой.)

Я не берусь описать ни придворные интриги, ни политические перемены, последовавшие за смертью королевы Марии, но мне почему-то кажется, что ее смерть привела к серьезным изменениям, в результате которых в первую очередь пострадали евреи.

Однажды поздно вечером дядя Тоби подъехал к нам на такси с тем, чтобы забрать нас к себе, т. к., по дошедшим до него слухам, на ту ночь был запланирован погром. Разговаривал он с папой в соседней комнате сначала шепотом, а когда папа наотрез отказался оставить дом, их разговор перешел в ссору, и до нас отчетливо стали доходить их голоса. Я хорошо помню, как вдруг мама схватила в свои объятия меня и Дорину, со слезами на глазах повела нас в соседнюю комнату и дрожащим, но решительным голосом произнесла: «Мы никуда не уйдем! Тут нас никто не тронет!» И так и было.

Не знаю, сколько погромов было, но, благодаря соседям, мы в своем доме жили, как за каменной стеной. Но не долго! До нас стали доходить слухи о бесчинствах легионеров (фашистов), о том, как грабили и убивали евреев. Не знаю также, что произошло, но знаю, что папа почему-то переписал фабрику на одного из своих служащих – румына, которому, очевидно, отец доверял и который, согласно неписаному договору, должен был ежемесячно приносить нам часть дохода. Впоследствии оказалось, что Дан (так его звали) был совсем не тем, за кого его принимали, и в скором времени мы лишились не только фабрики, но и дома и вынуждены были снять квартиру в аренду. Квартира была небольшая, но там был большой двор, и папе разрешили построить там гараж для брички и конюшню для Бэйби.

С трудом, но безропотно мы стали приспособляться к «новой жизни» в надежде на то, что это всего-навсего временное явление, и в чем-то мы действительно были правы – это длилось недолго. Я никогда не забуду, как однажды, возвращаясь домой всей семьей из гостей, мы издали услышали ржание нашего любимца, а приблизившись к дому, увидели группу солдат и Бэйби на задних ногах, отбивающегося от попытки увести его.

Бэйби папа купил по дешевке у одного азартного игрока на скачках, когда он был еще норовистым жеребенком, которого никому до того не удалось объездить. По маминым рассказам, папе, бывшему кавалеристу, удалось его укротить только после длительного «поединка», во время которого Бэйби его неоднократно сбрасывал с себя, чуть не убив. Но из этого поединка папа не только

вышел победителем, но даже сумел запрячь его, и в течение долгих лет Бэйби был «членом» семьи, которого все любили и угощали кусковым сахаром с ладони, получая в ответ «поцелуй». А он каким-то образом «чувствовал» нас на расстоянии и начинал ржать, как бы требуя, чтобы мы сначала подошли к нему «поцеловаться». И вот его-то хотели увести! Увести по приказу военкомата: его «мобилизовали», а он ни за что не подчинился. Он не хотел с нами расставаться, но все-таки пришлось. Папа попросил солдат отпустить коня и дать ему успокоиться, обещав, что на следующее утро он сам его приведет на сборный пункт. И они ушли.

Папа завел коня в конюшню и остался с ним до утра, а мы с мамой всю ночь проплакали, а утром попрощались с ним, как с самым близким и любимым человеком. Несколько дней подряд мы все горевали и плакали, а папа старался нас успокоить, говоря, что его скоро вернут. То же самое он сказал Бэйби на прощанье, но Бэйби этому не поверил, и в одну прекрасную ночь, услышав его ржание, мы все одновременно проснулись. Выскочив в ночных пижамах, мы вдруг увидели нашего Бэйби у порога: он перескочил через забор. Все мы, одновременно бросившись к нему, стали обнимать и целовать его, а он, со слезами на глазах, облизывал нас. Счастье было всеобщее и безграничное, но оно длилось недолго: утром опять за ним пришли, папе опять пришлось увести его на сборный пункт и на сей раз – навсегда! Для меня, девятилетней девочки, это было первое «боевое крещение», первый удар судьбы, оставивший глубокий след на всю жизнь. Вскоре за ним последовал второй – расставание с Пиком – моей любимой собачонкой.

Мне было пять-шесть лет, когда однажды, вернувшись домой, отец позвал меня к себе и предложил пощупать карман своего пиджака, из которого вдруг появилась малюсенькая черная головка с полуоткрытыми глазенками. «Он твой!» – сказал мне папа, и это было для меня бесценным подарком, за который я его постоянно благодарила. Пик стал сначала моим «детенышем», а затем моим лучшим другом и защитником: стоило папе (в шутку!) поднять на меня руку, как он тут же набрасывался на него с лаем. А ведь это был всего-навсего маленький шпич размером в какие-то двадцать-двадцать пять сантиметров!

Случилось это 10 августа 1940 года – день, ставший поворотным пунктом в жизни всей нашей семьи. Как известно, 28 июня 1940 года могучий Советский Союз объявил крошечной Румынии ультиматум, согласно которому Румыния должна была вернуть

России Бессарабию, которую она получила по окончании Первой мировой войны, а в качестве компенсации за ее использование на протяжении более двадцати лет Россия должна была аннексировать на такой же период времени Северную Буковину. Что могла сделать «Моська» против «Слона»? Естественно, что Румыния уступила и подписала соглашение, одним из пунктов которого был обмен гражданами до 1 сентября 1940 года. Точнее, находящиеся на территории Бессарабии и Северной Буковины румынские граждане при желании могли репатрироваться и наоборот. К этому «наоборот» относилась и наша семья (по папиной линии). Тут же началось «великое переселение народов» в обе стороны. Не знаю, было ли много людей других национальностей, которые тронулись с насиженных мест, помню только, что румынские евреи, которые успели уже подвергнуться репрессиям (лишиться собственности и основных гражданских прав), узрели в этом свое спасение и ринулись в «советский рай». Это усилило волну погромов: легионеры врывались в поезда, сжигали старикам бороды, выбрасывали детей и женщин из поездов на ходу, но поток беженцев остановить было уже нельзя.

После долгих, мучительных размышлений и «семейных советов», после того, как у нас национализировали дом и фабрику и забрали любимого Бэйби, а нам с сестрой было отказано в продолжении учебы в гимназии (это оказалось последней каплей дегтя), папа решил, что «ехать надо!». Надо, но не всем вместе. Первыми должны были уезжать мы, так как папа был старшим среди братьев, и при первой же возможности должен был сообщить своим братьям, что делать – ехать или не ехать.

Сборы были быстрыми, времени было уже впритык. Все самое ценное и необходимое поместилось в двенадцати плетеных корзинах размером с письменный стол, каждая из которых была обернута в персидский ковер. Отправив все это багажом и не оглядываясь назад, в сопровождении папиных братьев 10 августа 1940 года мы отправились в «новый мир».

У каждого из нас был еще какой-то ручной багаж. Моим «багажом» был мой любимый Пик, без которого, как я объявила, «никуда не поеду». Но, не тут-то было! Когда мы каким-то чудом благополучно добрались до новой границы на берегу Дуная, для тщательного осмотра багажа понадобилось снять ковры, которые тут же конфисковали вместе со многими другими вещами. Мне

до всего этого не было дела. Но когда они заявили, что перевоз домашних животных строго воспрещен, и потребовали отдать им Пика, я отказалась и, еще сильнее прижав его к себе, рыдая, умоляла нас не разлучать. Солдаты были неумолимы, а Пик, будто понимая, что происходит, вцепился лапками в мою шею, чуть не задушив меня, и из его маленьких, выпуклых черных глазенок потекли слезы. Я выпустила его из своих рук только тогда, когда наконец кто-то из начальников согласился позвать дядю Марчела, второго папиного брата, с тем, чтобы он забрал Пика себе. Это дало нам возможность еще раз встретиться с дядей, и папа сумел прошептать, чтоб они не повторили нашу ошибку. Это была их последняя встреча! Я же, не переставая плакать, передала дяде свое сокровище с соответствующими наставлениями, хотя знала, что Пику у них будет хорошо. (У них не было детей, а Пика и он, и тетя Мэри очень любили.)

Лишившись Пика, не переставая плакать, я «прилипла» к маминой юбке и не оторвалась от нее, пока после долгого и тревожного ожидания нам не «подали карету», т. е. паром, на который сначала загрузили багаж и лишь потом людей. Мест для сидения там не было, и мы сели на свои колючие корзины в ожидании отправки.

Все делалось как-то ужасно медленно, и когда наконец мы тронулись с места, все облегченно вздохнули. Но ненадолго! Нас должны были переправить через Дунай в Рени, которые были уже советской территорией. Так вот: когда наш паром доплыл до середины реки, где кончалась румынская территория, он вдруг остановился, и румынские солдаты, ничего не объяснив, уплыли назад на лодках. И тут началась паника: предполагая, что нас бросили на произвол судьбы, старики начали молиться, женщины, прижимая к себе детей, что-то тихо про себя бормотали, а я по-прежнему не отрывалась от маминой юбки и вместе с ней тихонько плакала.

Уроженка Румынии, мама вообще не хотела уезжать. Ей было невыносимо больно расставаться со своими братьями (Адольфом, Мауричу и Алеку), с могилами родителей, с друзьями детства, любимым городом и «своей» Родиной. Но семья для нее была превыше всего, и в конце концов она согласилась поехать, несмотря на возражения своих братьев.

Всю дорогу она мужественно переносила все трудности и унижения, но сейчас, в темноте ночи, когда папа с Дориной гуляли

МАМИНЫ БРАТЯ

*Фред Вагнер.
Сожжен в Освенциме.*

*Мауричу Вагнер.
Похоронен в Израиле.*

*Адольф Вагнер.
Похоронен в Израиле.*

*Аарон Вагнер - сожжен
в Осверциме. Титина - его
жена. Похоронена в Париже.*

*Алеку и Луна (его жена).
Похоронены в Израиле.*

по палубе (для Дорины все происходящее было интересным приключением, она была вездесущая и во всем помогала папе), мама дала волю слезам, крепко прижимая меня к себе. Я, чувствуя ее рядом, уснула. Проснулась я от страшного шума, грома аплодисментов, молитв стариков и небывалого ажиотажа: оказалось, что было уже утро, и к нам приплыли советские пограничники. Несколько солдат поднялись на наш плот и что-то сказали на непонятном большинству языке. Те немногие, которые еще помнили «родной» язык, в том числе и папа, стали переводить сказанное, и вся толпа зааплодировала и стала громко кричать «Ура!». Народ зашевелился, старики опять подняли руки к Богу, по всей вероятности, чтобы поблагодарить Его за свершившееся чудо – за наше спасение! А женщины опять заплакали, но на сей раз от радости. Что касается нас, детей, до тех пор молча прятавшихся в подолах одежды наших матерей, не совсем понимая, но чувствуя перемену, мы вдруг забегали по палубе, заполняя атмосферу веселым детским смехом.

Наш «пароход» опять поплыл, и, не знаю, сколько времени спустя, нас высадили на «обетованную землю», где нас очень дружелюбно встретили и после пограничной процедуры пригласили пообедать вместе с солдатами.

Мы находились на самом берегу Дуная на какой-то поляне в лесу. Был жаркий августовский день, и это место казалось земным раем. Мешал только какой-то неприятный запах. Оказалось, что это был запах той рыбной похлебки, которая варилась в больших казанах, подобных тем, в которых у нас дома вываривали белье на открытом огне. После проведенной посреди реки ночи всем хотелось поесть что-то теплое. Многие кушали, но маму затошнило после первой же ложки, а глядя на нее, вырвало и меня, и потом я ни разу больше к «столовой» не подходила. Благо, что в течение дня нас «угощали» горячим чаем с твердыми, как камень, сухарями из черного хлеба и что в нашем ручном багаже были конфеты, шоколад, сыр и твердокопченая колбаса. Там негде было что-нибудь купить, да и денег (рублей) ни у кого из нас не было. К счастью, на русских солдат произвели впечатление наши наручные часы: по сравнению с теми «цибулями», которые были у них, наши казались миниатюрными, и они, не стесняясь, стали уговаривать нас их продать. Таким образом, продав три пары часов «Омега», у нас появились рубли (мамины золотые часики с золотым браслетом и папины «Шэфхаузен» с двенадцатью камнями остались все-таки у нас).

Не знаю, сколько у родителей было денег, но нам их хватило, чтобы добраться до Вертюжан – небольшого еврейского местечка Сорокского района в Бессарабии на берегу Днестра, где проживала папина дальняя родственница. Но нам хватило денег не потому, что их было много (как в дальнейшем оказалось, мы все продали по дешевке), а потому, что за проезд в товарном поезде у нас денег не брали. Эта поездка превратилась в трехнедельное «путешествие» с бесконечными приключениями.

О Вертюжанах мы знали только из рассказов папы. Они находились прямо напротив того местечка Каменка, где проживала его семья и где впоследствии родился он и его братья. До Первой мировой войны как Вертюжаны, так и Каменка входили в состав царской России. По окончании войны согласно мирному соглашению Днестр оказался пограничной зоной: Каменка осталась украинской, входящей в состав Российской империи, в то время как Вертюжаны в составе всей Бессарабии то ли вернулись, то ли попали (спорный вопрос) в состав Румынии, и вдоль реки была установлена граница между Румынией и Россией.

Так получилось, что «застряв» в Бухаресте после своего побега из немецкого плена, папа оказался в Румынии, в то время как его семья осталась в России. Папа не нашел покоя, пока не перетащил всех оставшихся в живых нелегальным путем (связавшись с какими-то пограничниками за большие деньги) через Днестр в Вертюжаны. Это было после его женитьбы, где-то во второй половине 20-х – начале 30-х годов, и перевозил он их постепенно, по несколько человек.

Родителей и младшего брата Зейлика уже не было в живых, так что первыми попали в Вертюжаны его младшие братья – дядя Тоби и дядя Марчел. Он их тут же забрал с собой, и они находились у нас, пока не женились.

За ними постепенно по их просьбе папа стал перетаскивать родственников как со стороны отца (тетя Хиня с сыновьями Авраамом и Сукэ, которых после долгого пребывания у нас папе

*Марчел с Мэри Дерриан.
Похоронены в Бухаресте,
Румыния.*

*Тоби и Жанет Дорманы.
Похоронены в Израиле.*

удалось переправить в Аргентину и которые уехали, не успев сказать «спасибо»), так и со стороны матери – сёмьи Штерн и Эдельштейн.

Иосиф Штерн, папин двоюродный брат, остался в Бухаресте, с помощью папы открыл галантерейный магазин, женился. У него был один сын Яша, с которым мы с Дориной дружили. Эдельштейны остались сначала в Вертюжанах, а потом разбрелись по всей Бессарабии. В их числе была и Фейга Эдельштейн, которая осталась в Вертюжанах и к которой папа решил для начала поехать.

Дело в том, что добраться до Вертюжан с нашим багажом мы могли только поездом. А случилось так, что румыны увезли с собой свои поезда, оставив узкоколейку (или наоборот), а у русских были совсем другие поезда, и им пришлось сменить рельсы. И вот этот процесс длился около двух недель, но когда нас наконец посадили в поданный по «спецзаказу» товарный поезд, застеленный соломой, и мы сдвинулись с места, оказалось, что в нескольких местах рельсы были неправильно проложены, и несколько раз нам приходилось выходить из вагонов и долгими часами, а иногда и целыми днями дожидаться следующей посадки.

Конечной станцией оказался полустанок Ункитешты. Прибыли мы туда вечером. Место было пустынное, и папе с трудом удалось найти двух-трех молодых людей, которые помогли разгрузиться и занести багаж в зал ожидания. Мы были единственными пассажирами, которые доехали до конечной станции, и поэтому нам повезло – мы заняли весь зал и все имеющиеся там скамейки, которые после столь длительного мытарства восприняли как «царское ложе» и тут же уснули.

Проснувшись утром, мы обнаружили, что весь наш багаж «улетучился», и поиски, длившиеся почти целый день, ни к чему не привели. Впрочем, нет! Мы что-то да нашли в кукурузном поле. Это были пустые корзины и лайковый альбом с фотографиями дорогих нам людей, с большинством из которых мы навсегда расстались, и мы этой находке были очень рады.

Не солоно хлебавши, со слезами на глазах мы на какой-то подводе добрались наконец до Вертюжан, а на следующий день нас записали в местную молдавскую среднюю школу, и мы с Дориной оказались в той же школе, она в десятом, а я - в шестом классе.

Несколько дней спустя папа отправился на поиски работы и постоянного места жительства для семьи. Знание русского и украинского языков наряду с румынским, а также его личное обаяние и опыт в организации производства и работы с большим коллективом людей помогли папе устроиться в городе Черновицы (Западная Украина) на хорошую руководящую работу и получить на Клокучке (бывшая немецкая колония на окраине города) брошенный в спешке после 28 июня 1940 года немецкой семьей особняк, полностью меблированный, со всей утварью, дорогой посудой, бельем и одеждой, особняк с большим фруктовым садом и двором, утопающим в цветах. Об этом нам писала мама, которая вскоре последовала за папой, оставив нас с Дориной на временное попечение нашей родственницы Фейги, которая в нас души не чаяла: она была незамужней женщиной лет тридцати-тридцати пяти и относилась к нам как к собственным детям.

Мама поехала туда, чтобы, во-первых, облегчить папе жизнь, а во-вторых, подготовить почву для нашего переезда к ним. Но позже наши родители пришли к выводу, что более целесообразно не отрывать нас от учебы посреди учебного года, а дать нам возможность акклиматизироваться в новой действительности и хоть немного изучить совершенно чужой нам русский язык, на котором нам предстояло учиться в Черновицах. Молдавский язык – это, на мой взгляд, исковерканный румынский, переведенный на славянский алфавит, и потому учиться там нам было намного легче.

Нам было нелегко в молдавской школе, но всё же значительно легче, чем сразу попасть в русскую или украинскую школу. Дорина была способной ученицей, но к учебе она никогда серьезно не относилась, за что ей немало попадало от родителей и учителей. В ней было что-то мальчишеское, с девушками она не дружила и всегда вместе с мальчишками проказничала. Ситуация, в которую она попала в тот период, была для нее «мечтой поэта»: ни в школе, ни дома никто к ней не предъявлял никаких претензий, и она была на вершине счастья, несмотря на то, что как папу, так и маму она уважала и любила. У нее там появились «ухажеры», и она просто наслаждалась жизнью.

Другое дело я. С раннего детства я любила Книгу. По словам родителей, к пяти годам я уже умела считать, читать и писать, и меня трудно было оторвать от чтения. В школу меня приняли досрочно, и я была примерной ученицей. Мама мечтала, чтобы я стала врачом. Я же, которая при виде крови чуть не теряла сознание, мечтала совсем о другом – стать учительницей, такой, какой была моя учительница младших классов, которую я обожала и которой старалась во всем подражать. Ее фамилия была Лейбович, но была она очень похожа на греческую богиню.

Ее любимыми цветами были шоколадно-коричневый в сочетании с бежевым и желто-кукурузным цветом, которые по сей день остались преобладающими цветами и моего гардероба. Она сыграла важную роль в моем воспитании, и я с благодарностью и нежностью вспоминаю ее.

Помню, как перед окончанием третьего класса она организовала экскурсию в лес. Поехали мы туда заказным автобусом, и во время езды мы получили полный инструктаж о том, что нам предстояло там в ту пору увидеть, на что обратить особое внимание, как себя вести, а главное – не отходить в сторону от нее ни на шаг.

Я была очень послушной ученицей, но, попав в лес, настолько очаровалась природой, что незаметно оторвалась от группы. Точно опьяненная, бродила я по лесу, бегала за зайчиками и белочками, прислушивалась к многоголосому пению неизвестных мне птиц и собирала разноцветные цветочки для моей любимой учительницы. Когда, наконец, «отрезвилась», видя, что никого со мною рядом не было, я испуганно побежала назад. Но мой «назад» оказался «вперед» – я заблудилась. Прошло немало времени, пока услышала разноголосые выкрикивания моего имени по слогам, и, изменив направление, позволила себя найти. Дети тут же набросились на меня с упреками, а я, испуганная и заплаканная, молча подошла к мадам Лейбович и, вручив ей специально для нее собранный букет, извинилась. Ничего не сказав, она взяла меня за руку и не отпустила ее, пока мы не дошли до автобуса. День был испорчен, и виновата в этом была я!

На следующий день на первом же уроке госпожа Лейбович попросила нас описать свои впечатления о прошедшем дне. Не знаю, о чем писали остальные дети. Я же детально и с восторгом описала увиденное и, раскаиваясь и плача, извинилась перед учительницей и перед учениками. Спустя пару дней она вслух

прочла мое сочинение перед классом и предложила поднять руки всем, кто меня простил. Воздержавшихся не было, а первой подняла руку ОНА!

На заключительном родительском собрании она в свою очередь извинилась перед родителями, а маме сказала: «У вас необыкновенная девочка, она будет писательницей!» Во время летних каникул, отравившись грибами, она умерла!

В Бухаресте я успела окончить начальную школу и один класс гимназии, где количество учителей значительно увеличилось, но ни к кому больше я не испытывала то, что испытала к моей первой учительнице, тем более в Вертюжанской школе. Но я усердно училась и многому все-таки научилась. Не хватало мне книг для чтения и мамы – моего дорогого путеводителя по кино, театрам (детским) и музеям. К счастью, я подружилась с Этей Лернер – самой красивой девочкой нашего класса – блондинкой с большими глазами à la Simone Signoret. Она была дочерью зажиточных

Этя Лернер (первая справа) у меня дома спустя почти 70 лет. Реховот.

родителей, держалась особняком, но почему-то «снизошла» до меня. Мы с ней подружились, а через нее я познакомилась с ее семьей, а главное, с ее матерью Любой – импозантной, умной и образованной женщиной. В свое время она окончила гимназию, была человеком большой души, обладательницей богатой библиотеки, в которую мне открыли врата. Мы полюбили друг друга. С первой встречи я покорила ее своим высоколитературным румынским языком, эрудицией и воспитанностью (это ее слова), и она в какой-то степени в тот период заменила мне маму и скрасила мое одиночество (я бывала больше у них, чем у тети Фейги, с которой, при всем моем уважении к ней, мне не о чем было говорить). Расстаться с семьей Лернеров мне было очень тяжело. Утешало лишь то, что наконец мы поедem домой, в тот самый «рай», который нам мама описывала в своих письмах, и что мы, как прежде, заживем в любви и роскоши.

20 июня 1941 года, окончив учебный год и попрощавшись со всеми, мы с тетей Фейгой поехали в Ункитешты, а оттуда – сами

на поезде – прямо в Черновцы. Прибыли мы в полдень 21 июня. На вокзале встретила нас только мама. Это была суббота, и папа был еще на работе. Оттуда на такси мы поехали домой. Дорина сидела рядом с шофером, а я с мамой, тесно прижавшись друг к другу, только и делали, что смотрели друг на друга и целовались. Дома нас встретил папа, который раньше времени ушел с работы. Схватив меня на руки, как в былые времена, обнимая и целуя, занес меня в дом, где нас ждал празднично накрытый стол и много цветов. Пообедав, мы вышли в сад и там, в беседке, наперебой рассказывали друг другу о том, что происходило во время нашей разлуки, о своих новых друзьях и о жизни в советском еврейском местечке, о своих учителях и о чем только нет! Не забыли похвастаться и своими табелями (оценками).

Ночь настала незаметно, но никому из нас не хотелось спать, точнее, мы не могли разойтись по кроватям. И тут у папы возникла гениальная идея: отодвинув большой обеденный стол к стене, он предложил маме постелить всем нам вместе на полу. И так, в объятиях, не переставая целоваться, мы проболтали всю ночь, ни на минуту не сомкнув глаз. Мы с Дориной с нетерпением ждали рассвета, чтобы поехать в город, в котором нам предстояло начать новую счастливую жизнь в кругу семьи. Вдруг раздался страшный звук пролетевшего над нашим домом тяжелого самолета, и мама тут же воскликнула: «Это бомбардировщик! Это война!» Не успела она закончить фразу, как тут же раздался страшный «гром» – это была первая и единственная бомба, сброшенная на Черновцы и разрушившая, как мы узнали позже, центральную еврейскую синагогу, находящуюся в самом центре города. (После войны Советы восстановили здание, образец искусства, и превратили его в шикарный кинотеатр, который евреи сначала бойкотировали, а затем, со временем, назвав его «киногой», стали посещать).

Это было утро 22 июня 1941 года – начало войны между фашистской Германией и Советским Союзом – конец нашего пребывания в «раю» и начало нашего «хождения по мукам».

Первые несколько дней в городе царил хаос: власти удрали, унося с собой награбленное, чернь высыпала на улицы, разбивая витрины магазинов и грабя всё, что под руки попадалось, убивая встречных и поперечных, а мы, словно мыши, забившиеся в своем шикарном доме, за несколько минут превратившемся в темную нору, т. к. папа

сразу забил снаружи окна досками, оставив только небольшие щели для наблюдения, замерли в ожидании неизвестного. Благо, что в доме была полная чаша!

Не знаю, сколько времени прошло, как вдруг до нас дошли звуки громкоговорителя. Это было обращение оккупантов (немцев, поляков, румын, итальянцев и бог знает кого еще), провозглашающих свою власть и требующих полного повиновения. В противном случае – смерть!

Мы переждали еще несколько дней, затем потихоньку стали высовывать головы, но дальше своего двора не смели выходить. Наш фруктовый сад и огород нам очень пригодились. Не представляю, что бы мы делали в то время без них.

Папа был нашим «разведчиком» и снабженцем, и, как это ни странно, мы стали приспосабливаться к «новой жизни». И тут я заболела ветрянкой в очень тяжелой форме. Если бы не мама и ее знания медицины, вряд ли я выжила бы. Трудно сказать, сколько длилась моя болезнь. Я еще с трудом становилась на ноги, как папа, вернувшись из «разведки», сообщил, что в городе развешаны объявления, касающиеся только евреев, которым давалось двадцать четыре часа на сборы и прибытие на центральную площадь города всей семьей. Потеряв дар речи, мы только смотрели друг на друга. Первая нарушила молчание мама, сказав: «Давайте собираться!»

Из своих рубашек папа смастерил всем нам по «рюкзаку», в котором у каждого из нас было то, что папа считал самым необходимым: мыло и зубная паста, белье и несколько платьев, обувь и пара теплых кофточек, а также по кусочку хлеба, сыра и колбасы, плюс некоторые лакомства и бутылка с водой. Затем, заколотив опять окна и двери, опять оставляя всё позади, папа сказал: «С богом!», и со слезами на глазах, покинув второй «рай», мы отправились на место сбора.

К тому времени, когда мы прибыли туда, там была уже масса народу: молодые и старые, женщины и мужчины, дети и младенцы. Стояла мертвая тишина, которую нарушал только детский плач. Все со страхом ждали неизвестного. Вдруг появились несколько солдат и дали команду двигаться вперед. Дорога была не дальняя: нас погнали в еврейский квартал, велели найти себе пристанище у проживающих там «жидов» и не сметь выходить из домов до получения следующего распоряжения. Так мы оказались в Черновицком гетто!

Квартиры местных жителей за пару часов превратились в «заезжие дворы», т. к. там, где раньше жила одна семья, втиснулись еще 2-3 семьи совершенно чужих людей, которых каким-то образом пришлось не только приютить, но, по возможности, и накормить.

Нам в этом отношении все-таки повезло: мы попали в семью зажиточных людей, и на ближайшие несколько дней мы были обеспечены. Как удавалось папе «выкручиваться» дальше, я понятия не имею, но от голода мы не страдали.

Мы прожили там по меньшей мере несколько месяцев, когда поступил приказ немедленно освободить квартиры и двинуться в сторону вокзала. Отобрав самое ценное и необходимое, наши «хозяева» предложили нам сделать то же самое, а мы, схватив всё, что попало, вместе с ними отправились на вокзал. Там нас посадили в товарный поезд и доездили до станции Мыркулешть (Бессарабия), где высадили всех. Неподалеку от вокзала стояли два ряда столов, за которыми румынские солдаты проводили «чистку»: под страхом смерти нам было велено выложить на стол документы, деньги и драгоценности, а затем за другим столом – «багаж» для проверки. Все, что им нравилось, они «конфисковывали». У нас они между прочими вещами забрали одежные щетки, в доньшках которых были запрятаны фамильные бриллианты, сказав, что это лишний груз, который нам не понадобится. (Благо, что они их не раскрутили при нас: нас бы тут же расстреляли за непослушание.)

Как только чистка была произведена, нам снова объявили, что мы отправляемся на работу и что там мы получим всё необходимое. Одновременно были поданы несколько подвод с лошадьми для перевозки стариков, больных, беременных женщин и маленьких детей. Остальным было велено двигаться в путь. По-моему, была уже осень, потому что вдруг поднялся сильный ветер, а за ним пошел настоящий ливень. Шли мы по проезжей дороге, ногами месили молдавское болото и под крики солдат: «Шире шаг!» двигались вперед до самой ночи, пока не добрались до леса – Косоуцкий лес на берегу реки Днестр. И тут наступила «Варфоломеевская ночь» – ночь ужасов! Как только нам разрешено было остановиться в глубине леса, папа с мамой прижали нас с Дориной к себе, желая как-то защитить нас от страха, темноты и сильного ливня, и, несмотря на то, что их одежда была такой же мокрой, как и наша, нам все-таки стало теплее и спокойней на душе.

Не знаю, сколько нам удалось «наслаждаться» этим состоянием,

как вдруг раздался приказ: «Мужчины – направо, женщины и дети – налево!» Под светом молний и солдатских фонарей им удалось собрать большинство мужчин и парней, несмотря на их сопротивление, крики и плач жен и детей. Судя по раздавшимся выстрелам, были и попытки побега и расстрелы, но мы дальше своего носа ничего не видели.

Я помню, как вдруг мама освободила меня из своих объятий и, бросившись на шею папе, рыдая, крикнула: «Не отпущу!» Вслед за ней на его шее повисли и мы с Дориной и, плача и целуя его, умоляли: «Не покидай нас!» Двое солдат оторвали папу от нас, и он только успел крикнуть: «Я скоро вернусь!» И он действительно вернулся, только не скоро, а на рассвете. Он сбежал, но только после того, как, получив лопату, принимал участие в рытье огромной ямы, вокруг которой «разгрузили подводы» и начали стрелять. Что произошло потом, папа то ли не знал, то ли не мог нам рассказать. Спустя годы люди поговаривали, что «могильщики» попали в ту же яму.

Не знаю, успели ли те, которых расстреляли, хотя бы помолиться перед смертью. Зато я хорошо помню наши молитвы сквозь плач и рыдания. Дождь лил, не переставая, в сопровождении грома и молний, но на это уже никто не обращал внимания. Все думали только о тех, кого забрали и, обращаясь к Богу, молились за их возвращение.

Бог услышал наши молитвы, и, как я уже писала, папа вернулся, но вернулся он совсем другим человеком. Сейчас я понимаю, что он был в состоянии шока, но тогда я никак не могла понять, почему он ничего не говорил, а только обнимал и целовал нас со слезами на глазах. Я впервые увидела плачущего папу, и я плакала вместе с ним, но плакала я от радости – папа был снова с нами!

Папа был с нами, но... То, что мне пришлось пережить за время его отсутствия, оставило глубокий отпечаток на всю мою жизнь. За несколько часов подросток не только повзрослел, но, перескочив через отрочество и взрослую жизнь, стал сразу стариком. Да, именно так. Улыбка сошла с моего лица на долгие годы, и я потеряла вкус к жизни. От самоубийства спасла меня только мысль, что они – дорогие мне люди – не смогли бы пережить такого удара. Апогеем этой ночи для меня были роды и их последствия. Да, именно роды!

Дело в том, что еще в Мыркулештах, когда стали сажать немощных на телеги, к нам присоединилась молодая одинокая

женщина. Как оказалось позже, беременная. У моих родителей была огромная сила притяжения людей (к счастью, добрых, но нуждающихся в поддержке или просто человеческой теплоте). На протяжении всей дороги эта женщина от нас не отходила, и, когда папу уже забрали, у нее начались роды.

Я уже говорила, что медицина для мамы была не только hobby. Она ее постоянно изучала и практиковала не только на нас, но и на соседях, друзьях, работниках фабрики и членах их семей, одним словом, где только нужна была помощь. Помню, как однажды посреди ночи (еще дома) сосед постучался к нам и попросил маму посмотреть его жену, у которой начались роды, и маме пришлось их принять. С тех пор маму считали «скорой помощью», и, прежде чем обратиться к врачу, обращались к ней, зная, что она не откажет. Так случилось и на сей раз: несмотря на обстановку и темноту ночи, мама стала принимать роды, а я, которая ни на шаг не отходила от нее, оказалась тому свидетельницей и даже помощницей – я достала и принесла ножницы.

Женщина кричала нечеловеческим голосом, и на ее крики прибежал солдат, который выхватил из маминых рук крошку и вышвырнул, а женщину пристрелил. Не знаю, как я не потеряла сознание. Наверное, дождь помог, но картина эта зафиксировалась в моих глазах, как у уходящего из жизни человека, и там она осталась до сих пор...

С наступлением рассвета нас погнали дальше. Дождь то ли перестал, то ли мы перестали его замечать, но, оказавшись на берегу Днестра, по мосту добрались до Ямполья (Украина). Оттуда и началась наша «дорога в никуда»!

В том году осень была дождливая, и мы с утра до вечера постоянно насквозь мокрые «месили болото» на сей раз украинских дорог. Колонна была длинная, а солдат было всего несколько. Они нас гнали, как гонят скот, с той только разницей, что к жизни скота относятся бережно, а нас вели с целью истребления. Никто нас не кормил и не поил. Более того, если, проходя мимо какого-то населенного пункта, кто-нибудь из жалости бросал какую-то еду, то и им, и нам грозила смерть. Сначала мы этого боялись, но спустя пару дней, поняв, что смерти нам не миновать, подобно другим, стали бросаться на те спасительные пакетики. Многие за это заплатились жизнью, но другие, в том числе и мы, спаслись, и благодарны им.

Божьим даром для нас оказалась и сахарная свекла, которую не успели собрать с полей. В те небольшие перерывы, которые нам давались 2-3 раза в день, мы наловчились выкорчевывать ее из земли руками и запивать ее зачастую дождевой водой, т. к. она очень терпкая.

Мы постепенно стали терять страх, стыд и свое человеческое достоинство. Эти поля стали нашей кормилицей и в то же время общественной уборной. В этом нам не отказывали. Этого они и добивались.

Мы шли с утра до вечера, пока не добивались до каких-то бывших колхозных конюшен и свинарников. Туда они нас на ночь загоняли и закрывали на замок. Выйти оттуда было невозможно, да и куда уйти? Более того, мы были рады оказаться под какой-то крышей и дать ногам немного отдохнуть.

Пол был застелен соломой, конечно, грязной, но, если повезло, было достаточно места, чтобы прилечь. Но это было только в начале пути. Чем дальше мы шли, тем страшнее становилась картина: видно было, что до нас по тому же «туристическому маршруту» уже шли другие колонны, потому что перед тем, как прилечь, мужчинам велено было собрать оставшиеся там трупы в какой-то угол с тем, чтобы освободить «ложи» для нас. Мертвецы для нас стали обычным зрелищем как там, так и по дорогам, ибо тех, кто уже не мог идти в ногу с солдатами, расстреливали на ходу, и наша колонна изо дня в день становилась все меньше и «моложе»: почти всех стариков и больных перестреляли. Расстреливали и тех, кто по утрам отказывались выходить.

Трудно сказать, сколько времени мы шли и через какие населенные пункты мы проходили.

Мне казалось, что нас вели по кругу, что тут мы уже были, что это мы уже видели и что нас будут гнать до тех пор, пока никто не останется в живых. И мы шли!

В моей памяти осталось только одно название местности – Ободовка, которую, как и Косоуцкий лес, никак не могу забыть. Это было где-то на полпути. Нас загнали куда-то в какой-то небольшой свинарник, где не хватало «спальных» мест для всех. Нас с Дориной родители все-таки как-то пристроили, а сами сели рядом: мама с одной стороны, а папа с другой. Я, конечно, лежала возле мамы на свежестеленной соломе и тут же заснула. Проснулась я от прикосновения чьей-то очень холодной руки и, подумав, что мама

рядом со мной замерзла, стала эту руку растирать. Она выскользнула из моих рук, и я крикнула: «Мама!» Проснувшись, мама тут же спросила, что случилось. В темноте ничего не было видно, и, обняв меня, она стала меня успокаивать, уверяя, что это был сон. Я тут же опять уснула, но на рассвете, когда открыли ворота, и люди стали выходить, я вдруг обнаружила рядом со мной руку мертвеца, на котором я спала, и потеряла сознание. Что было дальше, я не знаю. «Проснулась» я в дороге на папиных руках и на некоторое время потеряла речь. Но не память! Сколько времени мы еще «плелись» вперед к «конечной остановке» (если вообще планировалась такая), я не знаю. Помню только, что в один «прекрасный» день Дорина объявила, что у нее нет больше сил и дальше она не пойдет. Мама тут же определила, что у нее очень высокая температура, и папе пришлось взять ее на руки. Благо, что это случилось в конце дня. Наступили уже сумерки, и, пройдя мимо какого-то разрушенного дома, папа с Дориной на руках оторвался от колонны, оставил ее там и тут же вернулся за мной с мамой. Так мы оказались в углу двух оставшихся от разрушенного дома стен, без крыши, без привычной уже соломы, но вдали от колонны: она прошла мимо, и, как нам казалось, наш побег остался незамеченным. Но это было не так! Мы все еще стояли в том спасительном для нас углу, затаив дыхание, как вдруг появился высокий красивый молодой человек с молодой женщиной на руках. Оказалось, что он заметил наш побег и последовал за нами, бережно прижимая к себе свою молодую жену. Это были Золи с Гиной. Как мы впоследствии узнали, они поженились за неделю до начала войны, и это было их запоздалое «свадебное путешествие». Я верю, что их нам послал Бог, ибо в создавшейся ситуации одному папе было уже непосильно справиться.

Ту ночь мы провели, сидя на каких-то кирпичках. Зато Дорина с Гиной лежали на «царском ложе» – на двери, которую Золи запросто снял с завес. Но это понимала я. Они, Дорина с Гиной, не могли этого оценить: они провалились в какой-то летаргический сон.

На рассвете Золи пошел «в разведку» и вскоре вернулся со спасительным известием: неподалеку от места нашего нахождения был населенный пункт, и там он «разнюхал» для нас временное убежище. Это был луч света в нашем темном царстве, и, вдохновленные, собрав последние силы, мы двинулись в путь. У папы с Золи были свои «ноши», а мы с мамой догрузились их

рюкзакami, и, хотя расстояние было небольшое, дорога эта нам казалась бесконечной. Но все же мы добрались до места без каких-либо инцидентов.

Это был полуподвал, в который нужно было спуститься семь-восемь ступенек, чтобы попасть в какой-то довольно длинный коридор. Там с правой стороны была дверь, открыв которую, мы чуть не задохнулись: это был свинарник в прямом смысле слова. Там были все тому доказательства, кроме самих свиней, но над нами была не только крыша, но настоящий жилой дом, и мы больше не боялись ни жандармов, ни дождя. У нас с мамой опять появились слезы на глазах: мы были спасены!

Как только наступил день, оставив нас на попечение Золи, учитывая знание украинского языка, на сей раз в разведку пошел папа, и вернулся он не только с точными сведениями о месте нашего нахождения, но и с ведром воды, лопатой и тряпками, и мы тут же приступили к работе по чистке территории. Немного позже к нам спустился хозяин дома – Иосиф (Йоська-пирожке, как его там почему-то прозвали) с чайником кипятка, парой чашек и куском хлеба. Для нас это было царским угощением. Папа с ним о чем-то разговаривал. Никто из нас ничего не понимал, но Иосиф ушел и вскоре вернулся с Басей, своей сожительницей. (Ее муж ушел на войну, оставив ее со своим сыном Яшей от первой, умершей от туберкулеза, жены и их общей девочкой лет восьми Люсей.) Оба они подключились к очистке помещения, и к вечеру наши «покои» были уже готовы принять нас. Сняв где-то двери с какого-то заброшенного дома, мужчины сконструировали два ложа: одно для нашей семьи и другое для семьи Герц – такова была фамилия Золи и Гины. Бася оказалась добродушной женщиной: как только наши лежаки были готовы, она занесла нам какие-то подушки (твердые, как камень) и старые одеяла, и мы после долгого времени могли наконец спать как люди. Обнявшись, мы тут же уснули.

Проснулись только мы с папой: мама и Золи тоже заболели и не могли даже встать на ноги. Иосиф привел к нам человека лет 45-ти, которого представил как доктора Флейшмана – он тоже был из Черновиц. Диагноз он поставил сразу – брюшной тиф, но медикаментов у него никаких не было. Он проинструктировал папу, как бороться с «нечистотой», и, между прочим, рекомендовал всех нас обстричь. Единственная, кто сопротивлялся этому, была я (остальные не соображали, что папа с ними делал). Сквозь слезы я

просила папу меня не стричь, но он был неумолим, и тогда с обидой я ему сказала: «Я тебе этого никогда не прощу!» У Дорины были кудрявые волосы, у меня гладкие, но спустя несколько месяцев я обнаружила, что у меня выросли очень красивые, будто уложенные в парикмахерской крупно-волнистые волосы. Несколько лет спустя после освобождения папа вдруг меня спросил: «Я еще не прощен?» Обняв и поцеловав его, я попросила у него прощения, а он, глядя на меня, сказал: «Какая ты у меня красивая!»

Оказалось, что мы находились в бывшем еврейском местечке Бершадь Винницкой области на Украине и что, как только началась война, мужчины были мобилизованы, и большинство семей успели эвакуироваться. Остались только пожилые люди, инвалиды и женщины с маленькими детьми. Потом появились там изгнанные из Бессарабии и Буковины евреи, которые, очевидно, так же, как и мы, оторвались от колонн и заселили заброшенные дома. Это были, в основном, немолодые, большие люди, и в объявленном затем властями официально «гетто Бершадь» уже свирепствовал брюшной тиф, и люди умирали как мухи.

Вскоре заразилась и я, но, к общему счастью, я слегла последняя, но встала, т. е. «выздоровела» первая. За мной последовал Золи. Мама, Дорина и Гина пролежали без сознания от двух до четырех месяцев. Один только папа не заболел, и, благодаря ему все мы, кроме мамы, остались в живых. Сначала папа один помимо уборки «квартиры» и стирки белья доставал кое-что поесть, варил, обтирал нас водой, силой раскрывал постоянно склеивающиеся от жара зубы и пальцем очищал всем полость рта, после чего закапывал в рот каждому по несколько живительных капель той «жондры», которую потом научил варить и меня: в 3-4 литра кипящей воды постепенно подсыпать 3-4 ложки пшеничной или кукурузной муки, которую папа, рискуя жизнью, обрабатывал у местного украинского населения, живущего за пределами гетто.

Научив меня варить «жондру», папа одновременно преподавал урок, который я запомнила на всю жизнь. «Что бы ты ни варила, – сказал он мне, – ты должна рассчитывать так, чтобы у тебя всегда оставались одна-две порции про запас, на случай, если кто-нибудь постучится в дверь и попросит поесть. Кроме того, – добавил он, – у нас наверху с правой стороны на ступеньках лежит молодая женщина без ног. У нее никого нет, и, как только я об этом узнал, я включил ее в нашу семью. С сегодняшнего дня «обед» ей будешь

носить ты!» Представив себе «картину», у меня защемило сердце, и мне стало страшно. Но я пошла и, вопреки ожиданию, увидела настоящую красавицу еврейку: черные, как смоль, длинные вьющиеся волосы, большие черные глаза, сверкающие добротой, точеный носик и красивый рот. Она полулежала на «кровати», укрытая одеялом до пояса. Увидев меня, она ангельским голосом назвала меня по имени и пригласила сесть. Поставив мисочку на «стол», я присела на табуретку рядом с ней и тут же почувствовала силу ее притяжения. Несмотря на разницу в возрасте, мы с ней подружились, и на моем «попечении» помимо мамы, Дорины, Золи и Гины теперь была и Эстер (так, кажется, ее звали). Я делала всё, что было в моих силах, дабы помочь им, разгрузив немного папу, который разрывался между уходом за ними и добычей пищи для всех нас.

Рискуя жизнью, он по ночам каким-то образом выбирался из гетто, работал у крестьян в поле, выкапывая картошку. За несколько часов такой работы он получал четыре-пять картофелин. Папа научил меня резать тонкие ломтики и, держа на железном прутике, печь их над огнем. Это был деликатес!

Помню, как однажды папа принес целое богатство – десять картофелин, но велел мне продолжать печь их, как обычно – по одной в день! (В тот день, работая на хозяйку, он оставил в поле те картофелины, а ночью забрал их домой.) Каково было наше разочарование, когда, проснувшись утром, мы увидели не картошку, а какие-то сморщенные, почерневшие комочки, из которых вытекала вода. Пришлось ее выбросить, и я заплакала: мне нечем было в тот день кормить семью! Желая меня успокоить, папа быстро оделся и, обняв меня, на ходу сказал: «У нас будет обед! Я скоро вернусь!» Вскоре он вернулся с жменькой кукурузной муки (не знаю, откуда), а я, сварив «жондру» и накормив своих, пошла накормить Эстер.

Заметив мои заплаканные глаза, она, ничего не говоря, взяла мою ручку в свою и нежно, по-матерински погладила ее, затем, повернув ладонь вверх, стала ее внимательно рассматривать и вдруг воскликнула: «Перестань плакать! Ты будешь долго жить! Ты везучая!» Приняв ее слова за желание меня успокоить, я, ничего не говоря, горько улыбнулась. А она продолжала:

– Посмотри на свою ладонь! Ты видишь это? Это буква еврейского алфавита «бэт», означающая «благословение» (ברכה). У тебя в жизни много связано с этой буквой.

– Как это понять? – спросила я.
– Очень просто! Где ты родилась?
– В Бухаресте, – ответила я.
– Начальная буква «бэ»! Хорошо! А как зовут твоих родителей?
– продолжала она.

– Бернард и Берта, – был мой ответ.
– Замечательно! Где вы жили после Бухареста?
– В Вертюжанах.
– Да это же Бессарабия! – воскликнула она. – А потом?
– Потом в Черновицах, «на Буковине», – поняв уже «систему»,
ответила я.

– Ну, и где мы сейчас находимся?
– В гетто «Бершадь!»
– Так сколько букв «бэ» мы уже насчитали?
– Шесть!
– Теперь ты мне уже веришь?

Не дожидаясь ответа, она тут же добавила:

– Так вот! Запомни! Ты останешься жить, выйдешь замуж (не скоро), и он повезет тебя в Палестину.

Последнее меня рассмешило, но я ее слова запомнила, и сейчас я могу добавить: после освобождения из Бершади мы попали опять в Бессарабию, затем – на Буковину, а на работу я поехала в Берездов. Опять «бэ»! Что касается Палестины, то доказательство налицо!

Дорина и мама лежали, как ангелы (без сознания), но у Гины болезнь протекала в другой форме: она бредила, постоянно бросалась в постели, колотила мужа и сбрасывала его на пол, а пару раз даже выпила собственную мочу. Дорина пришла в себя месяца через два. От той красивой блондинки с голубыми глазами ничего не осталось, кроме костей и кожи, и долгое время она передвигалась только при помощи приспособленных для нее палок (между прочим, для Эстер папа тоже смастерил пару деревянных «утюжков», при помощи которых весной она с нашей помощью стала вылезать на солнышко). Пользы от Дорины никакой не было, и я продолжала вести «хозяйство».

Вслед за Дориной встала Гина, но от нее тоже никакого толка не было. Что касается мамы, то она пролежала без сознания целых четыре месяца. Несмотря на то, что все это время она, кроме жондры и воды (насильным путем), ничего не получала, вес она не потеряла, и, глядя на нее, трудно было себе представить, что

она так тяжело больна. И вот спустя четыре месяца, 02.02.1942 года, она вдруг зашевелилась и открыла глаза. Я лежала рядом с ней и первой почувствовала это. Вскрикнув: «Мама жива!», я бросилась ее целовать. Все бросились к маме, и счастье наше было безгранично: наконец-то наша семья опять в полном составе (Золи и Гину мы давно уже считали членами нашей семьи). В тот день в доме царила совершенно другая атмосфера: все «зашевелились», болтали, смеялись, будто к нам вернулась не только мама, но и сама жизнь. Я же, забыв о своих обязанностях, не отходила от мамы, рассказывая ей со всеми подробностями обо всем, что происходило во время «ее отсутствия». С наступлением сумерек мы, как обычно, легли спать (светить было нечем), и я заняла свое почетное место рядом с мамой. Все еще болтая, я уснула в обнимку с ней, своей любимой матерью, которой, как я с гордостью считала, помогла выжить, чувствуя тепло ее тела и ее горячий поцелуй. Счастливая и умиротворенная, я спала до утра. Когда я утром проснулась, все еще спали. Я боялась шелохнуться, дабы не разбудить маму, но, взглянув на нее, я обомлела. Рядом со мной не было моей пышной мамы: за ночь от нее ничего не осталось, кроме кожи да костей. Куда делась моя мама? Что произошло? То, чего я не смогла понять, для папы стало ясно с первого взгляда, и не своим голосом он вдруг зарыдал: «Берталы! Берта!» и бросился ее целовать. Это был уже второй раз, когда я видела плачущего папу. Потом, стараясь высвободить меня из маминых «объятий», он прошептал: «Она мертва!»

Что было дальше, я не знаю – я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, до меня доходили крики, плач и ажиотаж, а затем я увидела папу, согнувшегося надо мной, и услышала его голос: «Встань и попрощайся с мамой!» Ни встать, ни говорить я не могла и продолжала лежать, будто парализованная. Когда я открыла глаза, я увидела двух незнакомых мужчин, которые, сорвав с мамы ночную рубашку, схватили ее, голую, за ноги и вынесли из дому. Я с криком прыгнула с «кровати» и побежала за ними. Схватив ее за одну ногу, они бросили ее труп на стоящую перед домом переполненную трупами подводу, и я опять потеряла сознание.

Смерть мамы и то, что мне в связи с этим пришлось увидеть, нанесли мне непоправимый удар: я впала в состояние глубокой депрессии, жизнь для меня потеряла смысл, и я только думала о том, как из нее уйти. Если раньше уход за мамой и замена ее поведению «хозяйства» не только стимулировали, но и заполняли

пустоту такого существования, то сейчас, когда ее не стало, в моей все еще детской головке в который раз опять появилась мысль о самоубийстве, и я слегла: я заболела инертностью. Я целыми днями лежала, ничего не делала и только «философствовала». Заботы о хозяйстве и по уходу за мной взяла на себя Гина.

Эпидемия была в разгаре, и по утрам подвода с лошадьё, на шею которой свисал колокольчик, собирала трупы усопших и вывозила их куда-то за пределы гетто, куда никому нельзя было последовать. Только спустя много времени мы узнали, что эпидемия унесла тысячи, если не десятки тысяч людей, останки которых забросили в огромных размеров ямы. Когда сразу после освобождения люди бросились разыскивать места захоронения своих близких и дорогих людей, всё, что можно было видеть, это только несколько огромных по своему диаметру и, полагаю, также глубине ям, где земля села на полметра и больше. Поговаривали, что там же перестреляли и «похоронили» партизан гетто, в том числе и доктора Флейшмана.

Я возвращалась к тому месту дважды. Первый раз с Дориной перед отъездом в Израиль в 1972 году (папы уже не было). Второй раз – спустя тридцать лет с Карлом, сыном Дорины, которой уже не было. Нам пришлось долго искать людей, которые могли бы указать нам место нахождения тех могил, но никто об этом ничего не знал вообще. Наше поколение, за редким исключением, ушло, а молодое историей своего родного места не интересуется. Что касается государства...

Благо, что мы из Киева взяли такси, которое должно было довезти нас до Черновиц, где похоронен папа, и мы исколесили с ним весь «город», как Бершадь теперь называется (несмотря на то, что за всё это время там ничего не изменилось), пока наконец нашли старика,

Памятники жертвам фашизма на территории бывшего гетто
г. Бершадь, Транснистрия.

который, став нашим гидом, по нашей просьбе подвел нас к тому священному для нас месту. Это не кладбище, а просто заброшенное место за городом, а о том, что там произошло, можно судить лишь по нескольким белым небольшим индивидуальным камням и по большому памятнику, сделанному из черного мрамора в виде раскрытой Торы, на которой с одной стороны по-русски, а с другой – на иврите увековечена память жертв фашизма, евреев Северной Буковины, «побывавших» в гетто Бершадь и нашедших там свою смерть. Памятник поставлен каким-то американским миллионером, бывшим узником. Большое человеческое ему спасибо!

Итак, мама умерла 03.02.1942 года. Случайно или по воле судьбы в тот же день спустя шестьдесят два года – 03.02.2004 года после тяжелой болезни умерла Дорина. Она похоронена в Безр-Шеве, Израиль. Там же покоится и Яша, ее муж.

Каким-то образом (трудно понять, как) мы перезимовали. В голоде, холоде и темноте мы все-таки дожили до долгожданной весны, но вместе с ней возникли новые проблемы: начались облавы. Нужны были рабочие руки везде, и в качестве бесплатной рабочей силы они решили использовать нас. Людей стали хватать с улицы, а когда перестали выходить из своих нор, облавы начались по ночам – то на мужчин, то на женщин. Людей брали на работу в поле, на строительство дорог и прокладку железных дорог, на уборку и куда только нет. Нами стали затыкать все дыры!

Нас спас «der Loch» – туннель, вырытый то ли во время турецкого нашествия, то ли во время гражданской войны. Вход туда в конце нашего коридора обнаружил случайно папа во время рубки дров. Он был хорошо замаскирован, и то женщины прятались там, то мужчины. Это был длинный туннель высотой в полтора-два метра, который, очевидно, тянулся до самой реки (несколько километров) с выходом в самую реку. Поэтому его и не было видно, но оттуда поступал какой-то воздух. И все-таки находиться там более пятидесяти минут было невозможно. Мы задыхались там от недостатка кислорода и выползали оттуда полумертвыми. Облавы стали частыми, а потому через щелочки досок, которыми было забито наше «окно», мы установили ночное наблюдение. В дежурство были включены все, даже меня включили. Стоило только услышать или заметить какой-то ажиотаж на улице, как моментально подавался сигнал, и все бросались к «лоху» – по-еврейски «дыра». К нам присоединился и Иосиф со своей новой семьей (Бася, Яша и

Люся). Они спустились к нам из своей квартиры, которая была над нами, через находившуюся там русскую печь.

Не всегда было ясно, за кем была погоня – за мужчинами или за женщинами, а потому в любом случае один из наших мужчин оставался сверху для «маскировки» входа. Так случилось, что однажды схватили и увезли Золи, а другой раз – Яшу (ему уже исполнилось 18 лет). Не помню, куда увезли Золи, не помню также, сколько времени прошло с тех пор, когда однажды ночью он вдруг появился, сказал что-то папе, попрощался с нами и, забрав Гину с собой, они второпях покинули дом. (Они нашли нас после войны и приехали к нам в Черновцы.)

Вслед за ними у нас появилась другая пара – Шифра и Мирон. Муж Шифры ушел на войну, Мирон был не женат. Они легко влились в нашу семью и остались с нами до освобождения.

После войны Шифра опять сошлась со своим мужем, и они жили недалеко от нас в Черновцах. Что касается Яши, то, если бы не Дорина, неизвестно, что было бы с ним. Дорина и Яша были почти ровесниками: она была старше его на полгода, и, как это ни странно, несмотря на время, место и обстоятельства, несмотря на отсутствие общего языка (Дорина знала румынский и французский языки, Яша – еврейский и ломаный украинский), несмотря на то, что она была обстриженная и худая после перенесенной болезни и еще с трудом передвигалась, Амур коснулся их при первой же встрече. Они любили друг друга так, как можно любить только в восемнадцать лет, а потому, когда Яшу забрали, она потеряла голову, а через несколько дней мы потеряли ее. Поиски наших мужчин ни к чему не привели, и мы ее уже оплакивали, как вдруг спустя неделю она появилась вместе с Яшей, и все мы, обомлев, лишились дара речи. Яша тоже молчал. Заговорила Дорина. Она рассказала нам, как выбралась из гетто, как расспрашивала прохожих о колонне угнанных мужчин, и как, блуждая, все-таки добралась до того места, где мужчины работали на прокладке дороги, и как она среди всей массы узрела Яшу. Дальше она описывала, сколько трудов ей стоило уговорить одного молодого румынского жандарма помочь ей, и как на третий день ночью тот привел Яшу к ней. Глубокой ночью она его увезла!

Мы слушали ее рассказ, не веря своим ушам, но от Дорины можно было ожидать всего, к тому же факты говорили сами за себя: оба они целые и невредимые были опять с нами, и мы были счастливы. Но ненадолго! В заключение Дорина добавила: «Можете нас поздравить. Мы – муж и жена!»

Для присутствующих это был просто сюрприз. Для нас с папой это был удар. Мы были в шоке: это было не там, не вовремя и, главное, не то! Даже там и после столь тяжелой болезни, Дорина все еще была красивой блондинкой с пышными волосами (они уже успели немного отрасти), интеллигентной девушкой, ех-гимназисткой из хорошей семьи, в то время как Яша, пусть не по своей вине, был сиротой, живущим с мачехой, которая его только использовала в своих целях. В школу он редко ходил, и еще мальчишкой его определили учеником к какому-то одинокому сапожнику-инвалиду, у которого он и «воспитывался».

Когда и как началась «дружба» между Дориной и Яшей, неизвестно, как они общались, непонятно. Очевидно, среди множества необъяснимых явлений природы существует также и любовь. Прошло несколько месяцев бесед, ссор, угроз и чего только нет, но, когда беременность Дорины стала очевидна, папа сдался. Он где-то нашел бывшего раввина, который их и обвенчал у нас «дома» (ксиву он не дал, т. к. не было ни чем, ни на чем писать). Мы с папой надеялись, что, если каким-то чудом нас освободят и мы вернемся домой, пусть даже с ребенком, но уедем мы без Яши.

Они были объявлены законными мужем и женой, но Яша продолжал жить в своей «семье», а Дорина – с нами. Беременность Дорина переносила очень тяжело: ее все время тошнило и рвало, хотя она почти ничего не ела, сильно похудела и в конце концов потеряла ребенка (на моих глазах). Я за ней ухаживала, как мать.

Не знаю, что чувствовала бы мама, будь она жива, но я, да простит меня Бог, почувствовала облегчение, ибо я постоянно думала, что мы будем делать с ребенком и каким он родится вообще. Для Дорины это была сильная травма, из которой мы с папой ее с трудом вытащили.

Шел уже 1943-й год. Атмосфера в гетто сильно изменилась. Люди стали потихоньку вылезать из своих нор и контактировать. До нас дошли слухи, будто положение на фронте изменилось, что наступление фашистов было приостановлено, что где-то даже началась контратака, что на оккупированной территории создались партизанские отряды во главе с Ковпаком, которые всеми способами подрывали власть изнутри. Шепотом называли какие-то имена проживающих в нашем гетто людей, которые тоже включились в борьбу сопротивления. Для нас эти слухи стали эликсиром жизни: если до тех пор мы были уверены, что наши дни сочтены, то теперь вдруг появилась какая-то надежда на освобождение, и каждый делал все, что было в его силах, чтобы до этого дожить.

Среди других до нас дошел также слух, будто где-то в мире стало известно о нашем существовании и что принимались какие-то меры, чтобы чем-то его облегчить. Сначала мы думали, что кто-то пустил эту «утку» для поднятия духа, но вскоре было объявлено, что будут собирать сирот и полусирот в возрасте до пятнадцати лет для отправки в Палестину. (Представители Международного Красного креста заседали в г. Балта Винницкой области на Украине, где проходил отбор.) Я подходила к этому контингенту детей, и папа, после долгих мучительных размышлений, решил, что я должна поехать. Я же об этом и слышать не хотела, и ему пришлось приложить большие усилия, дабы меня «сломить». Он говорил, что неизвестно, что с нами будет, и что если действительно появится такая возможность, то пусть хотя бы кто-нибудь спасется: во-первых, чтобы рассказать миру, что с нами происходило, во-вторых, чтобы хоть кто-нибудь из нашей семьи остался в живых и продолжал род. К тому же, убеждал он меня, «в Палестине у тебя есть Алеку и Жак». Жак – единственный сын маминого старшего брата и моей самой любимой тети Софии. Когда фашисты в Румынии стали поднимать головы (в 30-х годах прошлого столетия), он занимался в Бухарестском государственном университете. Однажды один из студентов обозвал его «жидом», на что он ответил пощечиной. На следующий день ему в ректорате предложили прекратить занятия в университете, т. к. они за его жизнь отвечать не смогут. Ничего дома не сказав, через Болгарию и Турцию он нелегально добрался до Британской Палестины, где после долгих, тяжелых мытарств, «постив корни», сообщил об этом родным.

Дядя Алеку (мамин брат) был главным бухгалтером «Marmorosh-Bank» в Бухаресте, состоятельным человеком, который постоянно покупал участки земли в Палестине. Он был женат на тете Луне, но детей у них не было. Меня он очень любил и неоднократно предлагал меня удочерить, обещая моим родителям «золотые горы» за меня, однако ни они, ни я об этом и слышать не хотели. В 1940-м году, после того как мы покинули Румынию, они с тетей Луной каким-то образом поехали к Жаку в гости и там остались. Как нам стало известно потом, он «приземлился» в Нетании (там и в Цфате у него были участки) и работал главным бухгалтером на бриллиантовой фабрике.

И вот когда зашла речь о Палестине, папа назвал их имена в качестве самого убедительного довода. «Ты там будешь не одна, – говорил он, – у тебя там близкие и любящие тебя люди, и, если Бог даст, и мы останемся в живых, мы опять будем вместе». Со слезами

на глазах я в конце концов согласилась, и в один «прекрасный день», снабженную бутылкой воды, «пополицом» (нечто вроде питы, но без дрожжей) и последней, сделанной перед отъездом из Бухареста семейной фотокарточкой, меня посадили на подводу вместе с десятком (или больше) других детей разного возраста и отправили на «свободу»! Какие места мы проезжали и сколько эта поездка длилась, я понятия не имею: я не переставала плакать, пока подвода окончательно не остановилась. Впереди нас была целая вереница таких же переполненных детьми подвод, прибывших, очевидно, из других гетто. Нам велели оставаться на местах и ждать. Мы прибыли в «пункт назначения». Там действительно находились представители Красного Креста, но, до того как к ним попасть, нам предстояло пройти через «чистилище» (баня и дезинфекция), и время бесконечно тянулось.

Наступили сумерки, а мы всё еще ждали. Незаметно я выползла с подводы и побежала назад, в наше «родное гетто», туда, где остались мои единственные и самые дорогие существа – папа и Дорина. Я не знала, куда идти (даже сейчас не знаю). Не знаю также, чем я руководствовалась в выборе дороги. Непостижимо также, как такая трусиха, какой я была, решила на такую «авантюру». Настала уже ночь, а я всё шла и шла, пока не добралась до какого-то то ли леса, то ли просто зеленых насаждений вдоль дороги. Там я решила остановиться и дожидаться утра. Я умирала от усталости, и тут же, лежа на траве под каким-то деревом, уснула. Проснулась я от звука заглушенного мотора тяжелой машины и громкого многоголосого говора на немецком языке. Видеть я ничего не видела, но поняла, что это были немецкие солдаты. Очевидно, они остановили машину по надобности и при помощи фонарей искали подходящее место, и вдруг они заметили меня, забившуюся в комок. Не знаю, сколько их было, то ли четверо, то ли пятеро, но все они были сильно выпившие и тут же наперебой набросились на меня подобно своре голодных волков. Они прижали меня к дереву, разорвали на мне одежду и жадно, наперебой стали добираться до моих интимных мест. Мне казалось, что они не просто кусают, но едят мою плоть. Сопротивляться я не могла, но кричала я не своим голосом и, рыдая, умоляла меня пожалеть. Но чем больше я просила и чем громче я кричала, тем сильнее они зверели.

Я уверена, что мои крики и мольба достигли неба, ибо вдруг они стали ругаться, оспаривая право «на первенство». Они, вероятно, были очень пьяны, потому что кто-то из них внезапно выстрелил. Началась драка. Воспользовавшись моментом, я потихоньку поползла, пока не добралась до дороги, освещенной фарами, по всей вероятности,

их машины. Попробовав выпрямиться, я тут же упала: от страха и изнеможения у меня дрожали ноги, но я не сдавалась и как могла «продвигалась» вперед. Вдруг рядом со мной на шоссе остановилась военная машина. В страхе я попыталась убежать, но тут же опять упала. Кто-то крикнул: «Halt!» («Стой!») Подняв голову, я увидела стоящего надо мной немецкого солдата. Поняв, что это мой конец, я застыла на месте, а он, схватив меня, поволок к машине и показал меня сидящему там офицеру. Вероятно, мой вид был красноречивей всякого объяснения, и он только спросил: «Wohin gehst du?» («Куда идешь?»), на что я ответила: «Nach Berschad». Услышав мой ответ, он тут же предложил мне сесть в машину, не бояться, а своему шоферу приказал положить меня на заднее сиденье и чем-нибудь прикрыть. И взгляд, и тон офицера внушали доверие, и я попросила глоток воды. Я получила и воду, и плитку шоколада! Забившись в угол заднего сиденья, я со страхом все-таки ждала «опроса».

От моего платья почти ничего не осталось, и на мне не было моей неразлучной желтой звезды, которую мы получили взамен документов. Мой немецкий язык был чистый, лишенный какой-либо еврейской «примеси», т. е. интонации, и в темноте ночи вряд ли можно было определить мою национальность, и так не очень выраженную в детские годы. И тут у меня возникла идея – сыграть нееврейку. Прошло некоторое время езды в полном молчании, и вдруг офицер спросил, откуда у меня немецкий язык, на что я ответила: «От папы». Поняв, что папа немец, он опять спросил: «А мама кто?» Мой ответ был краток: «Румынка» и, не выдержав, тут же добавила: «Они оба евреи!» Наступило глубокое молчание. Не знаю, о чем каждый из них думал, я же думала о том, что меня в лучшем случае выбросят из машины на ходу, и мысленно просила прощения у папы, что не дала осуществиться его мечте.

Вдруг офицер опять заговорил, сказав: «Расскажи нам всё о себе и своей семье!» И я подробно, плача, ничего не скрывая, рассказала. Когда я закончила, он повернул голову ко мне и нежно сказал: «Не бойся, мы отвезем тебя домой!» И так оно и было!

Подъехав к нашему дому, я их от души поблагодарила и, закутанная в их плед, уже вышла из машины, когда он меня остановил и, вынув какой-то блокнот и ручку из кармана, попросил меня написать свои точные данные на немецком и румынском языках. Не спросив ничего и только еще раз поблагодарив за всё, я поплелась домой.

Мое появление в доме было встречено, как «явление Христа народу»: они сначала окаменели, а потом бросились ко мне, обнимая, целуя и засыпая вопросами. Я извинилась, попросила дать мне помыться и поспать, обещав рассказать им всё потом (потом я им рассказала, но... не всё, хотя по моим синякам и укусам нетрудно было догадаться, что произошло, но ни тогда, ни потом они не добивались подробностей, и я им была за это благодарна).

Проснувшись я только к вечеру, и тогда мне рассказали, что спустя пару часов после отъезда «спасительная карета» опять появилась, и что немецкий солдат занес нам большую картонную коробку с продуктами, аптечкой, а главное – пропуском на мое имя на право выхода за пределы гетто. Пропуск был выдан комендатурой (румынской) города Бершадь, и папе было сказано, что, как только я приду в себя, я должна буду туда явиться. Для чего – никто не знал, т. к. папа не осмелился спросить, и, несмотря на то, что пропуск был вручен моими «ангелами», мы опять потеряли покой и со страхом думали о предстоящей встрече, которую «общим собранием» решили оттянуть.

Прошло около двух недель, пока мы с папой отправились в комендатуру (но до этого я на всякий случай со всеми попрощалась). Папу, конечно, не выпустили из гетто, и он остался там меня дожидаться. Я храбрилась, но ноги у меня подкашивались от страха. При встрече с секретарем коменданта мне было сказано, что я буду там работать уборщицей на кухне, за что буду получать кое-какие продукты. Я не верила своим ушам: ничего подобного в наши «варианты» не входило. Попросив разрешения, я побежала к папе, который ни живой, ни мертвый ждал меня. Моя весть успокоила его, и он поспешил домой поделиться ею.

Когда, зайдя на кухню, я увидела одних солдат, мое сердце екнуло: я почему-то думала, что на кухне будут женщины. Не меньше было и их удивление. На меня посыпались вопросы, но я с ними в разговор не вступала, хотя все они были румыны, но все их требования я беспрекословно и добросовестно выполняла.

Вернулась я домой только к вечеру, усталая, но довольная: я принесла буханку хлеба и бутылку молока! Не считая тех продуктов, которые занес наш немец (очевидно, из той же комендатуры), такие продукты попали к нам впервые за последние годы, и принесла их я – это был мой первый в жизни заработок, и я этим гордилась. Остальные радовались, но папа был сильно огорчен. Со временем

«ассортимент» стал расширяться за счет пищевых отходов, а когда я познакомилась с Менделем – и некоторых субпродуктов (как мы их с горькой усмешкой перечисляли: ухо, горло, нос, сиська, писька, хвост).

Мендель, еврейский парень лет двадцати из нашего гетто, работал при кухне мясником-убойщиком. Родом он был из Липкан (Бессарабия). Родился в семье мясника, и это ему пригодилось. Судя по тому, как безграмотно он разговаривал на румынском, дальше начальной школы он не пошел, а помогал отцу. Жил он недалеко от нас с братом и тремя сестрами. Все они были старше его, но содержал семью он (родителей расстреляли по дороге). Это был высокий стройный рыжий парень с голубыми глазами, который, по всей вероятности, с первой же встречи влюбился в меня. Я думаю, что это он пустил слух в комендатуре, будто меня туда привел какой-то немецкий офицер высокого ранга, тем самым отбив у солдат возможное желание приблизиться ко мне. На самом деле он стал моим настоящим опекуном, помощником, другом и... «телохранителем», а я была ему благодарна за это. Вел он себя очень корректно. По утрам он стал приходить за мной, и мы вместе шли на работу. Зачастую даже уходили вместе, а по вечерам, несмотря на комендантский час, прибегал к нам и помогал папе по хозяйству: доставал и рубил дрова, снабжал водой и чего только нет! А в выходные дни он стал сопровождать меня на речку (пара километров от дома) стирать белье. Он его нес туда и назад, сухим, мокрым и даже «замороженным», никогда не жалуясь, а наоборот: по его словам, это было для него удовольствием.

Мендель Шварцман - мой «телохранитель» в гетто.

Похоронен в Израиле.

Время шло, облавы на «рабочую силу» прекратились. Началась погоня за партизанами, и узники гетто стали верить слухам и боязливо, про себя строить планы на будущее. И вот однажды летом, лежа на траве рядом с расстеленным там «выстиранным» бельем, нежно взяв мою крохотную ручку в свою, не смея посмотреть мне в глаза, Мендель признался, что не только он, но вся его семья, мечтая о свободе, включили меня в свои планы. Другими словами

он подчеркнул, что все они любят меня и готовы ждать моего совершеннолетия: мне тогда было неполных пятнадцать лет! (В пропуске мне приписали два года.)

Его слова поразили меня: никогда мне в голову такое не приходило. Я его не воспринимала как мужчину. Мужчин я боялась, и к ним ничего, кроме отвращения, не чувствовала, а в результате увиденного и пережитого я твердо про себя решила никогда замуж не выходить и детей для такой жизни не рожать.

Ни последующее объяснение в любви, ни обещание ждать, сколько понадобится, и во всем помогать ничего не изменили. Я попросила у него прощения, если была в чем-то виновата, умоляла его выбросить эту идею из головы, но, если можно, оставаться друзьями, подчеркнув, что дружбой нашей я очень дорожу. Со слезами на глазах и приглушенным голосом он шепнул: «Я буду любить тебя до смерти!»

В наших отношениях ничего не изменилось!

Неподалеку от комендатуры был какой-то медпункт. Однажды туда поступили несколько раненных партизанами немецких солдат. Среди медперсонала не было ни одного знающего немецкий язык, и меня повезли туда. Там я и осталась работать в качестве «уборщицы-переводчицы», и работала я там до самого освобождения – до 14 марта 1944 года!

Я не знаю, сколько тысяч или десятков тысяч людей «побывали» в гетто г. Бершадь. Не знаю я также, сколько нашли там свою смерть и скольким посчастливилось выжить. Я не знаю, были ли там случаи, когда рождались дети (и, если да, выжили ли они), но я знаю об одном «чуде», свидетелем которого была.

Произошло это где-то в конце 1943 года. Неподалеку от нас, в семье одной немолодой супружеской пары, которые после свадьбы на протяжении десятка лет безрезультатно лечились от бесплодия у лучших специалистов не только в Румынии, но и за границей. И вдруг, живя в нечеловеческих условиях гетто, они «заполучили» трех девочек-близнецов, с которыми после освобождения и вернулись домой, в Черновцы.

Не знаю, как они, но я восприняла это как предзнаменование того, что, перефразируя Владимира Маяковского (знаменитого русского поэта советского периода), народ Израиля «жил, жив и будет жить!»

Глава 2.

ИЗ АДА В СОВЕТСКИЙ “РАЙ”

Часть первая

Как я уже упоминала, освободили нас из гетто 14 марта 1944 года. Как это произошло, как мы об этом узнали и как это событие было воспринято, я, к своему стыду, не помню. Помню только, что война еще не закончилась, что Красная Армия продолжала бороться за каждую пядь земли, что деваться нам всё равно было некуда и что опять никому до нас дела не было. К этому времени Шифра рассталась с Мироном в надежде, что муж вернется с войны и что они опять будут вместе, и они (Шифра и Мирон) оба куда-то делись. Мы остались одни в той же, но уже довольно просторной «квартире». Помню также, что вдруг появилось объявление, что в городе восстановлена советская власть и что все граждане обязаны пройти регистрацию. Несколько позже было объявлено, что в целях облегчения возврата детей в школу открываются подготовительные курсы. До войны в Вертюжанах я окончила 6-й класс, и, хотя у меня не было никаких документов, меня приняли в седьмой подготовительный класс. В Бухаресте я училась в румынской школе, в Вертюжанах – в молдавской, а в Бершади мне пришлось учиться на русском и украинском языках, которых я не знала. Училась я на этих курсах около трех месяцев, и, получив справку об этом, как только стало известно, что Красная Армия освободила всю Восточную Украину, перешла Днестр и освободила город Сороки (Бессарабия), папа решил, что настала пора вернуться «домой», и где-то в июне на военном джипе мы уехали с Дориной, оставив Яшу в Бершади и облегченно вздохнув.

Та самая дорога, которую мы протоптали более месяца, оказалась совсем не такой длинной, и спустя несколько часов мы оказались в Сороках – временной столице Молдавской ССР. Там папа сразу же устроился на работу при Министерстве пищевой промышленности, и нам предоставили квартиру в центре города. Через несколько дней на основании справки из Бершади меня зачислили в подготовительный восьмой класс (опять на молдавском языке). Начало было хорошее: папа работал, я занималась, одна только Дорина еще не определилась, и вдруг в один прекрасный день она исчезла. Мы терялись в догадках, и горю нашему не было

конца. Только спустя недели две, вернувшись домой, мы увидели сияющую от радости Дорину и лежащего рядом с ней Яшу. Оказалось, что она на попутных машинах добралась до Бершади, выстояла бой с Басей (мачехой Яши), схватила его и опять на попутных привезла его к нам. Нас с папой словно парализовало – слово не могли произнести. Впрочем, было также ясно, что никакие слова нам не помогут: «судьбы свершился приговор!», и к нашей семье прибавился еще один человек. Точнее, у папы появился еще один ребенок, о котором нужно было позаботиться!

В Сороках мы долго не задержались, потому что, как только освободили Кишинев – настоящую столицу Молдавии – в начале августа 1944 года, учитывая папины организаторские способности и знание языков, ему было поручено немедленно выезжать в Кишинев и подобрать там соответствующие помещения для министерства и несколько достойных домов для начальства. Когда мы добрались до Кишинева на третий день после его освобождения, город всё еще горел. Центр был почти полностью разрушен, и папе только после долгих поисков удалось найти нужные для них и для нас помещения. Для нас папа отобрал покинутый огромный особняк на Валя Дическу с огромным виноградником, фруктовым садом и жилым помещением (не помню, в сколько комнат) со всеми удобствами. Помещение же, находящееся в другом конце сада, папа приспособил под базу «Птицепрома» с собственным инкубатором и коптильным цехом, продукция которого была предназначена для фронта. Сколько попадало на фронт, я не знаю, но хорошо знаю, что в первую очередь оно попадало к нам и к начальству. Мы в прямом смысле попали из ада в рай! Никогда не забуду огромную сковородку с яичницей из «битых» яиц, которую мы ежедневно имели на завтрак (пока у меня не обнаружили увеличенную печень и не посадили на диету), копченых цыплят на обед и целые корзины фруктов и винограда, которые собирали по вечерам.

Папу назначили заведующим базой «Яйцептицепрома», а он в свою очередь устроил туда Дорину – учетчицей, а Яшу – завскладом (Дорина ему во всем помогала). Что касается меня, то, воспользовавшись справкой из Сорок, я поступила в девятый класс 1-ой Молдавской Женской Средней школы. Я «догнала» своих ровесников, я училась, и я была счастлива!

В здании бывшей гимназии имени королевы Марии (при Румынии) открыли сразу две средние школы: по утрам – женскую,

*Наташа с мамой. Умерла в 1945 г.
Похоронена в г. Кишинев, Молдавия.*

а после обеда – мужскую, хотя учеников было очень мало. В нашем девятом классе было всего шесть девушек (пять местных девушек и я), а после обеда в этом же классе занималось шестеро ребят (пятеро молдаван и один еврей – Даскал). Моими лучшими друзьями были Наташа и Володя. Наташа была старше меня на три года, и у нее уже был официальный жених. Жила она с матерью недалеко от школы, и после занятий мы сначала шли к ней, где

мы обедали (я их неплохо снабжала) и делали домашние задания. Я «прилипла» к ее матери и очень любила Наташу. Она была очень милой, красивой девушкой с роскошной косой до пояса, умной, способной, душевной, но... была больна туберкулезом, и все, в том числе и она, знали, что дни ее сочтены. Незадолго до начала экзаменов на аттестат зрелости в десятом классе она умерла. Я очень тяжело перенесла эту потерю, и если раньше ее мама в какой-то степени заменяла мне маму, то после смерти Наташи, продолжая заходить к ней ежедневно после занятий на обед, я всеми силами старалась «заменить» ей ее сокровище.

Помещение гимназии на углу ул. Пушкина и... (не помню) было шикарное. Директриса Лариса Георгиевна Купча – необыкновенная, всеми любимая, вместе со своей дочкой Лялей, которая училась там же в восьмом классе и с которой я впоследствии подружилась, жила во дворе школы. Вероятно, этот факт и повлиял на то, что школа была ее домом, а ученики – ее детьми. Она всю душу в нас вкладывала, но, несмотря на это, учиться было чрезвычайно трудно. Во-первых, не хватало ни учителей (война была еще в разгаре), ни учебников, ни программ, не было тетрадей и бумаги вообще (мы делали скудные заметки на краях старых газет), а зимой не было чем писать, т. к. чернила замерзали в чернильницах в нетопленных классах. Несмотря на все трудности, решением Всесоюзного Министерства просвещения был введен закон об «Аттестате зрелости», согласно которому по окончании десятого класса необходимо было сдавать целый ряд предметов. Провалившие даже только один экзамен

лишались права поступления в высшие учебные заведения. На нашу долю выпала «честь» быть первыми выпускниками с аттестатом и, если повезет, даже с медалями (золотыми и серебряными), которые давали право на поступление в любое высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. Соблазн был большой, желание учиться было превыше всего, и я училась «через не могу»!

Война шла к концу, и все мы следили за передвижением доблестной Красной Армии. Все с нетерпением ждали конца войны и нашей победы, и вот, наконец, этот день настал – 9-го мая 1945 года! Услышав сообщение Левитана по радио, весь город, в том числе и наша школа, высыпал на центральную улицу им. Ленина, и спонтанно начатый праздник Победы длился до самого утра. Жизнь все еще была тяжелой, но люди воспряли духом, и все, в том числе и я, стали возлагать большие надежды на будущее.

Дорина была опять беременна, и, с разрешения папы, она пошла с Яшей в ЗАГС, где они узаконили свой союз. На сей раз мы все с нетерпением ждали рождения ребенка, но он родился преждевременно, на восьмом месяце. Мы только успели его полюбить, дать ему имя – Берку, в честь нашей ушедшей матери, как он умер, и мы вместе с ним во второй раз потеряли маму...

Я была уже в десятом классе, «на носу» уже были выпускные экзамены, как до нас дошли слухи, что из Черновцов (Западная Украина) будут репатриировать румынских евреев. Несмотря на то, что все мы были хорошо устроены и жили в «раю», возможность вернуться домой, воссоединиться со своими братьями, а может быть, если верить слухам, даже поехать в Палестину, где к тому времени, как мы узнали, уже находились все мамины братья со своими семьями (ранее проживавшие в Бухаресте), папа решил, что нельзя упускать шанс, и поехал в Черновцы «в разведку». Вернувшись, он сказал: «Едем!» Дорина тут же согласилась. Яша, как всегда, был «Yes-man»ом, но я сказала: «Нет!» Точнее, «нет», пока не закончу школу. «Без аттестата зрелости я никуда не поеду», – добавила я. Это был второй раз в моей жизни, когда я сказала папе «нет», но на сей раз настояла на своем. Благодаря своей директрисе, которая обещала взять меня к себе до окончания школы (она меня очень любила, т. к. я была лучшей ученицей класса и единственным кандидатом на «золотую медаль»), я осталась у нее.

Приблизительно за месяц до начала экзаменов мы получили спущенные министерством просвещения билеты по всем предметам.

Не помню, сколько их было, помню только, что, просмотрев их коллективно, мы пришли в ужас: большинство вопросов по физике нам были неизвестны. Дело в том, что физику читал нам одинокий мужчина, инженер по профессии, ничего общего не имеющий с преподаванием, которому также был выделен какой-то класс в качестве жилплощади для временного проживания. Программы, по всей вероятности, у него не было, учебников также не было, и он безо всякой системы знакомил нас с законами физики в разных отраслях. У него был какой-то сборник задач, и мы после того, как он нам что-то объяснял, вместе их решали.

И вот теперь, знакомясь с билетами, мы были в ужасе: провал был обеспечен!

Ко всем экзаменам мы готовились вместе (мальчики и девушки) в школе. В ночь перед экзаменом по физике все остались «ночевать» в школе, дабы «обмениваться» знаниями, но, когда где-то за полночь усталые и злые пришли к выводу, что нам провала не миновать, решили разойтись по домам и на следующий день на экзамен не явиться. Я такой «роскоши» не могла себе позволить. Из всех двадцати с чем-то билетов я нашла один, на который знала ответ. Это был билет номер тринадцать: он состоял из двух вопросов по теории и одной (неизвестной) задачи, и я решила пойти «ва-банк»! Я уговорила всех остаться, еще раз внимательно просмотреть билеты и отобрать билет, в котором знали ответ хотя бы на один вопрос. В результате я написала список учеников и рядом с каждым – номер выбранного им билета, и посреди ночи, разбудив нашего «учителя», вручила ему список со словами: «Вы нас ничему не научили, мы ничего не знаем, наш провал – это Ваш провал тоже. Мы с трудом выбрали по одному билету, а Вы нам их «подложите»! В противном случае мы на экзамен не явимся!» И, не давая ему времени что-либо сказать, побежала к ребятам и сказала: «Я всё сделала! Завтра утром чтобы вы все были здесь!» И, не вдаваясь в подробности, «разогнала» их по домам и сама тоже пошла спать.

Рано утром, как обычно перед экзаменами, первая явилась Лариса Георгиевна, а за ней – постепенно остальные члены комиссии (представители министерства, пединститута, горкома партии и наш учитель физики) – всего десять человек. Выпускники тоже явились в полном составе, и ровно в девять часов наша директриса открыла двери класса, в котором находилась комиссия, и пригласила первого желающего зайти. Никто с места не тронулся. Она еще

раз повторила приглашение, но никто не шелохнулся. Прикрыв за собой дверь, она в недоумении спросила: «В чем дело?» Молчание! И тут, взяв меня за руку, она сказала: «Пошли!» И я пошла!

Там за длинным столом чинно-важно расселась комиссия. На столе лежали разложенные билеты «донышком» вверх. Билеты были картонные, не просвечивающиеся. Наш учитель даже глазом не моргнул, и я стала перед всеми в недоумении, как вдруг один из присутствующих, улыбаясь, спросил: «Ну что, привести канарейку?» Сказав: «Спасибо, не надо!», я вытянула руку и взяла первый попавшийся билет. Взглянув на номер, замерла: вместо номера там стояла буква «В». Когда меня спросили, какой номер, а я ответила «Вэ», они все рассмеялись, и, попросив его у меня, кто-то из них сказал: «Да это же тринадцать!» Я чуть не потеряла сознание и, взяв его, пошла за парту. Готовиться мне не нужно было: ответы я знала. С задачей мне тоже повезло, и не прошло несколько минут, как я «блеснула» перед комиссией.

Выйти оттуда мне удалось с трудом, так как дверь была «облеплена» моими соучениками, которые тут же «хором» спросили: «Какой номер?», и, услышав ответ, они тут же бросились к дверям. Ларисе Георгиевне пришлось встать, подойти к дверям и попросить установить очередь, а я побежала домой принять валерьянку: у меня сердце выскакивало.

Когда спустя несколько минут я туда вернулась, на меня напали, обозвав «предательницей»: парень, который зашел после меня, тут же вышел, так как ему попался не «его» билет, и директорисе пришлось приложить немало усилий, пока, узнав, в чем дело, не убедила учеников все-таки «испытать свое счастье», обещав, что она сделает всё, что в ее силах, чтобы никто не провалился. И она свое слово сдержала!

Никто из учеников не поверил в случайность произошедшего, но с тех пор я считаю, что тринадцать – мое счастливое число!

А папа «сжег корабли» и вместе с семьей поехал в Черновцы к своей троюродной сестре Мильке Эдельштейн (Вайнберг). Принять она их приняла, но прописать к себе не смогла из-за нехватки жилплощади. (Прописка была необходима не только для проживания, но, главное, для последующего выезда из страны.) Прошло несколько дней, пока они обнаружили на Сталинградской улице (бывшей «еврейской») необжитую халупу и поселились в ней: для временного проживания, думали они, она пригодна. Папа с Яшей привели ее в маломальский порядок, и их там прописали.

Как только я сдала экзамены, Яша приехал за мной. Расставание с Ларисой Георгиевной и с Лялей было очень трогательным. Не менее трогательным было и расставание с мамой покойной Наташи. Расставание с Володей носило другой характер: будучи влюблен в меня, он давно строил иные планы на наше совместное будущее – мы оба должны были поступить в Кишиневский мединститут. Пришлось пролить немало слез, но, как Яша впоследствии хвастался, он сумел оторвать меня от «гоя», посадить на поезд и привезти «домой».

Дорога прошла в полном молчании: мне с ним не о чем было говорить. К тому же, я все еще была под впечатлением от расставания с дорогими мне людьми, думами о туманном будущем и тяжелыми, до крови болезненными воспоминаниями. Я вспоминала, как в

первый раз я ехала с Дориной в Черновцы после окончания шестого класса в Вертюжанах за день до начала войны, встречу с мамой на вокзале после длительной разлуки и шикарный особняк, откуда поспешно удрала немецкая семья и куда мама нас привезла. Я вспоминала ту единственную мирную ночь, которую мы всей семьей провели на полу в обнимку и поцелуях, то страшное утро начала войны, маму и ее судьбу, и слезы неудержимо текли по моим щекам. (Впоследствии Яша с издевкой рассказывал, как я всю дорогу проплакала из-за расставания с Володей!) На сей раз на вокзале меня встретил папа! Он меня обнял, поцеловал и, поздравив с окончанием школы, со слезами на глазах прошептал: «Как жаль, что мама до этого дня не дождала!»

Дорина и ее муж Яша. Похоронены в г. Безр-Шева, Израиль.

От вокзала до дома было недалеко, и мы пошли пешком. Я ничего не спрашивала о предстоящей поездке, и никто этого вопроса не

Карлуша и Таня - дети Дорины и Яши

коснулся. Разговор шел, в основном, о моей самостоятельной жизни в Кишиневе и о Карлуше – так звали новорожденного Дорины, названного в честь дедушки Кальмана. Он родился за несколько месяцев до моего приезда, и мне не терпелось увидеть его, Дорину и, конечно, наш новый дом. Но каково было мое разочарование, когда, остановившись перед какой-то халупой, папа сказал: «Вот мы уже и дома!» Это был старинный глиняный домик – бывшая «резиденция» первого черновицкого попа (полуразрушенная церквушка до сих пор стоит недалеко от того домика). Наш дом, как и церковь, был необитаем на протяжении десятков лет, и даже после того, как папа с Яшей там «крепко» поработали, после долгих уговоров нашу семью прописали там «временно». Нам больше и не нужно было: речь шла о нескольких месяцах. Но, увы! Оказалось, что, пока я оканчивала школу, эмиграция в Румынию прекратилась, и наши «застряли» в Черновцах. Никто не работал, и на свет появился маленький ангелочек (кудрявый блондинчик с голубыми глазами!). Как папа выкручивался, один Бог знал, но по «праздничному столу», которым меня встретили, не трудно было понять, что положение было «аховое».

Наша «квартира» состояла из комнаты и кухни, которая «по совместительству» стала нашей с папой спальней тоже. В комнате жила семья Гриншпун: Яша, Дорина и Карлуша. Ни ванной, ни туалета не было. Мы стали пользоваться общественной баней (на ул. Боженко) и выстроенным нашими мужчинами во дворе деревянным сооружением под названием «00». Зато у нас был большой фруктовый сад, который со всех точек зрения был нашим «спасителем»: он нас и приютил (большую часть дня мы проводили

в саду), и вкусно кормил. В доме были еще три комнаты (по другой стороне коридора), которые в дальнейшем жилкооп привел в порядок и куда поселили одну семью (Васю и Люсю Гапон) и одну одинокую женщину (Стефу). У Гапонов вскоре появился Петя (друг Карлуши), а затем Таня (подружка нашей Танюши, дочка Дорины). Стефа связалась с пьяницей Иваном, который портил жизнь не только ей, но и всем остальным жильцам дома. Впоследствии, не выдержав, она от него сбежала, оставив его нам в «подарок».

Шел первый тяжелый послевоенный год, а за ним последовал худший – 1947-й: год безработицы и голодовки, когда 400 граммов черного черствого хлеба в день получали по карточкам только рабочие, служащие и студенты. В то время среди нас не было ни служащих, ни рабочих, но, к великому счастью, среди нас оказалась студентка – Я! Мой паек, повышенная стипендия и редкие американские посылочки, которые я получала, были единственным регулярным доходом для всей семьи. Мы опять стали варить «жондру»!

Надо было что-то придумать, и тут папа вспомнил, что в детстве Яша учился сапожному делу, и решил включить его тоже в заботу о своей семье: он стал ходить на толкучку, покупать там рваные солдатские сапоги, чинить их каким-то образом, доводить их «до блеска» не знаю чем, а затем вручал их папе для «перепродажи». Таким образом, в доме стала появляться какая-то копейка, наше меню стало более разнообразным, и наша с папой спальня-кухня превратилась в сапожную мастерскую тоже. Но мы «зажили», и с наступлением лета папа даже предложил, чтобы я оставила себе одну стипендию, пошла на толкучку и купила себе что-нибудь на ноги (я всю осень, зиму и весну ходила в резиновых ботах, в которых были одни только стельки на высоких каблуках от какой-то пары давно выброшенных туфель). Я долго не соглашалась, но, когда стало уже невыносимо, я все же сдалась, пошла на толкучку, где подобрала себе какие-то черные лаковые босоножки на высоких каблуках из американских посылок. По заключению «эксперта» Яши они были не лаковые, а клеенчатые. Я в этом и сама убедилась, когда начала их носить. Но они были очень красивые, и все девчонки мне завидовали, не подозревая, каково было моим бедным ножкам.

Как я уже отметила, жизнь понемногу «вошла в колею»: я помню, что какая-то крестьянка стала приносить нам молоко для младенца, а я стала «отрывать» по несколько рублей и покупать ему на толкучке

американские костюмчики. Вдруг, как снег на голову, появилась Бася (Яшина мачеха) с ее доченькой Люсей. Как выяснилось потом, после войны к Иосифу, с которым она сожительствовала во время гетто, вернулась из эвакуации жена с детьми, и Бася вернулась в свой дом в ожидании ушедшего на фронт мужа (отца Яши), но вместо него пришло лишь извещение о его гибели. Оставшись одна с девочкой без средств к существованию, она вспомнила о своем пасынке и безо всякого предупреждения явилась. Нам ничего не оставалось делать, кроме того, чтобы сказать: «С приездом!» и достать для них какое-то «ложе». Диван (со вторых рук) нашелся, но места в нашей с папой «спальне» для него не оказалось, а потому на «семейном совете» было решено, что мое ложе переносится в комнату семьи Гриншпун. Итак, «свершился приговор!», и, если раньше я могла вставать посреди ночи и хоть пару часов при лампаде заниматься, то теперь я лишилась и этой возможности. А учиться нужно было, и не просто учиться, но учиться очень хорошо как ради получения знаний, так и ради повышенной стипендии. Опять надо было что-то придумывать. Но что? В голову ничего не приходило.

Часть вторая

Я занималась в университете на физико-математическом факультете, где преподавание велось на русском или украинском языках. Русский я уже неплохо знала, но украинский – ни в зуб ногой. Начертательную геометрию (помимо других предметов) нам читал товарищ Кот (это не прозвище, а его настоящая фамилия) на украинском языке. К счастью, его ассистентом, с которым нам приходилось постоянно встречаться (он проверял наши чертежи), был некий Маргулис – еврейчик, маленького роста, к тому же очкастый. Я ему приглянулась (на нашем курсе было восемьдесят человек, из них нас, девушек, было всего десять). Поняв, что у меня серьезная проблема, он предложил мне свою помощь после занятий, на что я охотно согласилась. Началось с того, что он мне вторично объяснял материал Котовских лекций на русском, затем стал снабжать меня рисовальными листами и необходимыми приборами, и вскоре мы дошли до того, что большую часть работ он и выполнял, и оценивал. Стало ясно, что у него был «дальний

прицел», которого я со всех точек зрения не могла и не хотела даже мысленно допустить. Большую помощь в усвоении математического анализа, преподавание которого вел доцент Бобров, оказал мне его ассистент, местный еврей, высокий интересный молодой человек Карл Фишман. (Он стал доктором математических наук, преподавал в Америке и в Израиле и жил в Реховоте по соседству с нами.) У него на меня не было никаких видов, он просто решил помочь мне, объясняя непонятное на румынском. Я была ему бесконечно благодарна, а когда он мне однажды преподнес довоенный учебник на румынском языке, я готова была его расцеловать, но постеснялась. Совсем другие отношения сложились у меня со своим преподавателем английского языка – Войтенком. Это был канадский украинец, родители которого удрали с Украины в 20-х годах, когда он был совсем младенцем. У него не было педагогического образования.

Он был инженером, во время войны записался добровольцем в американскую армию, воевал в Германии, а по окончании войны изъявил желание «репатрироваться» на Украину. Это был белобрысый молодой человек (лет тридцати плюс), холостой, который, получив советское гражданство, одновременно получил место работы в нашем университете в качестве преподавателя английского языка на неспециальном факультете. Он выбрал то, что было ближе к его специальности, в расчете на то, что в процессе преподавания его студенты помогут ему усвоить «родной украинский язык», и таким образом он получит возможность вернуться к своей профессии. Его положение было не легче моего.

Я никогда раньше не изучала английский язык, но знание румынского и французского наряду с немецким значительно помогли мне усвоить новый для меня иностранный язык, и я незаметно стала «ассистентом» преподавателя на уроках и «переводчиком» в группе. Это помогло мне в дальнейшем сблизиться с Ольгой Русаковской – моей сокурсницей, которая ввела меня в свою семью.

Это была семья освободителей: ее отца – члена партии и бывшего военного командира – направили на работу в Черновцы. Они получили люксовскую квартиру в самом центре города. Там было, не знаю, сколько комнат с высокими потолками, блестящим паркетным полом, кафельными печками, хрустальными дверями и шикарнейшей ванной комнатой с душем и бидэ. Она чем-то напоминала мне мой родной дом, но их дом был намного шикарней, более

современный, а по сравнению с моей халупой того времени, это был настоящий дворец. И вот их дворец стал моим спасательным кругом. Они об этом ничего не подозревали: никто из них не бывал у меня, и никто из моих близких не переступил их порог. Я старалась всеми силами держаться на «поверхности», и никто не подозревал, на каком «дне» я фактически находилась...

Оле я помогала в учебе, как могла, а ее сестра – учительница русского языка – «шлифовала» мой русский язык и дала мне основу для самостоятельного изучения украинского. Мы с Олей стали почти неразлучными: я там дневала и нередко даже ночевала (особенно перед экзаменами). В их доме была полная чаша, и я думаю, что они и не подозревали, что в стране царил голод! И вот однажды я попросила папу оставить себе немного денег, чтобы что-то купить. Папа не только согласился, но и настоял на том, чтобы я себе оставила всю стипендию, и я опять пошла на толкучку. Там люди продавали свои и американские (посылочные) обноски, с тем чтобы как-нибудь содержать семью. Выбор был большой, и я накупила себе целый «гардероб»: тонкое ажурное дневное и ночное белье, одно шикарное платье из черного вуаль-жоржета, юбку в клетку и две шелковые кофточки.

У меня осталось еще немного денег, и я купила красивую фарфоровую безделушку, которую потом преподнесла в подарок Олиной маме. Уходила я оттуда «на крыльях», забыв на минутку, какой ценой я всё это приобрела, когда вдруг почти у выхода увидела папу, предлагающего кому-то купить пару сапог.

Я знала, как папа добывал наш «хлеб насущный», но это был первый раз, когда я увидела его в этом «амплуа»! У меня потемнело в глазах, мне стало трудно дышать, но мне хватило сил, чтобы оттуда убежать, чего я себе до сих пор не могу простить...

Меня охватило чувство жалости и стыда: мне было стыдно за него, но еще больше за себя. Я чувствовала себя предательницей, и я решила вернуться домой, благо, что летняя сессия уже заканчивалась. Оставалось сдать еще один экзамен – английский язык. Под каким-то предлогом я не осталась ночевать у Оли.

Мы с Олей первыми вошли в экзаменационный зал, и обе получили «отлично». Разница была только в том, что в своей зачетной книжке я обнаружила записку на английском языке, в которой меня просили не уходить, пока он – Войтенек – не освободится. И я его подождала!

В коридоре уже никого не было. Оля тоже ушла домой. Увидев меня, он тут же подошел, взял меня за руку и сказал: «Let's go!» («Пошли!») Я даже не спросила, куда. Он повел меня в ресторан «Дністро» на Кобылянской (главная улица). В ожидании заказа я сидела там, как зачарованная. После Бухареста это был первый раз, когда я переступила порог какого-либо учреждения общепита, тем более ресторана, да еще такого шикарного. (В Бухаресте мы обычно ужинали в ресторанах. Рядом с нами был летний ресторан, где играл цыганский оркестр. Там мы обычно ели антрекоты и кебабы. Зимой мы ходили в подвал «Моток» (так звали хозяина), где специализировались на холодцах, голубцах, колбасах и разных видах пастрамы.)

Я была ошеломлена и только спросила: «Что вдруг?», на что он мне ответил: «Это банальный способ выразить Вам свою благодарность и одновременно сделать Вам предложение, в котором, я очень надеюсь, не откажете». Я потеряла дар речи, а он продолжал говорить. Он говорил о том, как высоко ценил мою помощь, что, если бы не я, он бы, вероятно, не довел бы до конца учебный год, и, безусловно, ему бы не предложили «попробовать» себя на специальном факультете – факультете английского языка нашего же университета, на заочном отделении, занятия на котором должны были начаться спустя несколько дней. Более того, он очень хвалил мои способности к языкам, а также педагогические, и уговаривал меня испробовать себя в этой области, поступив на заочное отделение ради своего и его будущего. Он очень надеялся, что я на это соглашусь, и был уверен, что я об этом не пожалею. И он был прав!

Договорившись о встрече, мы пошли к ректору заочного отделения университета, с согласия которого по просьбе и рекомендации Войтенка меня зачислили на первый курс английского отделения филологического факультета. Спустя два дня, никому ничего не сказав, я пошла в «Резиденцию» (бывшая Резиденция Буковинского митрополита и высшая духовная семинария при румынах). В советское время и по сей день там расположен филологический факультет Черновицкого университета. Я шла пешком навстречу неизвестности, задавая себе вопрос: зачем я согласилась? Из целого ряда причин остановилась на главной – чтобы не быть дома...

Унесенная думами, я, по всей вероятности, замедлила шаг (часов у меня не было), потому что, когда я добралась до Резиденции,

никого не было видно. (Войтенюк обещал встретить меня у ворот.) Это был первый раз, когда я оказалась там, хотя Резиденция возвышается в конце ул. Университетской совсем недалеко от центральных корпусов бывшего Австро-Венгерского, а затем Румынского университета, где находились административный корпус и физмат. Я подошла к огромным «ажурным» железным воротам в десять раз выше меня, но, увы, они были закрыты на большой старинный замок. Обнаружив неподалеку другой, более скромный, вход, я вошла и оказалась в длинном темном коридоре, вдоль которого по обеим сторонам были массивные, по-моему, дубовые инкрустированные двери. Я стала подходить к каждой двери, прислушиваясь. Полная тишина! Я уже подумала о том, как ретироваться, но мысль о том, что Войтенюк меня ждет и что я не имею права его подвести, заставила меня продолжать поиски. Вдруг за какой-то дверью я услышала голоса. Облегченно вздохнув, я робко постучалась, но каково было мое удивление, когда двери открыл не Войтенюк, а какой-то молодой человек. Извинившись, я объяснила, что ищу первый курс английского отделения. В ответ двери распахнулись еще шире, и приветливым голосом было сказано: «Welcome!» Я начала объяснять, что искала группу другого преподавателя, но он, пристально глядя на меня своими черными, как смоль, выпуклыми глазами, сказал: «Зайдите, посидите, а на перемене разберемся», – и указал мне на место на последней парте, хотя перед ней были еще два ряда свободных мест, и, вернувшись к кафедре, стал продолжать свое прерванное моим появлением вступление, а точнее, выступление. На прекрасном английском языке с хорошим лондонским произношением он говорил о себе, о программе, учебниках и предстоящих экзаменах. Я не всё понимала, но ясно было одно: впервые в жизни во мне что-то зашевелилось! Я не могла оторвать глаз от него, хотя он был некрасив, невысокого роста и намного старше меня. Его голос, интонация и, главное, его пристальные взгляды в мою сторону обворожили меня.

Я не заметила, когда он сошел с кафедры и стал раздавать какие-то листы для заполнения. «Очнулась» я от его присутствия рядом со мной и нежного прикосновения со словами: «Это для первого знакомства!» (Это была анкета на английском языке.) Собрав их потом, он нам раздал другие листы с коротким рассказом без окончания. Наша задача заключалась в том, чтобы придумать и написать (также на английском) окончание. Это было интересное

задание, и я им увлеклась. Время от времени он проходил между нашими рядами и заглядывал в наши «произведения». Не знаю, чувствовали ли другие что-нибудь, но каждый раз, когда он склонялся надо мной и при этом лицом прикасался к моим длинным крупно-волнистым волосам, по мне пробегал «электрический ток».

Раздался звонок, а я еще не дописала свою концовку. Я ему так и сказала. Он разрешил мне дописать во время перемены и в конце занятий занести работу в кабинет английского языка на втором этаже. Оттуда мы уже пошли вместе!

Было около двух часов, когда мы с ним вышли на улицу. Время было обеденное, но никто из нас об этом не думал. Мы шли и шли, пока не дошли до Городского парка. Там, обнаружив свободную скамейку в какой-то зеленой нише, он моментально сел, потянул

Сеня Нугер - моя первая платоническая любовь

меня к себе и поцеловал в губы. Это был мой первый поцелуй такого рода, и я потеряла голову. За ним последовали объятия и другие поцелуи. Он целовал мне руки, щеки, глаза и даже отдельные пряди моих распущенных волос. Потеряв дар речи, я только слушала его, а он все говорил и говорил, рассказывая о себе. Я с трудом улавливала смысл: слышала я только мелодию его голоса, и она меня опьяняла. Мы в том парке то сидели, то гуляли до самого вечера. Я никогда раньше там не бывала, и он мне казался огромным. На самом деле он был небольшой, и мы только гуляли по кругу, обнимаясь и целуясь.

Точнее, все это делал только он, а я нисколько не сопротивлялась.

Из всего сказанного им я только уловила его имя – Сеня, и что до войны он окончил Харьковский пединститут иностранных языков, где потом и преподавал, что провоевал всю войну, и что с открытием второго фронта (с американскими войсками) стал переводчиком, принимал участие в переговорах с союзниками (в Германии) на высоком уровне, и что, вернувшись на Родину, остановился в Черновцах, где жили и работали в Еврейском театре ведущими артистами его брат и невестка (Нугер и Фингерова). Приехал он только в конце учебного года, и потому ему было предложено преподавать пока на курсах для заочников. В дальнейшем ему предстояло преподавать на стационаре филфака.

Жил он пока у брата, и ему искали квартиру. Однажды он между прочим сказал, что был бы счастлив, если бы моя семья включилась в поиски, а если бы они считали возможным его «приютить», то он был бы на вершине счастья. Как и следовало ожидать, я тут же извинилась, сказала, что это невозможно, и попросила не спрашивать, почему. Больше мы к этому вопросу не возвращались, и о своей семье я ему ничего не говорила. Со своей стороны, я тоже ничего не спрашивала. Нам не нужны были никакие подробности. Мы были счастливы, мы не могли друг без друга жить: на уроках, на переменах, после уроков и до самого вечера – мы всегда были вместе. Провожал он меня «домой» до соседней улицы, где, останавливаясь возле какого-то престижного подъезда, мы обычно расставались. Спустя несколько минут я продолжала свой путь к нашей халупе, где меня с нетерпением ждал... Яша!

Яша всегда открывал мне двери и сквозь зубы постоянно спрашивал: «Где опять шлялась?» Я, делая вид, что не расслышала вопрос, ничего не отвечала, не желая скандала. Но он не мог уgomониться и при каждом удобном случае шептал: «Их штарб нох дир!», что в переводе с идиша означает «Я без тебя жить не могу!» Жить под одной крышей с ним становилось совершенно невыносимо: он приставал ко мне, как только мы оказывались наедине, а по ночам он просто «терял ориентир» – не было ночи, чтобы я не просыпалась от его прикосновений и тяжелого дыхания. Я не знала, что делать. Ни папе, ни Дорине я не могла рассказать, потому что, узнав об этом, папа мог бы его убить, а все еще безумно любящая его Дорина могла бы сойти с ума. Мое счастье и вся моя жизнь висели на волоске.

И вот однажды после очередной бессонной ночи под предлогом, что мне необходимо было заниматься по ночам, а в комнате Дорины, во-первых, не было стола, а во-вторых, был малыш, я попросила папу уговорить Басю поменяться со мною местами. Я перешла спать с Люсей, папа – напротив нас, и я стала спокойно спать по ночам, а дни проводить с Сеней.

Сене нашли квартиру рядом с Еврейским театром, и нам больше не приходилось кушать вне дома и «болтаться» по улицам. После занятий мы шли к нему. Там мы ели, пили, слушали музыку и, тесно прижавшись друг к другу, танцевали. Непонятно, куда делось мое отвращение к мужскому прикосновению, моя стеснительность и, вообще, основные принципы поведения «благородных девиц». Все это

куда-то исчезло, но «барьер» остался: мы его ни разу не переступили, да и, признаться, не было такой попытки с его стороны вообще. Он продолжал вести себя корректно, и с этой точки зрения я была совершенно спокойна. Но! «Что будет дальше?» – спрашивала я себя.

С тех пор, как мамы не стало, папа взвалил на себя ее функции тоже, и, признаться, довольно успешно: он стал для нас и отцом, и матерью. Но есть вещи, о которых девушкам с отцом говорить невозможно. Это я испытала на себе! Мне шел уже восемнадцатый год, а я еще не была «барышней». До встречи с Сеней меня этот вопрос не волновал, т. к. я зареклась не выходить замуж и не рожать детей. Теперь я стала задавать себе вопрос, нормальна ли я, и, если нет, имею ли я право продолжать наш роман. Советоваться мне было не с кем, и после долгих и мучительных размышлений решила, что настала пора «раскрыть карты», рассказав ему всю правду о себе и о своей семье. Решить я решила, но сделать этого не смогла, и мы продолжали встречаться.

Занималась я в свободное от занятий время. Его было много, т. к. мне зачили все общеобразовательные предметы типа марксизма-ленинизма, которые я сдала на «отлично» на физмате. Все это время я высиживала в университетской библиотеке, «глотаю» всё подряд. Это было мое второе большое удовольствие, и, пока я была там, я забывала всё на свете. Это было там и тогда, когда судьба свела меня с Яном Дорфманом.

Время шло, занятия шли к концу. Наступила экзаменационная сессия. Все экзамены были сданы на «отлично». Я была довольна собой: за один год я *de facto* окончила два курса и могла продолжать в том же духе, совмещая точные и гуманитарные науки, от которых я получала не только знания, но и огромное удовольствие. Мне посчастливилось слушать лекции таких известных специалистов по русской и зарубежной литературе, как профессора Н. Фатов и Гуля, а также их обаятельных супругов, бывшего редактора журнала «Дніпро», нашего заведующего кафедрой зарубежной литературы (после смерти проф. Гуля) и в дальнейшем руководителя моей дипломной работы (которая произвела фурор) Якова Ильича Гордона, корифея истории германских языков Жолкивера, Зои Васильевны Николаевой – жены проф. Фатова, старшего преподавателя русского языка, которая помимо глубоких знаний сумела привить всем нам любовь к преподаваемому ею предмету, парторга университета и преподавателя истории партии, который спас меня от исключения

из университета, Гуськова, заведующего кафедрой английского языка Радченко, который вел нашу группу и дал нам глубочайшие знания грамматики, и многих других, в том числе и блестящего фонетика старшего преподавателя Нугера Семена Петровича – мою любовь! Список намного длиннее, и да простят меня те, которых не упомянула. Все они внесли большую лепту в мое формирование как человека и педагога. Большое всем им за это СПАСИБО!

Всё было хорошо, пока я не возвращалась домой. Чем старше я становилась, тем лучше я понимала папу, любила и ценила его, восхищаясь его человеколюбием и силой самопожертвования, уважала его как человека и главу семьи. Меня поражала его стойкость перед Басей, которая всеми силами добивалась его. Дорину я тоже любила, жалела ее (беременности и аборт постоянно чередовались, отчего она стала болезненной: у нее были постоянные головные боли и тошнота), и я помогала ей, чем только могла, особенно с ребенком. Но в глубине души, да простит меня Бог, мне трудно было простить ей то легкомыслие, которое отравило не только ее жизнь, но и нашу, включая Яшу, который, попав не в свою тарелку, стал заметно деградировать. Его я всеми фибрами души ненавидела, считая его причиной всех наших бед. Что касается Баси, то ее я просто презирала из-за ее открытого посягательства на папу, который всеми силами отбивался, а ведь она была молодой красивой женщиной и хорошей хозяйкой. К тому же она очень красиво пела, и в ее репертуаре были, главным образом, еврейские песни, полюбив которые я изучила идиш – язык моих предков. За это выражаю ей свою благодарность.

Начался новый учебный год. Я продолжала заниматься на физмате, а Сеня уже преподавал на стационаре филфака. Находились мы в разных корпусах, у каждого из нас было свое расписание, и они редко совпадали. Пелефона еще не изобрели, даже телефон редко у кого был (а у нас тем более), и в результате наши свидания срывались. Мы оба нервничали, а я, как сумасшедшая, на переменах бегала в Резиденцию, чтобы хоть издали на него взглянуть: он был постоянно окружен студентками или преподавателями, и я его ко всем ревновала.

На физмате занимались в основном парни. На нашем курсе было девяносто студентов и только восемь-десять из них – девушки. Все они были «нарасхват» (трое вышли замуж уже в конце первого курса). Совершенно иная картина была на филфаке: там парней

можно было сосчитать по пальцам. Основной контингент был женский, и Сеня был постоянно в их окружении. Я, естественно, не подходила к нему в таких случаях, и, если он меня не замечал, я возвращалась на свои занятия «не солоно хлебавши». Я стала нервной, раздражительной, с трудом могла сосредоточиться во время занятий, а при встречах стала допускать колкости, тем самым портя и себе, и ему настроение.

Уходя от него, я не переставала упрекать себя за свое поведение, ибо было ясно, что я сама рыла себе могилу, однако изменить я ничего не могла и с каждым днем всё ближе подходила к финишу.

Он наступил однажды после очередной бессонной ночи. Уходя из дому, я никому ничего не сказала, но сумку с собой не взяла и на занятия не пошла: все утро я просидела в парке, мысленно прощаясь с жизнью, а затем, в ожидании назначенного вечером свидания, бродила по любимым местам города.

Он меня ждал в кабинете английского языка, где обычно, после того как все уходили, он занимался. Я не раз туда заходила после занятий, но на сей раз, поднявшись на второй этаж, я зашла не в кабинет, а в соседнюю пустую аудиторию, через окно перелезла на узкую кирпичную полосу, которая как бы обрамляла этаж, и трудно понять, каким образом «держась» за стенку, добралась до его открытого окна и заглянула внутрь. Встретившись с ним взглядом и сказав: «Прощай!», я оттуда бросилась вниз.

Вероятно, на несколько минут я потеряла сознание, потому что, открыв глаза, я увидела Сеню. Он нес меня на руках и осторожно положил на заднее сиденье какой-то легковой машины (такси, как я потом узнала). Мы молча ехали «домой», точнее, до того самого дома на ул. Боженко, куда он меня вечерами провожал. Так же на руках он донес меня до подъезда и спросил номер квартиры, а я попросила дать мне возможность самой зайти в дом, дабы не напугать папу. Лишь после долгих уговоров он согласился, довел меня до «своих» дверей, поцеловал и, сказав: «Я завтра приду!», ушел.

Обычно после его ухода я от того самого подъезда спуская несколько минут шла домой. На сей раз, дождавшись его отъезда, невзирая на адские боли, я направилась в нашу поликлинику на ул. Боженко (если бы не какие-то незнакомые парни, которые «подобрали» меня по дороге, я бы туда не дошла). Рентген показал перелом левого голеностопного сустава и компрессионный перелом десятого-двенадцатого грудных позвонков. Доктор Билич «надел»

мне на ногу гипсовый сапог, а доцент Тартаковский забрал меня в Областную онкологическую больницу, главным врачом которой он являлся. Как выяснилось потом, меня ему сам Бог послал, т. к. он разрабатывал новый метод лечения перелома позвоночника и искал «подопытного», а во-вторых, он не поверил в мою версию о случайном падении из окна. Интуиция подсказала ему, что речь шла о чем-то трагическом, и он решил мне помочь.

Прощаясь с Сеней, я была уверена, что падение будет фатальным, но, оставшись в живых, возможность остаться инвалидом меня смертельно пугала, и я была готова перенести любые процедуры, лишь бы не вернуться обузой домой. Поэтому, когда доцент Тартаковский предложил мне попробовать вытяжку и физкультуру вместо гипсовой кровати, я, ни на минуту не задумавшись, согласилась.

Онкологическая больница находилась тогда на красивейшей улице города – ул. Федкович, рядом с нашим с Сеней парком. Сама улица тоже утопала в зелени, и по обе стороны ее стояли особняки. В одном из этих особняков и располагалась в то время онкологическая больница. Из кабинета главврача двери вели на большой застекленный полукруглый балкон. И вот туда занесли для меня специально сконструированную кровать без матраца. Мне предстояло длительное время лежать на одних покрытых простынями досках без подушки. Я находилась под личным наблюдением доцента. Физкультурой ежедневно занимался со мной специально обученный физиотерапевт, и прикреплена ко мне была немолодая медсестра (еврейка), которая относилась ко мне по-матерински. Кроме них я никого не видела и ни с кем не контактировала. Впервые за долгие годы я заимела свой «собственный» уголок, и окружали меня одни только «ангелы-спасители». Если бы не те адские боли (из-за которых мне приходилось лежать неподвижно в ожидании сестрички, которая время от времени с чем-то ко мне заходила, проверяла, помогала и ласкала меня), трудно поверить, но я себя чувствовала там по-настоящему «дома». Никто мне не мешал, а главное, не приставал, меня усиленно питали, обо мне заботились, я слышала только добрые, обнадеживающие слова, и я им верила. Мне было хорошо. Мучила меня только мысль о том, какой удар я нанесла папе, поэтому я написала короткую записку, в которой сообщала, что я жива и хорошо устроена, ни в чем не нуждаюсь и только прошу не пытаться меня разыскать, объясняя,

что мне необходимо побыть немного одной. Я также написала, что временно бросила учебу и что, следовательно, стипендии пока не будет. Я просила меня понять, не осуждать и терпеливо ждать моего возвращения. Письмо я попросила отправить заказной почтой. Адресатом был папа с припиской «лично».

Отправив письмо, я почувствовала какое-то облегчение. Мучили меня только мысли о Сене, которого никак не могла ни забыть, ни разлюбить, но которого я видеть не могла и не хотела.

В больнице оказалась богатая библиотека на разных языках. Я пристрастилась к англо-американской литературе и целыми днями читала, пользуясь словарем и изучая новые слова. Неудивительно, что, когда спустя четыре месяца меня (по моей просьбе) выписали, и я пошла на зимнюю сессию англичан-заочников, я всех поразила своим знанием языка.

Перед выпиской из больницы мой спаситель, доцент Тартаковский, попросил меня принять участие в симпозиуме, на который он пригласил многих известных хирургов-ортопедов. Я должна была стать его главным экспонатом. Он объяснил мне, насколько это было важно для науки вообще и для его научной работы в частности, и я, не раздумывая, несмотря на свою стеснительность, согласилась. Рассмотрев предварительно мои рентгеновские снимки «до» и «после», они меня ощупывали, просили нагибаться, распрямляться, походить и чего только нет.

Я никому ни в чем не отказывала, не подавая виду, что перенесенная мною травма все еще давала о себе знать, и я временами испытывала большие неудобства, а иногда даже боль. Я хорошо понимала, что от меня тогда очень многое зависело, и я очень старалась.

Эксперимент удался, в зале раздались аплодисменты, и я с гордостью «сошла со сцены». Расставание с «моим» больничным персоналом было очень трогательным, и выражая искреннюю благодарность всем тем, кто принял участие в моем «восстановлении», мне было очень трудно расставаться с людьми, которые за истекший период стали мне по-настоящему родными. Кроме того, мне было страшно покинуть больницу и вернуться домой, однако другого выхода у меня не было. Надо было вернуться и, несмотря ни на что, продолжать заниматься.

С трудом сдерживая слезы, я вошла в дом. Было уже вечернее время, и все были в сборе...

Точнее, все и не все: за время моего отсутствия папе удалось пристроить Басю с Люсей – она вышла замуж за одинокого обеспеченного старика, у которого было достаточно жилплощади, чтобы прописать их обеих.

Все искренне радовались моему возвращению и без лишних слов и вопросов указали мне на мое «ложе» в передней комнате, и я облегченно вздохнула. Но... Не прошла и неделя, как однажды, вернувшись домой с занятий, я застала очередных «гостей». Это была Злата – родная сестра Яшиного покойного отца с дочерью Таней. Они покинули родной город и приехали в Черновцы к «любимому» племяннику в надежде найти свое счастье. Я была в ужасе, но мне хватило смелости категорически заявить, что свое место никому не уступлю и что с Таней я спать не буду! Папа меня тут же успокоил, пообещав что-то придумать, и он слово свое, как всегда, сдержал: я стала ночевать у Раи, папиной подопечной, мужа которой посадили. У нее был маленький мальчик, которого папа отвозил в садик вместе с Карлушей, с тем чтобы Рая могла вовремя уходить на работу. Она работала бухгалтером. В свое время папа познакомил ее (одиночку) с Семой Комаргородским, который во время войны потерял всю семью – жену и детей. Рая жила в переулке рядом с нами в большой квартире, и она охотно согласилась уступить мне одну комнату на ночь. Этот вариант меня вполне устраивал, и я стала налаживать свои дела в университете, но... не на физмате, где учеба требовала много сидячей работы, а сидела я всё еще с трудом. «Другое дело филология», – подумала я, т. к. там домашние задания можно было выполнять и лежа. Вот почему я и решила бросить физмат и постараться заочно наверстать упущенное на филфаке. Так оно и было!

Начало занятий я ждала со смешанными чувствами: я и хотела, и боялась встречи с Сеней, и упаси Бог, попасть в его группу. Поэтому, когда выяснилось, что он перестал работать на заочном отделении, я облегченно вздохнула и спокойно стала посещать занятия, хотя с трудом высиживала по три-четыре пары в день. Я наслаждалась каждой минутой (пока была там)!

Однажды поздно вечером, когда Эдик уже спал, а мы с Раей болтали, вдруг раздался звонок в дверь, и в комнату вошел стройный молодой человек в военной форме. Это был Мендель! Тот самый Мендель, с которым я дружила в гетто.

После того, как нас освободили, его призвали в армию, и, как все мужчины, побывавшие в оккупации, он попал в штрафной

батальон. Его специальность спасла его и там, ибо и там он работал мясником при кухне. Как сложилась его жизнь после войны, я не знаю. Знаю только, что (по его словам), как только он меня разыскал, он тут же приехал «меня забрать». Мое «нет» почему-то поразило его, как молния, и он расплакался, как маленький ребенок, а затем, опустившись на колени передо мной, стал целовать мне руки и умолять выйти за него замуж. Он сквозь слезы шептал, что никогда никого, кроме меня, не любил и что он не сможет жить без меня. У меня сердце разрывалось от жалости, но мне хватило мужества не уступить, хотя натиск длился до самого утра. (Он остался в Черновцах, работал мясником на углу ул. Университетской и долгое время ждал момента моего появления – по утрам по дороге в университет – на пороге своего магазина. Он женился, создал хорошую семью – два сына, оба врачи, иммигрировал в Израиль, тут он и похоронен. Незадолго до его смерти, случайно встретившись в Тель-Авиве – он был со своей женой, а я – с мужем, он обратился к Толе и сказал: «Вы – счастливчик!» На что Толя ответил: «Я знаю».

Я попала в другую группу с другими слушателями, где для всех я была новенькой. Меня это устраивало, т. к. мне хотелось начать жизнь сначала... В этом опять мне помог счастливый случай: я там

Лиля Портигал - моя лучшая подруга - с мужем и Людочкой. Живут в Лос-Анджелесе, США.

познакомилась с Лилей Портигал, и мы с первого же взгляда потянулись друг к другу, а наша дружба, зарожденная там, длится по сей день, хотя судьба нас то разъединяла, то объединяла, пока мы в 1973 году окончательно не расстались: мы иммигрировали в Израиль, она с семьей – в США, в Лос-Анджелес.

Мы с Лилей были ровесницами, и, несмотря на нашу юность, обе успели стать жертвой своей первой любви, но с разными нюансами и на разных почвах. Лиля бросила занятия на географическом факультете, где занимался Ян (ее первая большая любовь), и поступила на заочное отделение филфака (английскому языку ее учили с детства). Она была дочерью очень зажиточных людей. О войне она знала только понаслышке, т. к. из Одессы ее семья

эвакуировалась вместе с «органами», и всю войну провела где-то в Средней Азии, где ее отец, Семен Ефимович – партийный работник, содержал семью в роскоши. В Черновцы они попали только после войны по партийному поручению, где получили шикарный особняк с большим фруктовым садом недалеко от нас по улице Маяковского.

Отец Лили был директором базы «Утильсырьё», которая в то время была «золотым руном», а потому, в то время как мы голодали, они питались деликатесами, в доме была полная чаша, хозяйство вела Frau Roza, немолодая немка, хотя Ольга Романовна, Лилина мать, не работала. Одеты были они с головы до ног по последней парижской моде.

Познакомившись с Яном, бедным студентом, выходцем из гетто, еще на подготовительном курсе, который был организован при Черновицком университете сразу после войны, она в него по уши влюбилась, и вскоре ее родители стали представлять его всем в качестве Лилиного жениха. Он там дневал и ночевал, пока вдруг, безо всякого объяснения, не исчез из их поля зрения.

Лиля была в отчаянии. Она впала в депрессию и замкнулась в себе, не выходя из своей комнаты. Если бы не ее мать, она так же, как и я, попыталась бы найти выход в самоубийстве.

Лилька никак не могла понять, чем она перед ним провинилась. Ответ на мучивший ее вопрос получила я полвека спустя из его уст. Оказалось, что она ничем не провинилась. Причиной его ухода была та разительная пропасть между семьями: его семья жила в нищете. Сейчас он – пенсионер, доцент географических наук Черновицкого и Тель-Авивского университетов, мой самый близкий человек, живет в Реховоте. Я Лиле ничего не говорила: зачем ворошить прошлое?

В отличие от меня на заочное отделение она поступила не по собственному желанию, а под нажимом семьи. Она нерегулярно посещала занятия, с трудом переходила с курса на курс, в то время как я была одной из лучших студенток группы. Меня к ней сразу что-то потянуло: и внешне, и внутренне она мне чем-то imponировала. Лиля была миловидной, умной, воспитанной и интеллигентной девушкой, и мы с ней стали неразлучными подругами, а наша дружба была очень благосклонно воспринята ее семьей: они узрели во мне «спасательный круг», каким я действительно стала. Лиля стала тянуть меня к себе домой после занятий, а я «тянула» ее в учебу. Ее родители полюбили меня, и я теперь у них дневала и ночевала. Спали

мы с Лилей на большом лотербете, ночи напролет мы открывали свои души друг перед другом, и обеим нам становилось легче жить!

Среди друзей семьи Португалов была Ципа – артистка Черновицкого Украинского театра и ее муж – главный режиссер Борин (еврей), а потому у Лили с семьей были зарезервированы четыре места в первом ряду партера на всех премьерах, к которым они готовились не меньше самих артистов, заказывая себе дорогие, шикарные наряды к каждому новому спектаклю. Четвертое место было предназначено Фомику, Лилиному младшему братику, которого театр не интересовал, так что его место долгое время занимал Ян в своем бессменном костюме, сшитом из порванного парашюта. Теперь на его место стали приглашать меня.

Я помню, с каким волнением я к этому готовилась: я наконец смогла переступить порог того театра, о котором в городе с таким восторгом говорили. У нас с Лилей были разные фигуры, так что единственное, что я у нее для этого события могла одолжить, были ожерелья, которые я нацепила на свое бессменное черное платье. Оно совершенно преобразилось и вместе с моими «лаковыми» босоножками на высоких, тонких каблуках создавало «наряд». (Со временем к тому же платью я научилась менять «украшения»: то нацепляла какой-то цветок, то кружевной воротничок, мех и чего только нет. Главное – я тоже «меняла» наряды.)

Театр произвел на меня неизгладимое впечатление. Это не удивительно, т. к. после Венского и Одесского театров оперы и балета Черновицкий стоит на третьем месте (архитектор тот же). С первого взгляда в глаза бросаются позолоченные ложи, мягкие кресла, обитые красным бархатом, и хрустальные люстры. Совсем не то, что в Еврейском театре, куда мы с Сеней ходили. Единственное, чем еврейский театр не уступал украинскому, были главные артисты – гордость не только театра, но и всего еврейского населения города вообще. Я бесконечно благодарна как Сене, так и Ольге Романовне, которые причастили меня к театру и к театральному миру в столь тяжелые для меня времена, и бесконечно благодарна Лилиному отцу, Семену Ефимовичу, который устроил к себе на работу и Дорину, и папу, поставив таким образом всю нашу семью «на рельсы». Почти одновременно Яша тоже устроился работать в артели в каком-то районе недалеко от города, где началась его полная деградация: он стал пить, гулять и изменять. Дорина сильно переживала. Зато я стала свободно

дышать и с удовольствием взяла на себя заботу о семье, т. к. Дорина стала заниматься в вечернем техникуме.

Дорина была молодой красивой женщиной, хорошей студенткой, и у нее появились обожатели среди сотрудников и студентов, и, в отличие от меня, она не стеснялась приглашать их к нам домой. Вскоре наша «изба» чуть ли не превратилась в молодежный клуб. Кое-кто стал заглядываться и на меня, но я ни на кого не обращала внимания. Посчитав меня горделивой, они тут же отступали, а мне просто никто не был нужен: я продолжала любить Сеню, жила воспоминаниями и про себя твердо решила, что никогда и никого я больше любить не смогу, а значит, я никогда не выйду замуж, т. к. замужество без любви в моем понимании было равносильно проституции.

Того же мнения придерживалась и Лиля, а потому все попытки ее матери выдать ее замуж были обречены на провал: она ни с кем не хотела знакомиться. Кроме меня ей никто не был нужен. К тому же она ничем не занималась, в то время как я интенсивно училась (самостоятельно), вела хозяйство и занималась Карлушей, красивым ангелочком. Одетый, как принц, в купленные мною на толкучке американские костюмчики, он постоянно обращал на себя внимание прохожих и, благодаря ему, и на меня. Но меня это не волновало: я много читала и серьезно готовилась к летней сессии, которую я опять сдала на «отлично» и была принята на третий курс английского отделения филологического факультета – стационарно, в то время как Лиля, не сдавшая все экзамены, осталась на заочном.

На третьем курсе в том учебном году (1948-1949 гг.) были три группы. Первую вел сам заведующий кафедрой английского языка Радченко, вторую – Павел Григорьевич Ковсман, а третью – «мой» Сеня. Я попала в первую группу и была этому рада.

Несмотря на то, что все нормально занимались на стационаре первые два курса, я оказалась самой сильной «англичанкой» в группе. Радченко гордился мною, считая это своей заслугой, а девчонки (в группе было всего четыре парня и среди них только один еврей) завидовали мне. Помимо нашей группы Радченко вел курс английской грамматики, а Нугер (Сеня) – курс фонетики, и я опять оказалась его студенткой. В грамматике я была корифеем (я ее самостоятельно изучила), и Радченко предложил мне вступить в научный кружок, который вел Сеня, но я отказалась под предлогом, что в часы работы кружка я должна была быть сиделкой у своего

маленького племянника, т. к. сестра по вечерам занималась. Он попытался меня переубедить, но я не уступила, хотя, на самом деле, папа «нанялся» сиделкой у Карлуши.

От кружка я отказалась, но от курса фонетики не смогла. Во-первых, потому что это был обязательный курс (на заочном нам его не читали), а во-вторых, потому что он был мне очень нужен: произношение у меня было плохое, т. к. большинство слов мне пришлось изучать только по транскрипции (в то время не было никаких аудиосредств, а те немногие трофейные американские фильмы, которые иногда демонстрировались в Советском Союзе после войны, все были переозвучены на русский язык).

Я уже свободно разговаривала на английском, у меня был очень богатый английский литературный язык (я очень много читала в оригинале), но акцент у меня был румынский, точно так же, как у Радченко он остался украинским. У Ковсмана было прекрасное американское произношение (он еще при румынах окончил какой-то очень престижный университет в Америке – Трумэн был его сокурсником!), а у Нугера – настоящее лондонское произношение, хотя окончил он Харьковский институт иностранных языков. Между прочим, когда волна антисемитизма дошла до нашего университета тоже, Якова Ильича Гордона обвинили в том, что он читал лекции на русском. Задав вопрос: «С каких пор русский язык перестал быть общегосударственным?» - я чуть не вылетела из университета. Но зато Яков Ильич остался. Но не надолго. Павла Григорьевича Ковсмана попытались снять с работы под предлогом, что у него не было советских документов об образовании! Его спасло письмо Трумена (письмо президента Америки того времени), с которым он вместе занимался в университете. Но вскоре, не выдержав позора, Ковсман умер, а Яков Ильич уехал в Среднюю Азию (в Бухару).

Итак, «судьбы свершился приговор!», и она меня опять свела с Сеней. Но на сей раз между нами «осталась кафедра»: ни он, ни я не подавали виду, что это была не первая наша встреча. Более того, я избегала его, и только во время зимней сессии, когда мне пришлось сдавать зачет по фонетике, он не выдержал и сказал: «Я восхищен Вашими успехами, но должен отметить, что произношение Ваше оставляет желать лучшего. Зачет Вы, конечно, получите, но летом Вам придется сдавать экзамен, и мне бы очень не хотелось испортить Вам зачетку. Я предлагаю Вам свою помощь». Поблагодарив, я вежливо отказалась. Однако

«чему бывать, того не миновать!» Я была комсоргом группы, а он – секретарем партийной организации филфака. После сдачи зимней сессии во время предвыборной кампании в Верховный Совет Украины его назначили председателем агитационного участка при нашем университете, а он в свою очередь назначил меня своей «правой рукой». В день выборов мы были в постоянном контакте, а когда голосование закончилось, мы до утра занимались подсчетом голосов и оформлением документации. Отпустив меня домой, «чтобы я хорошо отдохнула» (его слова), он тут же подчеркнул, что я обязательно должна вернуться около двенадцати часов дня для подписания документации. Я, конечно, вовремя пришла, но его там не оказалось, и мне сказали, что он находится в Резиденции в своем кабинете, где он печатает протокол, и что он просил меня прийти туда. И я пошла.

Он, действительно, ждал меня в своем кабинете, и, когда я вошла, встал, пошел мне навстречу, сказав: «Спасибо, что пришла!», взял за руку и добавил: «Пошли!» Мы с ним молча спустились на первый этаж, пошли вдоль коридора и повернули направо, туда, где, я хорошо знала, в конце имелись огромные инкрустированные железные двери, которые никогда не открывались. Вынув огромный ключ из портфеля, он стал их открывать. Я попятилась назад. Заметив мое испуганное движение, он нежно схватил меня за руку и с улыбкой на лице сказал: «Не бойся, я тут живу!», – и это было действительно так.

Оказалось, что ему, единственному из преподавателей, выделили в качестве квартиры одну из бывших келий монахов (эта, не учебная, часть резиденции была постоянно закрыта). Дойдя до своих дверей, он вынул другой ключ из кармана, и, открыв их, пригласил меня зайти. Я все еще не решалась переступить порог, когда он меня поднял на руки, перенес через порог, поставил на ноги, обнял, крепко поцеловал и шепотом произнес: «Наконец!» У меня закружилась голова, и я присела на единственный находившийся в комнате стул. Он меня тут же поднял, и, посадив рядом с собой на диван, шепнул: «Как долго я этого момента ждал, как много вопросов у меня накопилось, и как много хочется мне тебе сказать!» Я лишилась дара речи. Заметив мое смущение, он встал и, извинившись, пошел зажечь плиту и приготовить чай, тем самым давая мне возможность немного отойти: я была в состоянии шока... Мы молча пили чай, глядя друг на друга. Я понимала,

что настал момент что-то сказать, и взмолилась: «Пожалуйста, только не сегодня!» И он уступил. Несмотря на то, что огонь горел в камине, в комнате было очень холодно, и мы весь остаток дня провели в обнимку. Он был очень нежен и заботлив, мы постепенно успокоились. В основном говорил он.

Сначала он рассказал мне о своей работе и о своем переезде, признался в том, что никаких протоколов у него уже не было, что я ничего не должна была больше подписывать и что он всё это «организовал» лишь для того, чтобы повидать меня. Он рассказал мне о своих переживаниях: о том, как на второй день после «того случая», решив меня навестить, искал меня по всем квартирам того подъезда, и, не найдя, понял, что я всё время от него что-то скрывала (возможно, свое замужество, хотя это было маловероятно, судя по моему поведению), а потом исчезла навсегда. Он говорил о своей обиде и тревоге за меня, а также о вопросе, который стал себе постоянно задавать: «Почему?»

Незаметно наступили сумерки, и я стала собираться домой. Он пошел меня провожать, но на сей раз, пройдя мимо того самого подъезда, мы не остановились, а продолжали идти, пока не дошли до нашего дома. Остановившись перед ним, я, наконец, ответила: «Потому!» Было уже темно, на улице никого не было видно. Ничего не сказав, он меня обнял и поцеловал. Не знаю, сколько времени мы так стояли, обнявшись перед калиткой, как вдруг неизвестно откуда появился пьяный Яша. Он буквально вырвал меня из объятий Сени, крикнув: «Пошли домой, блядь!» Я вбежала в дом, и, проплакав всю ночь, утром побежала к Сене.

Я решила раскрыть ему свою тайну, извиниться и уйти из его жизни навсегда. К счастью, те огромные двери были открыты, и, подойдя к его дверям, я робко позвонила. Ответа не последовало. Я позвонила вторично сильнее, и, спустя несколько минут, которые мне показались вечностью, двери приоткрылись, и оттуда выглянуло какое-то старческое замученное лицо. Я растерялась, не зная, что делать, но двери широко распахнулись, и каким-то хриплым голосом Сеня пригласил войти, затем, извинившись, еле дотащился до постели и лег. Лицо у него было багровое, и я поняла, что у него высокая температура. Я тут же зажгла печку, поставила чайник, а затем затопила камин. Обнаружив, что у него не было молока, побежала за покупками в ближайший магазин, предварительно вызвав врача на дом. У него оказалась сильная простуда с очень высокой температурой и подозрение на воспаление легких.

Как только папа получил первую зарплату, он тут же мне объявил, что моя стипендия – это мои карманные деньги, и, следовательно, я вольна распоряжаться ими по своему усмотрению. Моей первой покупкой был отрез на мужской костюм в белую полоску, очень напоминающий папин старый, давно перешитый костюм. (Материал оказался не шерстью, а хлопчатобумажный, и он долгое время валялся у нас.) После этого я накупила Карлуше на барахолке кучу нарядов, а себе – очень элегантный серый шерстяной костюмчик и пару шикарных блузок. У меня впервые завелись деньги, и сейчас, когда Сеня был так тяжело болен, они мне очень пригодились. Я в первую очередь принесла лекарства и «напоила» его. Затем, побеговав на базар, купила цыпленка, фрукты и свежие овощи, а также молочные продукты и булочки. Вернувшись, я начала хозяйничать. Сеня почти всё время спал. Мне приходилось будить его, чтобы принять лекарства и кое-что поесть. Но кушать он не мог, и основной его пищей стали молоко, соки и бульон. Я ухаживала за ним, как за маленьким беспомощным ребенком, квартиру содержала в идеальной чистоте, а в промежутках до самого вечера сидела у его дивана, мысленно молясь Богу за его выздоровление. Первые двое суток я просто высидела у его постели, т. к. прилечь было негде. На третьи сутки, когда температура стала наконец спадать и ему стало чуть лучше, я позволила себе пойти домой на пару часов поспать. Хотя я папе ничего не сообщила, мое отсутствие его не волновало: с тех пор, как я подружилась с Лилей, я часто оставалась там ночевать.

Болезнь Сени затянулась. Зимние каникулы уже кончились. Занятия в университете возобновились, и я по утрам сначала заглядывала к нему, «пичкала» его медикаментами и кормила, а на переменах опять забегала к нему. Признаюсь: мною тогда овладело какое-то двойственное чувство. С одной стороны, я делала всё, что я могла, для того, чтобы он скорее выздоровел, а с другой – хотелось, чтобы наша идиллия никогда не кончалась: я вошла в роль «хозяйки» дома, и готова была остаться там навсегда. И вот однажды, когда на большой перемене я, как обычно, забежала к нему, я застала там Этю Мершон. Она была ненамного старше меня, но она успела уже выйти замуж, родить ребенка и развестись, а сейчас, занимаясь в моей группе, зарекомендовала себя как женщина «легкого» поведения. Вот почему, узрев ее там, сидящей рядом с ним на диване, я, извинившись, удрала оттуда, чтобы

никогда больше не вернуться. Затем, забрав сумку из аудитории, в слезах побежала домой, где, к счастью, никого не было, и я смогла вволю выплакаться. Следующие несколько дней я провела в постели. У меня не было ни сил, ни желания вставать. Я лежала, плакала и опять решала извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» Жизнь и смерть опять стояли на весах, но неудачный опыт прошлого раза помог мне выбрать жизнь!

Вернувшись на занятия, я сразу заметила изменение «атмосферы» в группе и поняла, что Этя успела пустить какой-то слух, ибо на перемене так, «невзначай», заговорили о Нугере и его невесте Розе с русского отделения, племяннице какой-то преподавательницы русского языка, о его ночных «похождениях» (будто студентки стояли в очередь к нему по ночам) и о том, что у него, по всей вероятности, был ребенок, т. к. он платил алименты. Все эти «сведения» обрушились на меня, как гром среди ясного неба, и я только утвердилась в своем решении выбросить его из головы и вырвать из своего сердца навсегда. Все его попытки восстановить связь со мной ни к чему не привели – я его избегала.

Время шло, занятия шли своим чередом, и всё мое внимание сейчас было сконцентрировано на учебе. (Я уже получала повышенную стипендию.) Все наши девочки бегали по вечерам в мединститут и в ДКА (Дом Красной Армии) на танцы. Мы с Лилей никуда не ходили. Нам никто не был нужен, и в свободное от занятий время я бегала к ней. Вскоре я стала неофициальным членом ее семьи. (Дома я стала бывать редко!) Родители Лили меня очень уважали и были рады нашей с Лилей дружбе. Волновало их только то, что мы к себе никаких парней не подпускали. В их глазах положение становилось серьезным, и они всеми силами стали «подбрасывать» Лиле женихов, которых мы с ней со смехом беспощадно «браковали».

Настала уже весна, и вот однажды, когда к нам приехала Львовская оперетта и мы с Лилей стояли в очереди за билетами, вдруг пошел сильный дождь. Все побежали в поисках убежища, и мы с Лилей тоже. Рядом с нами оказались двое молодых мужчин лет тридцати. Назвав меня «мольеровской девушкой» (у меня были длинные до плеч распущенные каштанового цвета крупноволнистые волосы), один из них со мной заговорил. Он представил себя и своего приятеля – Миша + Миша, а мы с Лилей прозвали их Миша №1 и Миша №2. Дождь еще полностью не перестал.

Под навесом возле кассы осталось всего несколько человек, и сообразительный Миша №2, подбежав туда, вскоре вернулся с четырьмя билетами и ни за что не захотел брать у нас деньги, сказав: «Рассчитаемся при встрече» (представление должно было состояться несколько дней спустя).

Миша №1 по профессии был фармацевтом, а по призванию – поэтом. Он писал в основном на идише (родом он был из Житомира), но печатался на русском. Это был романтик с тонкой душой, совсем неплох собой, но, несмотря на возраст, вел себя, как влюбленный мальчишка: в моем присутствии он терял дар речи, пожирая меня глазами, и иногда, осторожно прикасаясь к моим волосам, нежно целовал их. Он посвятил мне несколько совсем неплохих стихов (говорил, что так ему легче выражать свои чувства, но, увы, на меня они не повлияли).

Я бы не тянула эту «лямку», если бы не Ольга Романовна, мать Лили. Во-первых, ей понравился Миша №2, человек свободной профессии без специального образования, который, как только узрел особняк, когда после представления они провожали нас домой, про себя, видно, решил, что Лилия – его! На Лилию, как и на меня, он не произвел особого впечатления, хотя собой он был неплох. И вот Ольга Романовна меня попросила, чтобы я ей помогла уговорить Лилию встречаться с ним. Уговаривать Лилию я не стала, но отказать ее матери во всем я тоже не могла. Так мы и продолжали ходить на свидания вчетвером на протяжении нескольких месяцев. Мы «крутили романы», из которых в конце концов, кроме разочарования, ничего не вышло – путь к нашим сердцам, как нам тогда казалось, был заблокирован. Но Ольга Романовна не отступила, и после многочисленных неудачных попыток ей все-таки удалось выдать Лилию замуж за Сеню Карлика – студента последнего курса мединститута, с которым после сдачи экзаменов она поехала к его пожилой больной матери в Каменец-Подольский, где он стал работать врачом, а она – учительницей, несмотря на то что у нее было неоконченное высшее образование.

Лилия уехала, и я осталась совершенно одна со своими переживаниями...

После смерти профессора Гульки заведующим кафедрой зарубежной литературы был назначен Яков Ильич Гордон – бывший главный редактор журнала «Дніпро» и старший преподаватель зарубежной литературы Киевского университета, который, попав

*С Я. И. Гордоном и Дорой Гарбер на
Первомайской демонстрации.
Черновцы, 1950 г.*

в категорию «космополит» за свое утверждение о том, что Леся Украинка, украинская поэтесса, писала под влиянием Генриха Гейне, вынужден был покинуть Киев, временно оставив там семью (жену и сыночка). Случилось так, что я обратила на себя его внимание своими курсовыми работами по литературе, которые он представил на научно-студенческой конференции университета, и это нас очень сблизило. На совершенно другой почве он сблизился с Асей Клейман, замужней женщиной, матерью очаровательного пацана, студенткой нашего же отделения, но на два курса младше меня, хотя была она лет на десять старше, да и глаза у нее были «косоватые». Ему тоже было около сорока. С ней мы через него тоже подружились и зачастую чаевничали вместе у него (он получил какую-то аудиторию в качестве жилплощади в корпусе филфака). И вот однажды, придя туда, я застала там Сеню. Деваться было некуда, и за столом мы оказались рядом. Я сидела, как наэлектризованная, но старалась не подавать виду, и «через не могу» заставила себя участвовать в общей дискуссии с тем, чтобы не нагнетать атмосферу. Когда я все-таки решила, что с меня хватит, под каким-то предлогом извинилась и собралась уходить. Сеня сделал то же самое, и мы ушли вместе. Оказавшись в коридоре, он схватил меня за руку и почти насильно потащил к себе домой со словами: «Нам нужно поговорить!» И мы наконец поговорили, выложив всю правду.

Во-первых, он потребовал объяснить, кто такой Яша и какая между нами связь (он был уверен, что Яша мой муж), и я расставила все точки над «і». Со своей стороны он признался, что в Харькове у него действительно были жена и ребенок, которых он бросил еще до начала войны, но что жена отказалась дать ему развод и что процедура сильно затянулась. Он объяснил, что боялся мне в этом признаться, дабы не напугать меня. Он намеревался мне тут же сообщить, как только станет свободным человеком. Когда я задала вопрос об Эте и других, то в ответ получила лекцию по физиологии мужчины, ничего общего не имеющей с любовью, которая для него

была свята, и это была – Я! Сказав это, он пристально посмотрел мне в глаза, взял мою руку, поцеловал и сказал: «Ты меня подождешь, правда?» Я сказала: «Нет!», – мы окончательно расстались, и я опять была на грани психического срыва.

В одной группе со мной занималась Алла Тартаковская, хорошенькая блондинка с длинной до пят косой и голубыми глазами, за которой одновременно ухаживали два друга: Володя Меерсон – племянник Голды Меир, высокий интересный парень, и его друг Леня, оба строители, окончившие строительный техникум после войны. Дружили они втроем еще со школьной скамьи во время эвакуации где-то в Средней Азии. Оба они долго и нудно добивались ее. Этель Ароновна, мать Аллы, любила их, как собственных сыновей, но Алла не могла «снизойти» до людей, не имеющих высшего образования. Она была хорошей студенткой, но с ней никто не дружил из-за ее гордости и нетактичности. Она все время тянулась ко мне, и сейчас, когда Лиля уехала, я подружилась с ней.

*Подруга моей молодости
Алла Тартаковская.
Похоронена в Нью-Йорке
в 2012 г.*

Она жила с матерью и маленьким братиком Борей, рожденным незадолго до начала войны, недалеко от Резиденции, и мы часто «заскакивали» к ней. Отец, советский офицер, погиб на фронте, и они жили на пенсию, которую получали за отца, и на Аллину повышенную стипендию. Жили они в одной большой комнате-кухне, и только благодаря Этель Ароновне, мастерице стряпать что-то вкусное из ничего, они держались на поверхности. Я стала вхожей и желанной в их доме, а Алла со своей бестактностью и настойчивостью «прорвалась» в мой. Более того, она всякими путями пыталась влезть в мою душу тоже, но безуспешно: я для нее до сих пор осталась загадкой.

К концу четвертого курса все наши девчонки уже повыходили замуж, и только мы с Аллой остались в «гордом одиночестве»: она, действительно, из-за своей гордости, а я – из-за своей большой любви. (Этель Ароновна умерла незадолго до нашей иммиграции в Израиль, Алла и Боря живут сейчас в Нью-Йорке. Боря женат, и у него уже внук, Алла никогда не выходила замуж и до сих пор одна,

стара и больна.) Ольга Романовна и Семен Ефимович также умерли и похоронены в Черновцах. Лиля и Фома с семьями живут в Лос-Анджелесе, но они не контактируют. Я вот уже сорок лет и с Лилей, и с Аллой на телефонной связи.

Спасла меня моя дипломная работа на тему: «Образ товарища Сталина в зарубежной литературе». Предлагая мне эту тему, мой руководитель Яков Ильич предупредил меня, что она совсем не разработана и что, следовательно, мне придется столкнуться с немалыми трудностями.

После того, как Красная Армия освободила нас, а затем всю Европу, я преклонялась перед ней, идеализировала советскую власть (на этой почве у нас с папой, хорошо знавшим капитализм, были постоянные разногласия), а Сталин был моим кумиром. И вот сейчас, когда мне представилась возможность «приблизиться к нему», я в свою работу ушла с головой: я буквально не выходила из библиотеки, получала архивные материалы, переводила с разных языков высказывания знаменитых людей, писателей и поэтов о Сталине, и в результате, собрав огромный материал, я в нем буквально утонула. Случилось так, что мною было проработано около восьмисот источников. Срок сдачи дипломной работы уже истекал, а я, не сумев втиснуть весь собранный мною материал в свою работу, впала в отчаяние и решила отложить сдачу работы на год. Если бы не мой руководитель, так оно и случилось бы: он настоял на том, чтобы закрутиться, дописать выводы и немедленно сдать работу, добавив, что моя работа и так вышла из рамок дипломной, и что мне потом понадобится всего лишь пара месяцев для «шлифовки» с тем, чтобы защитить диссертацию. (За меня боролись две кафедры: английского языка и зарубежной литературы.) Но ни дописывать, ни защищать свою работу я не собиралась: я хотела поскорей удрать из Черновцов и начать новую самостоятельную жизнь вдали от всех и всего...

После «триумфальной» защиты дипломной работы, когда решением комиссии библиографический список моей работы предлагалось отправить в Москву в библиотеку им. Ленина, Яков Ильич пригласил меня к себе отметить нашу с ним победу. Я пришла нарядная и сияющая с букетом белых роз и бутылкой шампанского. Вслед за мной пришли еще двое: Сеня Вортман, редактор газеты «Радянська Буковина» и наш общий друг Сеня Нугер. В руках у него был огромный букет красных роз (одна из них до сих пор лежит в моем

русско-английском словаре). Подойдя ко мне, он меня поздравил, обнял и поцеловал. От неожиданности я чуть не потеряла сознание.

Ася пошла на «кухню». Извинившись, я пошла вслед за ней. У меня дрожали колени. За стол я села только в последнюю минуту. Меня ждало место между двумя Сенями, которые наперебой ухаживали за мной. Напротив, постоянно обнимаясь и целуясь, сидели Ася и Яков Ильич (впоследствии он бросил семью, то же самое сделала она, и они поженились. Отвоевали – с моей помощью – Асиного сыночка, покинули наш университет и устроились в Бухаре).

Атмосфера была праздничная, выпивки оказалось больше, чем достаточно, и мы все были «навеселе». Когда я, наконец, встала, собравшись уходить, оба Сени предложили «свои услуги» – проводить меня домой. Я пошла с Сеней Вортманом, и мы пошли прямо в наш и «мой с Сеней» парк. Нахлынули воспоминания, и я вся ушла в прошлое. В это время сидящий рядом со мной на скамейке Сеня Вортман сначала что-то говорил, затем начал декламировать какие-то свои стихи, содержание которых до меня не доходило: я была занята своими мыслями, а мысли мои были о НЕМ, о том, другом Сене, которого, как оказалось, я всё еще любила, желала, но виду не подавала. Расставаясь, Сеня назначил мне свидание в том же месте на второй день. Я не пошла! (Спустя долгие годы мы с ним встретились в Израиле в каком-то садике недалеко от нашего дома, где мы с мужем гуляли. Оказалось, что он был женат на докторе Мине Литвенко – нашем участковом враче. Сейчас мы с ней в одной компании, а наши мужья лежат недалеко друг от друга на Реховотском кладбище.)

С Нугером мы больше никогда не встречались, и я неоднократно «гадала», как сложились бы наши судьбы, если бы я в тот вечер пошла не с тем Сеней, а с ним. Как сложилась его жизнь, я точно не знаю. Не интересовалась. Но, если поверить дошедшим до меня сплетням, он женился на какой-то своей студентке, и они вместе куда-то поехали, а спустя несколько лет она повесилась. Признаюсь, что мне бы очень хотелось узнать, как сложилась его дальнейшая судьба и где он есть или покоится. (Его брат – артист Нугер со своей женой иммигрировали в Израиль и здесь похоронены.)

При распределении по моей просьбе меня послали туда, где было много часов, и, следовательно, можно было хорошо заработать (моя цель была собрать деньги на собственную «крышу над головой») – в Берездов!

Часть третья.

Из Черновцов я полетела в город Хмельницкий на самолете, точнее, «кукурузнике», как его в то время, не знаю почему, называли. В нем были только пилот, я и мой багаж, от которого я на протяжении всего полета отбивалась, т. к. его ни к чему не прикрепили. Это был мой первый в жизни полет, который я никогда не забуду: меня трясло, бросало на все стороны (поясов не было!) и ко всему еще сильно тошнило (я зареклась тогда больше никогда не летать). Я думала, что не долечу, но, когда все-таки долетела и меня с багажом высадили на каком-то поле, где не было ни аэропорта, ни носильщиков, я растерялась и чуть не заплакала. Благо, что молодой пилот меня пожалел и, взяв в одну руку чемодан, а во вторую – мой тюк с постелью, велел мне следовать за ним. «Опьяневшая» от полета, на своих десятисантиметровых каблуках я, точно аист, попрыгала за ним, пока мы не добрались до какой-то халупы, в которой сидел диспетчер. На мой вопрос, чем мне дальше добраться до Берездова, он пожал плечами. Оказалось, что никакого транспорта оттуда не было, и мне пришлось заказать такси. Не знаю, сколько километров мы проехали, знаю только, что дорога длилась несколько часов по бездорожью, что меня тошнило не меньше, чем в самолете, и что шофер все время ругался, будто виновата во всем этом была я.

Берездов оказался самым отдаленным районным центром Хмельницкой области, в тридцати пяти километрах от железной дороги, без какого-то ни было общественного транспорта и с бедствующим населением (в основном – поляками), которое всеми фибрами души ненавидело советскую власть, коммунистов и жидов, хотя во всем районе со своими тридцатью шестью селами их было всего несколько человек!

Добравшись до Берездова, шофер спросил меня, куда подвезти. «В гостиницу», – сказала я, и он расхохотался. Потом, узнав, что я приехала туда преподавать английский язык, он чуть не лопнул со смеху, но, сообразив, расспросил, где районо, и подвез меня туда, выгрузил, взял деньги и, всё еще не переставая хохотать, уехал, оставив меня там у закрытых дверей. Время было каникулярное (15 августа 1951 г.), и там никого не было. Не было и прохожих. Я совсем было растерялась, как вдруг увидела двух парней и окликнула их. С их помощью я дотащилась до дома товарища Богача

(так звали заведующего районо), который был недалеко оттуда. Было обеденное время, и меня пригласили к столу, где и состоялось «интервью». Спустя пару часов меня уже определили на квартиру к какой-то вдове, которая жила напротив школы, где мне предстояло преподавать... немецкий язык! Когда я сказала тов. Богачу, что, по всей вероятности, произошла ошибка, ибо я окончила отделение английского языка, он, улыбаясь, спросил: «Вы еврейка, не так ли?» и, получив утвердительный ответ, добавил: «Вот и хорошо!»

Немецкий я знала неплохо, но я никогда не изучала его как предмет. Было ясно, что перед тем, как преподавать, мне самой нужно было изучить не только программу по классам, но и серьезно изучить немецкую грамматику и литературу. В моем распоряжении было всего две недели. Накупив все учебники с третьего по десятый классы, я приступила к «самообразованию». Благо, что у меня в этом накопился большой опыт!

Занятия в школе велись в две смены из-за нехватки учителей. Я работала с утра до вечера, а по ночам очень серьезно готовилась к урокам, проверяла тетради учеников очень тщательно, исправляя все ошибки и при этом совершенствуясь в области немецкого языка. Не знаю, как обстояло дело по другим предметам, но по моему – положение было аховое. Оказалось, что язык они изучали, но никто ничего не знал, и, как следовало ожидать, по окончании первой четверти, а затем и полугодия я побила рекорд по количеству неудовлетворительных оценок, и меня стали клевать на педагогических, комсомольских и партийных собраниях школы. (Тов. Богач был также учителем физики в нашей школе и парторгом.)

Шел 1951-й год, год открытого антисемитизма, спущенного «сверху». В Хмельницком открыто избивали «долгоносиков» на улицах. В Берездове клевали меня! На зимней районной конференции учителей наряду с «большими достижениями в области просвещения в районе» в центральной Берездовской средней школе отмечался полный провал в изучении немецкого языка, и причиной, как нетрудно догадаться, была я! В своем выступлении тов. Богач дошел до того, что причиной создавшегося положения считал мою, «мягко говоря» (его слова), нелюбовь к своим ученикам-украинцам! Не трудно себе представить, чем это могло закончиться, если бы его не прервал присутствующий там секретарь райкома партии Литвиненко Роман Иванович, полковник в отставке, прошедший войну через всю Европу и дошедший до

Берлина. В районе он выделялся не только своим положением, но и внешним видом: он был всегда одет «с иголки», и его настоящие лакированные туфли сверкали рядом с грязной, растоптанной обувью остальных членов президиума. (Конференция проводилась в клубе, и президиум, естественно, возвышался над нами со сцены.)

Прервав Богача, Роман Иванович стал петь мне дифирамбы. Он говорил о том, какое это было счастье для района, что туда наконец приехал молодой специалист, что у меня, естественно, не было опыта, что мне, несомненно, было нелегко и что мне нужно помогать, а ни в коем случае не добивать! В заключение, обращаясь ко мне, он сказал: «У меня на Вас большие надежды!» Я не верила своим ушам!

Решив отпраздновать «победу», я уговорила Вячеслава, молодого местного красивого поляка – учителя математики, поехать со мной в Киев на оставшиеся несколько дней. Погода стояла хорошая, мороз был небольшой, и его знакомый шофер на большой грузовой машине предоставил нам места в кабине рядом с ним. Мечта! (До того мне приходилось ездить только в кузове, то ли стоя, то ли сидя, подпрыгивая на ящиках или бочках с пивом.)

На поезд мы попали почти сразу и, заняв свои места в плацкартном вагоне, облегченно вздохнули: начало было хорошее, и мы были уверены, что так и будет до самого конца. И, действительно: нам удалось устроиться в гостинице. В комнате вместе со мной были еще две солидные дамы и одна молодая студентка, а Вячеслав попал на двух молодых людей. Все они приехали погулять. Создав «компанию», мы сразу же вышли бродить по городу, а потом все вместе разработали программу, в которую, естественно, были включены основные достопримечательности города, одно посещение театра и один концерт. Время быстро пролетело, и, обменявшись адресами с нашими новыми друзьями (с которыми больше никогда не встречались), довольные и в приподнятом настроении, мы поехали «домой».

В Славуту мы прибыли рано утром. Занятия начинались на следующий день. Всё шло по плану, и мы пошли «голосовать», но, как назло, ни одна машина не появлялась. Только спустя несколько часов вдруг на горизонте появился бензовоз, и мы «бросились» перед ним, заставили его остановиться и забрать нас, несмотря на сопротивление и уговоры шофера: кабина была занята. Мы с Вячеславом по обеим сторонам цистерны с бензином, на узких,

обрамляющих цистерну досках, крепко вцепившись руками друг в друга, поехали! Время от времени шофер останавливал машину и давал нам «передохнуть», а где-то на полпути, смилостивившись надо мной, один из сидящих в кабине мужчин поменялся со мной местами. Я думаю, что он меня просто спас, ибо я была «окоченевшая». На работу ни на следующий день, ни еще несколько последующих дней никто из нас не пошел: мы еле «отошли»!

Ко мне на урок в десятый класс пришла проверка – инспектор облоно. По плану у меня была «Зимняя сказка» Генриха Гейне, и я в процессе объяснения продекламировала отдельные отрывки из поэмы, которые я, готовясь к уроку, выучила наизусть с целью продемонстрировать ученикам «музыку» языка. В конце урока, желая продемонстрировать «гостям» уровень «знаний» учеников (их было всего десять), я попросила каждого прочесть по две строчки. Только двое справились с задачей, и то с украинским акцентом. Когда после урока меня вызвали в кабинет Дороша Устима Павловича, директора школы, у меня подкашивались ноги: я подозревала, что эта неожиданная проверка была организована Богачем с целью подтверждения его обвинения. Всё, что было дальше, для меня было совершенно неожиданным.

Когда, робко постучавшись в дверь кабинета директора, я вошла, инспектор, немолодой мужчина, встал, подал мне руку, представился и предложил мне сесть. Затем, задав мне несколько вопросов о моем образовании и работе в школе, он выразил желание посетить и мой следующий урок – английского языка в третьем классе. Я тут же с радостью согласилась, ибо там мне было что показать. Несмотря на то, что мои детки начали изучать язык только в начале учебного года со мной, они не только умели читать и писать (в пределах программы), но и умели уже задавать вопросы и отвечать на них, декламировать стишки и петь детские песни на английском языке.

Выходя из класса, инспектор похвалил меня и, обратившись к моему директору, сказал: «Вам здорово повезло, берегите ее!» Затем, повернувшись ко мне, на хорошем немецком языке добавил: «Если когда-нибудь у Вас возникнут какие-либо проблемы, дайте мне знать! Я получил огромное удовольствие на Ваших уроках и спокойно уезжаю, ибо убежден, что в этой школе вопрос преподавания иностранных языков разрешен. Желаю Вам больших успехов!»

Я победила! Сейчас на моей стороне был не только секретарь райкома, но и Дорош – мой директор школы. В центре моего внимания по-прежнему остались третий класс, где впервые вводили английский язык, и десятый, которому предстояло сдавать экзамены на аттестат зрелости. Тут, боясь не успеть, я предложила ребятам дополнительные занятия, на которые откликнулись только двое самых серьезных ребят: Виктор Баруткин, сын начальника районной милиции, чистокровный русский, и его друг Бронислав, поляк. Отодвинув остальные предметы на второй план, они очень серьезно стали заниматься немецким языком и заметно прогрессировали, чем вызвали зависть у своих одноклассников. Вскоре пошел слух, будто у меня с ними был роман и что дополнительные занятия – всего лишь предлог для встреч. Слухи эти вскоре дошли до ушей родителей, учителей и начальства. До меня они дошли лишь тогда, когда тот самый тов. Богач, собрав очередное открытое партийное собрание, пришел мне «недопустимое моральное растление учеников», и большинством голосов мне был объявлен «выговор с занесением в личное дело» с требованием немедленно прекратить свои «амурные лекции». Мне ничего не оставалось, как сообщить ребятам о случившемся. Сверх всякого ожидания, они отреагировали «по-мужски», бросив занятия в школе вообще. Никакие просьбы родителей, классного руководителя и дирекции не помогли: они требовали аннулировать выговор и возобновить дополнительные занятия. Разгорелся скандал, который вскоре стал достоянием всего района. Надо было что-то предпринять, и я обратилась к тому самому инспектору облоно.

Не замедля приехав, он провел настоящее расследование. Кабинет директора стал местом допросов, в результате которых меня реабилитировали, ребята вернулись в школу, дополнительные занятия возобновились и... их стали посещать все ребята – всего их было шестеро. Девушки (их было четверо) не присоединились: они меня почему-то ревновали к своим парням. В результате Витя и Бронислав сдали экзамены на «отлично», остальные ребята – на «хорошо», а девушки – только на «посредственно». И все-таки – впервые в послевоенной истории школы никто не провалился!

На выпускном вечере ребята вынесли мне благодарность публично в устной форме, а Устим Павлович, мой директор, – в письменной. Я опять вышла победительницей, и я опять была довольна собой!

На следующее утро, когда хозяйки уже не было дома, ко мне пришел Витя. В руках у него был букет полевых цветов, и, как только он вошел в комнату, преподнес их мне с благодарностью тут же, крепко обняв, страстно поцеловал меня в губы. Он весь горел! Витя был крепкий парень, настоящий «кацап» с облизанными волосами соломенного цвета, серыми глазами и красными щеками. Крепко прижавшись ко мне, он не переставал меня целовать и шептать любовные слова на немецком (из стихотворений Г. Гейне). Он не отпускал меня из своих «клещей», несмотря на мои просьбы и попытки сопротивления.

Оказалось, что он влюбился, как только меня узрел, но героически пронес свою любовь на протяжении всего учебного года, с нетерпением дожидаясь этого момента. Теперь, когда, по его словам, ему уже исполнилось девятнадцать лет, он меня никуда не отпустит, и мы распишемся, т. е. поженимся. Это был гром среди ясного неба, т. к. на протяжении всего учебного года он вел себя так корректно, что было совершенно невозможно подозревать нечто подобное. Когда он, наконец, выпустил меня из своих объятий, посадив на диван, встал передо мной на колени и со слезами на глазах стал умолять дать свое согласие. Услышав мое: «Нет! Нет! И еще раз нет!», – он моментально вынул из кармана пистолет и пригрозил убить меня, а затем себя. От страха я потеряла сознание, и, что было дальше, не знаю. Придя в себя, я почувствовала себя насквозь мокрой, а в доме никого не было.

В тот же день я покинула Берездов, ни с кем не попрощавшись. До Ровно я добралась на попутном грузовике (в кузове, рядом со своим багажом), а оттуда – поездом до Львова. Там я остановилась, дабы закупить всем подарки, а затем – прямым сообщением домой!

Приехала я поздно вечером. Все были в сборе и, увидев меня, бросились обнимать и целовать, и папа наконец облегченно вздохнул: несмотря на мои регулярные письма, учитывая обстановку в стране (возрожденный антисемитизм), он за меня очень переживал. Мучила его и боязнь того, что я, упаси Бог, смогла бы связаться с каким-нибудь «гоем».

Сначала это был «вечер вопросов и ответов». Позже, желая успокоить всех окончательно, не касаясь острых углов, я стала им описывать некоторые смешные моменты моей абсорбции в том Богом забытом уголке Украинской ССР. Я рассказала им, как в день приезда в Берездов группа мальчишек бегала взад и

вперед вокруг меня, дабы меня лучше рассмотреть, как однажды какой-то ученик пятого класса подошел ко мне на перемене и, стесняясь, сказал, что его отец-сапожник предложил свои услуги. Точнее, он хотел «залатать» мои туфли – босоножки с открытым задником. Я рассказала им, как однажды я опоздала на урок, так как боялась коров, которых куда-то гнали, и как ранней весной, узрев «травичку» во дворе, взяла коврик, книжку и начала загорать, как вдруг услышала испуганный крик моей хозяйки: «Борисовна, бойтесь Бога!» – травичка оказалась рожью!

Была уже полночь, когда мы наконец разошлись, вытирая слезы от смеха. Я сумела развеять их страхи, и я была довольна. Утром все разошлись на работу. Оставшись одна, я пошла купить большой букет цветов и направилась к Португалам. Дома была Ольга Романовна и мама – Лиля с очаровательным созданием на руках – Людочкой! Мы долго обнимались, целовались и наперебой описывали события прошедшего года. Я там застряла до самого вечера, а потом, из уважения к папе, вернулась домой, предварительно обещав вернуться на следующий день к завтраку.

Улучив момент, когда Лиля была занята купанием своего чуда, я попросила Ольгу Романовну повести меня к хорошему гинекологу. Она многозначительно посмотрела на меня, а я, застеснявшись, сказала: «Это не то!» Без лишних расспросов, позвонив Еве Абрамовне, известному гинекологу города и ее с Лилей личному врачу, мы с ней пошли в областную больницу. Это была моя первая в жизни встреча с женским врачом, и я боялась услышать из ее уст подтверждение моих сомнений, которые мучили меня непрерывно с той самой злополучной ночи в лесу. Осмотрев меня, она удивленно воскликнула: «Да Вы еще девственница!» Впервые за долгие годы я облегченно вздохнула, хотя проблема у меня была серьезная и незаурядная, и я о ней рассказала. Я начала менструировать только в девятнадцать лет, но это было не ежемесячное явление: иногда антракты длились по несколько месяцев, а иногда выделения продолжались месяц, а то и дольше. Я постоянно была «начеку», и всё равно не раз попадала в положение «хуже губернаторского». Ева Абрамовна прониклась ко мне сочувствием и обещала помочь. Несколько дней спустя Ольга Романовна сообщила мне, что по просьбе Евы Абрамовны какой-то профессор согласился положить меня на обследование у себя в Харьковском эндокринологическом институте. Мне предстояло явиться туда через несколько дней. Времени было мало, надо было срочно всё урегулировать.

Достав по протекции Семена Ефимовича билет на поезд (в разгар курортного сезона) на нужное число, я объявила дома, что меня «наградили» с работы путевкой в какой-то санаторий в Харьковской области и что, к сожалению, я должна была уехать. Папу я попросила отпроситься с работы на несколько часов, т. к. нам с ним нужно было куда-то пойти. А должны мы были с ним пойти в сберегательную кассу, чтобы открыть счет на его имя.

Проработав учебный год на две полные, хоть и мизерные, ставки, при незначительных расходах, т. к. за съём квартиры платила школа, а за питание хозяйка брала у меня буквально копейки, мне удалось привезти с собой немалую (на то время) сумму денег. Вручив их папе, я сказала, что намеревалась проработать там положенные три года и собрать деньги на приобретение собственной квартиры, добавив при этом, что в случае необходимости он мог бы распорядиться ими по своему усмотрению. У папы появились слезы на глазах, и, обняв меня, впервые в жизни он мне сказал: «Ты моя гордость, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе осуществить свою мечту». У меня тоже навернулись слезы: «Мой папа лучше всех на свете, – подумала я, – какое счастье иметь такого родителя». Мы с папой пошли в сберкассу, где открыли счет на его имя (впервые с тех пор, как покинули Бухарест). Оставила я себе только небольшую сумму. Оттуда я пригласила папу в ресторан «Дніпро», который был недалеко от сберкассы и считался лучшим в городе. Папа не смог скрыть своего волнения.

В Харькове на обследовании я находилась целый месяц. Лето в том году было очень жаркое: на тротуарах таял асфальт, всасывая мои тонкие высокие каблукки. Горло пересыхало, а за газированной водой везде стояли длинные очереди под открытым небом и знойным солнцем. Поэтому, хотя мне разрешали выходить в город в свободное от процедур время, городя так и не увидела: было страшно выходить. Уехала я оттуда с двумя рекомендациями: первое – выйти срочно замуж, второе – ежедневно колоться прогестероном и диэтилстильбестроном в определенном порядке. Вернувшись домой, я накупила кучу книг и уколов на целый год, собралась и поехала в свой «родной» Берездов. На сей раз поездом до Славути, а оттуда, проголосовав на дороге около двух часов, меня подобрал какой-то полупустой грузовик, предоставив мне место в кузове на каком-то ящике, с которого я постоянно прыгала – на дороге были сплошные ямы. Добралась я «домой» полуживая. Хозяйка обрадовалась моему неожиданному возвращению. (Никто не думал,

что я вернусь.) Немного отдохнув, первый визит я нанесла Зине Натановне Новак, учительнице младших классов, жене Гильмана. Гильман – мужчина лет пятидесяти плюс, демобилизованный майор Красной армии, потерявший семью во время войны, был направлен в Берездов для организации колхоза, председателем которого он и стал. Ему и Шафиру с семьей, молодому человеку лет тридцати, редактору районной газеты, дали «особняк», напоминающий наш черновицкий «дворец». «Особняк» состоял из двух квартир, каждая из которых состояла из комнаты и кухни. У Шафира была жена и двое детей, у Гильмана – жена Зина, младшая сестра его покойной жены, и ее мать. До моего появления они были единственными, всеми ненавидимыми евреями в Берездове, т. к. один «насаждал» Советскую власть, а второй – ее пропагандировал.

Зина, женщина лет сорока, очень добрая по своей натуре, увидев меня там, решила меня опекать. Она была непосредственной и не по возрасту наивной женщиной. Мы с ней подружились, но вскоре «опекуном» стала я. Мое появление в их доме сейчас было также неожиданным, но радостным, и мы отпраздновали мое возвращение, которое, по ее словам, согревало ее душу. Мы долго говорили обо всем. Перед уходом я обсудила с ней один очень важный для нас обеих вопрос, касающийся работы в школе, и, получив ее согласие, я на следующий день пошла к нашему директору школы с предложением догрузить Зину, которая в предыдущем учебном году вела третий класс, а в предстоящем переходила в четвертый, английским языком в третьем и четвертом классах, обещав взять над ней полное руководство.

Мое предложение удивило его, но он его не отверг. Более того, он посоветовал мне изложить свое предложение Богачу, обещав поддержку. При встрече с Богачем он мне признался, что не надеялся на мое возвращение и что сразу после моего скоростного отъезда он обратился в облоно с просьбой прислать мне замену. «Замена» появилась во время нашего разговора. Это была женщина лет пятидесяти плюс, и, неожиданно для меня, он ей предложил работу в соседнем селе. Когда она отказалась, я предложила поменяться с ней местами. К моему удивлению, он, тут же обратившись ко мне, сказал: «Об этом речи быть не может. Ваше место здесь!» Она уехала, я сказала: «Спасибо!», – и тут же стала ему излагать свой план, взяв на себя полную ответственность. Когда я закончила, он встал, подошел ко мне, по-отцовски положил

обе руки на мои плечи и, посмотрев мне прямо в глаза, произнес: «Какой Вы необыкновенный человек! Простите меня!» На несколько минут в его кабинете воцарилось молчание.

Мое предложение было принято, и я побежала к Зине. Она сначала не поверила, затем обрадовалась, но, успокоившись, испугалась. Зина, проработав около двадцати лет учительницей младших классов, и сама стала немного инфантильной. Романтически настроенная, она всю жизнь мечтала о чем-то необыкновенном, красивом и импонирующем, но жизнь не баловала ее. Гильман был образцовым членом партии, который ставил интересы партии и правительства превыше всего, и, будучи организатором, а затем и бессменным председателем колхоза, жил в нищете. Семейная жизнь у них не клеилась: он спал на диване в передней комнате-кухне, а Зина с матерью – на разных кроватях в единственной крошечной комнатухе, в которой кроме кроватей, стола и пары стульев ничего больше не помещалось (вещи лежали на открытых полках, а одежда висела на дверях). Мать Зины была уже пожилой больной женщиной, которая с трудом пережила смерть мужа и старшей дочери и не переставала сокрушаться о своем единственном внуке – сыне Гильмана, который во время эвакуации при бомбардировке пропал без вести. Зину она любила, жалела, но не понимала, и они постоянно спорили. Я всеми силами старалась их примирять. К ее матери, как и ко всем матерям, я относилась с уважением и нежностью. Зину, хотя она была намного старше меня, я постоянно ругала за ее отношение как к матери, так и к мужу. Зина была плохой хозяйкой, в доме был постоянный беспорядок, благо, что кухней занималась старушка. Зина любила себя и всю жизнь мечтала о повышении в должности, но перспективы никакой не было, и она давно уже опустила руки. Я же, узрев в ней потенциал, решила ей помочь. Сейчас, когда она была на пороге осуществления своей заветной мечты, она чуть не потеряла голову от счастья. И она, и ее мать стали меня просто боготворить.

Начался новый учебный год. Зину я снабдила всеми необходимыми материалами вплоть до разработок уроков (она всегда была на несколько уроков впереди своих учеников, но об этом никто, кроме меня, ничего не знал). Я в ней не ошиблась: она оказалась очень способной «ученицей». Что касается меня, то нагрузка у меня уменьшилась, зарплата соответственно должна

была снизиться. Работы у меня было не меньше, но я получала удовольствие от того, что я делала, и, главное, недовольных не было.

Однажды в какое-то воскресенье ко мне явился Бронислав с огромным букетом цветов, и я только тогда заметила, какой он был красивый: высокий стройный брюнет с голубыми глазами. Преподнеся мне цветы, он от души поблагодарил меня за всё, что я для него сделала. Оказалось, что у него была только мать, и они очень скромно жили с огорода, т. к. за погибшего отца, бывшего польского офицера, они пенсию не получали. Он учился только по настоянию матери, и, по его словам, только благодаря мне он поступил в Ровенский институт иностранных языков на немецкое отделение. Он добавил, что Витя тоже собирался туда поступать, но что он впал в депрессию и никуда не поехал. Более того, он даже из дому не выходил. Он мне объяснил, что Витя был единственным, долгожданным ребенком в семье, что его родители сильно переживали и что виновной в случившемся считали меня. Затем, опустив глаза, приглушенным голосом признался, что с самого первого моего появления в их классе они оба в меня влюбились, но, что он, не желая потерять друга, уступил ему. Уступил ту, которую не имел, но о которой постоянно мечтал.

Услышанное перевернуло мне душу. Я должна была встретиться с родителями Вити, чтобы объясниться. Я готова была даже извиниться перед ними, хотя не понимала, в чем была моя вина. Я попросила Бронислава пойти к ним и передать матери Вити, что я ее очень просила о встрече со мной. Ответ был отрицательный, и я ломала себе голову, как им помочь, ибо хорошо понимала, что виновата я была или нет, но я нанесла страшный удар как всей семье, так и Витиной карьере.

Прошел уже месяц учебы, а в Мирутинской средней школе (там, куда Богач хотел послать ту учительницу) не преподавался немецкий язык. В «день открытых дверей» для директоров средних школ района директор Мирутинской школы попал ко мне на урок в десятом классе. Бывший майор, историк с высшим образованием, директор школы со стажем по достоинству оценил урок, и, недолго думая, после урока подошел ко мне и предложил мне работу в его школе на более выгодных условиях. Без моего на то согласия он пошел сначала к Богачу в районо, а затем – в райком партии к самому Литвиненко, который пригласил меня к себе. Я шла туда,

не подозревая, о чем шла речь. Но, увидев там того директора (фамилию которого я забыла), я поняла и насторожилась, про себя решив не уступить. Литвиненко, хороший психолог и тонкий человек, уловив выражение моего лица, стал очень деликатно излагать ситуацию. Он начал с того, что возлагал на меня большие надежды. Точнее, услышав о моих организаторских способностях и оригинальных идеях, он был бы очень рад, если б я могла подсказать им выход из создавшегося положения, но, конечно, не в ущерб себе. Я попросила дать мне пару дней на размышление, но, дойдя до дверей, остановилась, вернулась к ним и сказала: «У меня возникла идея, но для ее осуществления необходимо полностью переделать расписание уроков в обеих школах», – и тут же изложила свой план. Согласно моему плану в Берездовской школе должны были освободить меня от уроков в субботу после обеда и в понедельник утром, а в это время в Мирутинской должны были внести в расписание уроки немецкого языка в девярых и десятых классах, которые в первую очередь нужно было спасти до появления постоянного учителя, которого Облоно обещал прислать. Таким образом, говорила я, никто не пострадает, а наоборот. Единственным препятствием было расстояние в восемь километров между школами, и тут мирутинский босс поспешил пообещать, что в моем распоряжении в эти дни будет колхозная подвода с кучером. Переночевать он предложил у себя, добавив, что его супруга тоже учительница и что она возражать не будет. Дело упиралось теперь только в Дороша и Магоню, завуча нашей школы, но это уже была не моя проблема, и Литвиненко заверил нас, что и этот вопрос будет урегулирован. Итак, всё было расставлено по местам: Зина продолжала преподавать английский в третьем и четвертом классах, я успевала вести свои уроки в Берездове, а в Мирутине давала спаренные уроки в девятом и десятом классах. Пострадали только те, которым я бесплатно давала дополнительные уроки, но я утешала себя тем, что это было временное явление. Однако это было не так: никакой учитель иностранных языков туда не приехал.

Точнее, какой-то мужчина приезжал, но он «veni, vidi» и... удрал назад. А я, желая добиться хороших результатов, «воевала» с учениками, которые не привыкли к таким требованиям, с их родителями, которые не понимали, зачем детям немецкий язык, и с дирекциями, которые при всем желании, не имея денег, не могли обеспечить меня наглядными пособиями. Работать было нелегко,

но я не отчаивалась. Кроме того, работа в Мирутине внесла какое-то разнообразие в скучную деревенскую жизнь.

Стояла золотая осень, и дорога из Берездова в Мирутин проходила через небольшой лес. Я очень люблю природу, и красота осеннего леса и его запахи опьяняли меня, пока я тряслась на подводе. Но были дни, когда по той ли иной причине за мной не приезжали, и мне приходилось «тепать» пешком. Пока было сухо, я ходила с удовольствием, но, когда начались дожди, проблема стала серьезной. Легче всего было отказаться от Мирутина, но как можно было бросить выпускников? Я мучилась в поисках выхода, и вдруг меня осенила идея, которой, если ее осуществить, я могла бы «убить двух зайцев» сразу. И я опять пошла к Богачу. Изложив ему ситуацию, я предложила пригласить Витю на работу с пятью и шестью классами. Я объяснила, что у него хорошее знание языка и что у него с его жестким характером не будет проблем с дисциплиной. Со своей стороны я обещала снабдить его всеми необходимыми материалами, плюс – моя уже профессиональная помощь. Таким образом, я себе освобождала еще восемь недельных часов и, изменив расписание в Мирутине, могла там находиться четыре дня подряд, работая там также на полную ставку. В случае ЧП Витя мог меня заменить во всех классах. Я в нем была уверена. Сначала Богач рассмеялся, но чем подробнее я излагала свой план, тем серьезнее он стал к нему относиться, а когда я умолкла, он сказал: «Пускай придет!» Сейчас задача заключалась в том, как подойти к Вите, и я пошла к его отцу в милицию. Полчаса спустя я ушла оттуда, получив его О.К., а на следующий день он вместе с Витей явился к Богачу, и «сделка» состоялась. Через завуча школы я передала ему все мои планы, контрольные и методические разработки, и, довольная всем и собой, шагнула в Мирутин урегулировать дела и там. В первую очередь мне нужно было снять там квартиру. Мне нашли комнату рядом со школой у Мелании Михайловны, и я опять попала в рай! Мелания Михайловна родом из Мирутина в семнадцатилетнем возрасте поехала в Одессу искать работу. Ей посчастливилось попасть в богатую еврейскую семью, где она научилась варить вкусные еврейские блюда. В девятнадцать лет она вышла замуж за моряка-одессита, но, овдовев несколько лет спустя, вернулась в родное село, где после смерти родителей ей остался большой дом и хозяйство. Замуж она больше не выходила и славилась в селе своей порядочностью и хозяйственностью. Годы

шли, власти менялись, а она оставалась на месте. За несколько лет до моего прихода она неофициально сошлась с богатым вдовцом, который жил по соседству. У Мелании не было детей. У него была одна-единственная дочь, замужем за председателем сельпо. Они жили богато по тем временам, но одиноко. У каждого из них было свое хозяйство, и меня взяли на квартиру только по просьбе и настоянию директора школы. Мне выделили большую светлую комнату рядом с кухней и с отдельным выходом в большой фруктовый сад.

В Берездове у меня с хозяйкой (одинокой) были нормальные отношения, и, хотя я у нее питалась, мы ели врозь (даже по воскресеньям). С Меланией и ее другом с самого начала отношения сложились по-другому: они меня не только включили в состав семьи, но стали считать меня подарком от Бога на старости лет. В доме была полная чаша: у каждого из них была своя корова, своя пасека, свои свиньи, утки, гуси и куры. Мелания была прекрасной хозяйкой-кулинарушкой, а он смотрел за всем, что было вне дома. Это была очень милая пара немолодых людей (она была намного старше его), не лишенных чувства юмора, и мне с ними было уютно, сытно и приятно. Больше того, они наотрез отказались брать с меня деньги, и мне приходилось «рассчитываться» с ними подарками, которые они «с боем» принимали. Мне было у них так хорошо, что вскоре я стала чувствовать себя как дома, а если не кривить душой, лучше, чем дома!

В школе тоже всё шло нормально, хотя работать там было совсем нелегко (уровень знаний учеников был очень низок), но директор, как и обещал, шел навстречу и не делал трагедию, если по какой-то причине я опаздывала или вовсе не приезжала на работу, т. к. он мне полностью доверял, был доволен моей работой, постоянно подчеркивая, на какой «подвиг» я пошла ради «его детей».

Как только наступили зимние каникулы, я объявила всем, что собираюсь поехать в Киев. Я жаждала попасть наконец в театр и на какие-нибудь хорошие концерты, походить по магазинам и просто хоть ненадолго подышать городской жизнью, которой мне очень не хватало. Узнав об этом, дядя попросил меня взять с собой его дочку, которая, несмотря на возраст (ей было тогда тридцать шесть лет), никогда не выезжала за пределы своего района. Не подозревая, что значило «тащить» за собой в полном смысле слова деревенского человека для ознакомления с большим городом, я

охотно согласилась, и мы на «джипе» ее мужа доехали до Славуты. Там я купила билеты на поезд и буквально насильно впахнула ее в вагон: звуки паровоза напугали ее.

Ехали мы в плацкартном вагоне, и, получив постель, я предложила лечь поспать. Но не тут-то было! Как только поезд остановивался, она меня будила, и, жалуясь на тошноту, настаивала на том, чтобы сойти с поезда. Я понимала, что ее просто укачало, и старалась ее успокоить, говоря, что мы вот-вот доедем. Когда наконец мы утром доехали до Киева, я облегченно вздохнула. Но ни в трамвай, ни в троллейбус она не согласилась войти, и мне пришлось взять такси и поехать на Крещатик. Там недалеко от универсама была небольшая гостиница, в которой я заранее заказала места.

Узрев универсам, она попросила остановить машину, и, пока я рассчитывалась с шофером, она дошла до ступенек универсама и села на ступеньку, объявив, что дальше она не пойдет. Мне стало стыдно, и я начала ее просить встать, объяснив, что в городе это неприлично. Но вместо того, чтобы встать, она разлеглась на ступеньке. Тут на нее обратили внимание какие-то женщины, и, сообразив лучше меня, крикнули: «Скорою, быстро!»

Мы были в самом центре города, и амбуланс появился буквально спустя несколько минут, но к этому времени она уже потеряла сознание. Ее повезли в Октябрьскую больницу, и я, естественно, вместе с чемоданами поехала с ней. У нее оказалась внематочная беременность, и ее тут же повезли в операционную. Я отправила телеграмму ее мужу, и он приехал на следующий день, но, пока он не приехал, я ни на минуту не отходила от ее постели. Состояние у нее после операции было тяжелое: у нее была высокая температура, и я каждый раз вызывала к ней персонал. Мне было страшно. Когда наконец приехал ее муж, он оказался еще более бестолковым, чем я. Он приставал к врачам с претензиями, говоря, что они не имели права прооперировать ее без его согласия, что они вообще поставили неправильный диагноз, ибо она за двадцать лет супружеской жизни ни разу не беременела и ей было сказано в районной больнице, что она вообще не сможет забеременеть. Мне было стыдно за него и боязно за нее и за себя тоже, т. к. я подписала какие-то бумаги, не прочитав их.

Как только у нее спала температура, ее муж уехал. Я же провела с ней все каникулы и еще немного. Когда на следующее утро после нашего возвращения я пошла на работу, там меня встретили как

ангела-спасителя. То же было в ее семье, затем во всем селе, и вскоре слух прошел по всему району, и мне стало не по себе, т. к. я ничего особого не сделала: как можно было поступить иначе? Но местные жители, в своем большинстве бедные, темные люди, считали, что произошло чудо, что Бог прислал меня туда в качестве «спасительницы» как их детей, так и дядиной дочки (не помню ее имя), ибо, если бы я ее не взяла с собой в Киев, она, вне всякого сомнения, погибла бы.

Несколько дней спустя они с мужем пришли к нам с тем, чтобы поблагодарить и отблагодарить меня: он предложил мне немалую (для меня) сумму денег для покрытия расходов и «компенсации» за испорченный отпуск. Я, естественно, отказалась. Но не отказалась я от предложения предоставить в мое распоряжение его шофера с «джипом» для моих постоянных поездок в Берездов и назад.

Что касается моих стариков, то они вообще превзошли себя, объявив меня своей дочерью и пообещав, что, если я останусь у них, то она, Мелания Михайловна, переписет на меня и дом, и хозяйство, от чего я также вежливо отказалась, сказав, что при всех моих теплых чувствах к ним, у меня в Черновцах была семья, и через год я их покину. Но это было не так!

По истечении положенного трехлетнего срока работы по назначению после окончания вузов (в качестве компенсации за полученное бесплатное высшее образование) меня оттуда не только не отпустили, но на протяжении дополнительных трех лет круг моей педагогической деятельности там постоянно расширялся: меня все время повышали в должности, зарплата росла, и при незначительных расходах накопления значительно росли.

По моей инициативе в Мирутине открыли районный летний пионерский лагерь. Начальником лагеря назначили меня, и, таким образом, мой отпуск фактически сокращался на месяц, но к отпускным прибавилась еще одна довольно высокая зарплата. Это длилось три лета подряд.

Также по моей инициативе в Берездове открыли вечернюю среднюю школу рабочей молодежи, директором которой назначили меня. Сейчас в моем подчинении был товарищ Богач (заврайоно), Дорош и Магоня (директор и завуч дневной десятилетки) и другие мои коллеги-лучшие учителя, а учениками оказалось почти все начальство района, которые занимали высокие должности по заслугам, но не по образованию, которое им, по всей

Выпускная виньетка (Берездов), 1957 г.

Пионерский лагерь (с. Мирутин), 1955 г.

вероятности, не удалось завершить из-за войны. Не по моей инициативе Хмельницкий облоно назначил меня инспектором по иностранным языкам при Берездовском районо. Сначала мне это очень импонировало, и я ушла в работу с головой: работа была

интересной, она меня увлекла, и я была рада помочь коллегам, большинство из которых не имели специального образования и варились в собственном соку, т. к. помогать им было некому. Единственной серьезной для меня проблемой было отсутствие транспорта и бездорожье, но тут мне пошли навстречу, и каждый раз, когда какому-то районному начальнику приходилось выезжать в какую-нибудь деревню, они мне заранее сообщали с тем, чтобы я могла урегулировать свои дела на месте и присоединиться к ним. Так получилось, что я неоднократно ездила с Романом Ивановичем (секретарем райкома партии), и эти поездки нас сблизили.

Еще до того, как меня назначили инспектором, вернувшись на работу по окончании отпуска, меня ожидал сюрприз: оказалось, что районо закупил финский складной двухквартирный домик, и за время летних каникул его установили на центральной улице недалеко от школы. Одну из этих квартир получили молодожены: Михаил Федорович Пасечник – инспектор районо и учитель истории в «моей» школе и Надя – учительница биологии, выпускница Днепропетровского университета, моя подруга. Вторую квартиру, к моему удивлению, получила – Я! Когда сам товарищ Богач вручил мне ключ от квартиры, я потеряла дар речи: у меня была своя, пусть и не собственная, но целая квартира! Всё оставшееся до начала учебного года время я посвятила ее оборудованию, превратив ее в настоящий «дворец».

Я купила очень красивые обои (большие бордовые розы, разбросанные на серебристом фоне) и сама обклеила ими стены очень аккуратно, повесила белые вышитые занавесочки и бордовые плюшевые шторы и портьеры, на полу расстелила светло-серый ковер, а на стены повесила несколько репродукций Шишкина в красивых серебристых рамках. Купила я также диван, два кресла и стул (все они были обиты бордовым бархатом), а также письменный стол, книжный шкаф, настольную лампу, торшер и напольную вазу для цветов. Это был мой рабочий кабинет и одновременно «гостиная». Другую комнату я оборудовала под спальню, а на кухне

*На крылечке моей
квартиры с Надей.
Берездов.*

стала варить еврейские блюда (фаршированную рыбу и бульон) и печь традиционный еврейский «лейких», которыми в первую очередь угостила своих соседей (они стали моими близкими друзьями), а потом – всех гостей-посетителей, которые приходили ко мне, как в музей.

Я была счастлива!

Новый 1954-й год, как и предыдущие годы, мы встречали в большом «актовом» зале школы вместе с начальством района и их женами. На этот раз, признав и мои кулинарные способности, организацию вечера поручили мне. Столы ломились от вкусных яств (в том числе и еврейских), выпивки было более чем достаточно, и все были «навеселе». Музыка играла, и все танцевали вокруг огромной разукрашенной елки. Веселье длилось почти до утра. Уходя, все поблагодарили за прекрасный ревелъон, а Роман Иванович пошел меня провожать (его супруги не было: она поехала к дочке в Москву, а мои соседи ушли, не дождавшись конца вечера). Добравшись до нашего домика, Роман Иванович изъявил желание заглянуть в недавно полученную мною квартиру (по его словам, по его настоянию). Я стала выкручиваться, говоря, что уже очень поздно, что в доме беспорядок, что я очень устала, и обещала, что, как только его супруга вернется, я приглашу их обоих к себе. Всё сказанное мною не произвело на него никакого впечатления. Он настоял на своем, сказав, что он только на одну минуту. Но... одной минуты ему не хватило. Несмотря на мое сопротивление, он не ушел, пока меня не изнасиловал! (Я держала это в секрете до сих пор, но это была тяжелая травма, которая отразилась на всей моей последующей жизни. Я стала бояться и презирать мужчин, а мысль о сексе вызывала у меня отвращение.)

Все зимние каникулы, притворившись больной, я из дому не выходила. Днем и ночью думала только о том, как оттуда удрать, но чувство долга и ответственности взяли верх, и я осталась, решив, что, прежде всего, я должна подготовить себе замену, т. к. на учителей иностранных языков был большой спрос даже в городах, и потому до таких «дыр», как Берездов, они не доезжали.

Из Берездова я уехала только после того, как подготовила себе замену, спустя шесть лет после моего появления там. К тому времени Бронислав, окончивший институт, уже работал вместо меня в Мирутине. Витя, который тоже успел окончить Ровенский

институт иностранных языков заочно, забрал все мои часы в дневной и вечерней Берездовских средних школах, а его жена, бывшая его преподавательница английского языка в институте, стала вести английские часы, оставив Зине, по моей просьбе, третий и четвертый классы.

С чистой совестью и чувством исполненного долга в 1957 году по окончании учебного года, оставив там «свою» меблированную квартиру и добрую память о себе, я покинула Берездов, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Перед отъездом мне в школе устроили прощальный вечер, на который было приглашено всё начальство района. Не было там только Романа Ивановича, но вместе со своими извинениями (у него было срочное совещание?!) он прислал мне от имени райкома партии благодарность (в письменной форме) за внесенный мною вклад в развитие народного просвещения района. Такие же благодарности плюс отличные рекомендации получила я от тов. Богача от имени районо и от директоров Берездовской и Мирутинской средних школ.

Попрощавшись со всеми, кроме секретаря райкома (своих стариков из Мирутина по моему приглашению привезли на вечер дядина дочь с мужем), со слезами на глазах и большими надеждами я поехала «домой»!

Часть четвертая.

Имея оконченное высшее образование и уже немалый разносторонний педагогический стаж, «богатый» жизненный опыт и ко всему еще отличные рекомендации и значительную сумму денег, я ехала домой с большими надеждами на будущее. Но оказалось, что я витала в облаках, и при первой же встрече с действительностью мне пришлось спуститься на землю и опять начать «месить болото», не давая себя засосать. Дело в том, что, вернувшись домой, оказалось, что у меня нет дома, т. к. в той самой квартире, где раньше жило семеро людей, теперь не хватало жилплощади для четвертого человека (женившись, папа теперь жил у Жени, у которой была всего лишь одна комната, а значит, мне не то что прописаться, но и переспать негде было).

Надо было искать выход, но сначала надо было устроиться на работу, а потому на следующий день я рано утром побежала

в горно. Не посмотрев даже на документы, их первый вопрос был: «Прописка есть?», и, получив отрицательный ответ, вежливо указали мне на дверь, все же посоветовав обратиться в облоно. Там, после положенного интервью и тщательного изучения документов, мне предложили поехать в какое-то село, где на основании их направления на работу меня и пропишут. Поняв, что другого выхода у меня не было, я согласилась, даже не спросив, о какой школе шла речь и где она находилась. «Дальше Берездова не может быть», – подумала я. И так, с направлением на работу, довольная собой, я тут же побежала к папе обрадовать его. Только там, открыв конверт, я узнала, что меня направляли в село Ширишци-Горишни Садгорского района Черновицкой области в семилетку преподавать английский язык.

Я плохо знала географию своей области, а на карте это село не обозначалось. Лишь потом я узнала, что Садгора – районный центр, расположенный недалеко от Черновцов, и что туда шли автобусы, что «мое» село находится на расстоянии всего лишь четырех километров от Садгоры, но что туда транспорта не было и рассчитывать было не на что, кроме собственных ног. Папа был возмущен и сквозь зубы произнес: «Проклятые антисемиты!» Я же с улыбкой на лице, желая успокоить его, отметила, что я пошла на повышение, учитывая, что это была лишь половина расстояния между Берездовом и Мирутином. Я раньше об этом ему ничего не говорила. Его глаза наполнились слезами, и, ничего не говоря, он крепко прижал меня к своей груди и ласково, еле слышно прошептал: «Моя девочка!»

Занятия в Ширишци-Горишни проводились в две смены из-за недостатка как учителей, так и помещений, и я попросила дирекцию помочь мне найти комнату неподалеку от школы. Единственным более или менее подходящим вариантом была каморка размером в два на два метра, которая служила им кладовой. Но она была в доме и имела обыкновенное окно. Вход был общий, и я согласилась. Я туда привезла свой диван от Дорины и этажерку, которая служила мне письменным и кухонным столом. Напротив кровати они мне построили печку, на которой можно было также что-то подогревать, крючок на дверях служил мне вешалкой, а в углу рядом «со столом» я попросила построить мне стеллаж с пола до потолка для книг. Нижняя часть служила мне обувным шкафом.

Вторая моя просьба была втиснуть мои часы в два, максимум два с половиной дня, чтобы мне не приходилось приезжать туда более одного раза в неделю (у меня был горький опыт хождения по неасфальтированным дорогам в ненастную погоду). При всем желании Татьяна Ивановна, завуч школы, с этой задачей никак не могла справиться, и я предложила свои услуги. Она побоялась, что я ущемлю интересы других учителей, но я сумела обойти все «острые углы». Итак, свои восемнадцать часов (одна ставка) я сумела втиснуть в два с половиной дня – с понедельника и до среды. Вскоре мне удалось устроиться в Черновицкой областной заочной школе, где консультации давались по вечерам. Я получила еще одну ставку, консультируя по английскому, немецкому и французскому языкам (три вечера). Работой я себя уже обеспечила. Деньги у меня были. Пришла пора заняться квартирным вопросом, для чего в первую очередь мне нужна была черновицкая прописка, и папа опять пошел к Рае Комаргородской.

За время моего отсутствия Сема, Раин муж, успел освободиться из тюрьмы, сделать ей еще одного ребенка, поменять квартиру на люксовскую на улице Украинской и опять сесть в тюрьму. Папа опять помогал ей, отводя по утрам малого в садик, хотя жили они сейчас не близко друг от друга. Когда папа объяснил ей положение, она тут же согласилась, но не потому, что чувствовала себя обязанной папе, который ее постоянно выручал, а надеясь на мою помощь по хозяйству и в уходе за детьми. Ее надежды не оправдались, но я получила отдельную меблированную комнату и прописку в городе.

Для начала это было не мало!

Работа в Ширивцах была нелегкая с точки зрения дисциплины. Это была общешкольная проблема в связи с тем, что «у руля» стояли две милые, но слабые женщины – Ольга Ивановна, директриса, и Татьяна Ивановна, завуч, а с родителей спроса не было. Я же, как всегда, была требовательна как к себе, так и к своим ученикам, и они меня невзлюбили. Помню, как однажды поздней осенью, возвращаясь вечером с работы домой, из-за какого-то полуразбитого домика вдруг раздался пискливый детский выкрик: «Жідівко! Я все рівно не буду знати твою англійську мову!», что в переводе с украинского означало: «Жидовка! Я всё равно не буду знать твой английский язык!» Особого внимания я этому не придавала (причина была известна), но неприятный осадок остался по сей день.

От работы там я никакого удовлетворения не получала, мне было там не интересно и скучно. Надо было что-то придумать, и я

придумала – Лиля! Она была удачно замужем, у нее была Людочка, настоящий ангелочек, жили они опять у ее родителей совершенно беззаботно, значит, настала пора завершить учебу в университете. У меня зародился план, и на их семейном совете я его изложила. План был принят и приведен в исполнение: на машине Семена Ефимовича, ее отца, мы приезжали в Ширивцы в понедельник рано утром. Пока я работала, она писала, а написанное ею я в свободное от занятий время корректировала. По окончании моей рабочей недели мы вместе уезжали домой. Остаток недели она проводила в университетской библиотеке, в то время как Ольга Романовна, ее мать, занималась Людочкой.

Лилю присутствие в той дыре, наша совместная работа и постоянное общение (мы спали вместе на моем узком диванчике, и, тесно прижимаясь друг к другу, до полуночи болтали) скрасили мою жизнь там, за что я была всем благодарна. Что касается ее самой, то к концу учебного года она защитила свою дипломную работу, получила диплом и стала преподавать английский язык в Садгорской школе-интернате. Там же, в Садгорской районной больнице, работал ее муж Сеня Карлик, а шофером на машине «скорой помощи» – Изя Коган, муж Люси, Яшиной неродной сестры. Оба они неоднократно во время дежурства на «скорой» меня привозили или увозили из Ширивцов. Однажды, когда во время какого-то ливня Изя вез меня на работу, его «скорая» попала в какую-то яму. Сидя рядом с ним, я подпрыгнула и продырявила себе лоб крючком от зеркала, которого не было, прямо между бровями. Развернув машину, Изя повез меня прямо в приемный покой, где, к счастью, дежурил Сеня. Лица не было видно: оно было залито кровью. Получив первую помощь, я опять поехала на работу и зашла прямо в класс. Голова у меня была перевязана, а из раны просачивалась кровь. Ученики, которые до этого прыгали по партам, остолбенели и тихонько, на цыпочках сели на свои места. Желая извиниться перед классом за опоздание, мне пришлось описать случившееся. Они слушали, затаив дыхание, и впервые за всё время урок прошел без единого замечания. То же повторилось и на последующих уроках в других классах: короткой перемены оказалось достаточно, чтобы о случившемся узнала вся школа, а затем всё село. Отношение ко мне изменилось: взрослое население стало здороваться со мной, я больше никогда не услышала слово «жідівко», дисциплина перестала быть проблемой, успеваемость резко повысилась. Все были довольны. В том числе и я!

Однажды я встретила Аллу Тартаковскую, которая, отработав на целине, тоже вернулась домой и теперь преподавала на вечернем отделении нашего университета. Она, между прочим, рассказала, будто ей Майя Вайнштейн, наша бывшая сокурсница, которая, бросив филологию после третьего курса, поступила в Московский библиографический институт, и не без помощи ее матери-врача устроилась библиографом при Черновицкой научно-медицинской библиотеке мединститута. Она предложила Алле перевести «горящую» статью с английского на русский язык. Несмотря на обещанный высокий гонорар, она отказалась, не желая рисковать своим авторитетом. Я же, заинтересовавшись возможностью испытать себя на новом поприще, попросила у нее Майин телефон. На следующее утро, позвонив в двери квартиры д-ра Сойбельмана, психиатра, меня тут же провели в его... спальню. Он грипповал. Представившись, я тут же предупредила, что это должен был быть мой первый эксперимент в области медицины, за который я плату не возьму, и что мне очень хотелось бы испытать свои возможности и, если получится, выручить его. Ни на минуту не задумавшись, он тут же предложил мне пересесть на край своей постели и тут же устно попытаться кое-что перевести для пробы. Я сильно смутилась: с одной стороны, мне впервые чужой мужчина, молодой и красивый, предлагал подобное, но, учитывая, что в его спальню меня провела его супруга – молодая красавица, я отбросила «грязные мысли»; с другой стороны, я боялась синхронного перевода и, упаси Бог, последующего позора. Туда я шла с намерением забрать статью, пойти в медицинскую библиотеку и там, пользуясь медицинским словарем, попытаться ее перевести. В случае неудачи я могла бы извиниться и уйти. Времени для размышления у меня не было, и я не из тех, кто, столкнувшись с трудностями, пятится назад.

Не подавая виду, что у меня есть сомнения, я тут же села на кровать и начала переводить. Он приподнялся и через мое плечо заглядывал в текст. Я чувствовала жар его горящего от высокой температуры тела и его неровное дыхание. Отключив свои ощущения, я оставила включенными одни только мозги и быстро, без запинки переводила: текст оказался несложный. Дойдя до конца первой страницы, я умолкла. Сказав: «Молодец!», – он попросил меня перевернуть страницу и расшифровать схему, а затем перевести выводы. Я делала всё, что он просил. Видно было, что он доволен. Когда я закончила, он меня обнял, поцеловал в

щеку и, захлебываясь в комплиментах, назвал меня «ангелом-спасителем». Смутившись, я пересела на стул, и он позвал свою Мурочку – жену. Когда она вошла, он попросил ее повести меня в его рабочий кабинет, освободить письменный стол, дать мне необходимые письменные принадлежности, угостить меня чем-то вкусным и не выпускать оттуда, пока я не переведу всю статью. «Мы спасены!», – сказал он ей, и она воскликнула: «Слава Богу!» (Мурочка тоже была врачом.)

Это было воскресенье. Я никуда не торопилась, и, ободренная их реакцией, начала переводить. Писала я, не вставая, на протяжении нескольких часов, и, чем больше я писала, тем увереннее я становилась. Более того, я получала море удовольствия от того, что я делала и была рада, что смогла им чем-то помочь.

По окончании работы меня опять повели к нему. Он попросил меня сесть и подождать, пока он не прочтет весь перевод. Я чувствовала себя, как на экзамене, и напряженно ждала его вопросов. Вопросов не было. Он был в восторге и не переставал меня хвалить и благодарить. Мне стало неловко, и я собралась уходить. От платы я категорически отказалась, и он сдался, попросив о большом одолжении: отнести статью Майе, т. к. на следующее утро ее нужно было отправить назад в Москву, в единственную в то время библиотеку, которая занималась обеспечением ученых иностранной литературой по специальности. (Журнал был получен из Америки сроком на десять дней, и в поисках переводчика срок уже истек.) От него я поехала прямо к Майе домой, рассказала ей о своей встрече с доктором, утаив подробности, поблагодарила ее за рекомендацию и вручила ей конверт со статьей. Не успела я дойти до дверей, как она меня окликнула: в большом конверте оказался еще один конверт на мое имя. Сконфуженная, я ушла. Как только дошла до телефона-автомата, я ему позвонила, упрекнула, но все-таки от души поблагодарила: гонорар превышал всякие ожидания.

Когда, отработав свою сокращенную неделю в Ширивах, я вернулась домой, купив коробку хороших конфет, я опять пошла к Майе. На сей раз в библиотеку. Предварительно поругав меня, она ее тут же развернула и стала угощать своих сотрудников, одновременно рассказав им, что это была «взятка» и с чем она была связана. В шутку они пригласили меня приходить почаще. Время от времени я стала их навещать.

Директором библиотеки была пожилая, очень интеллигентная женщина, представительница старой русской аристократии Пелагея

Михайловна, но фактически руководила там Клара Борисовна Фингерова, седая, но всё еще красивая немолодая особа. Каждый раз, когда я туда заходила, я восхищалась ими. И вот однажды Клара Борисовна спросила меня, умею ли я печатать. Получив положительный ответ, она спросила, не хотела ли я в свободное от занятий время заниматься библиографией. Признаться, я толком не знала, что именно она имела в виду, но возможность бывать там чаще и контактировать с ними была очень соблазнительна. Меня зачислили внештатным работником, работала я не по времени, а по количеству проработанных книг, получала я немного, но от места работы и от коллектива получала огромное удовольствие. Более того, получая через нашу библиотеку иностранную литературу для своих научных работ и будучи ограниченными во времени, врачи постоянно разыскивали переводчиков. Вскоре я стала востребованной, и мне часто приходилось заниматься переводами по ночам. Этой работой я стала по-настоящему наслаждаться.

Случилось так, что в библиотеку за поступившей на его имя литературой пришел мой «старый знакомый» – д-р Сойбельман. Увидев меня там, он тут же подошел ко мне. Оказалось, что он меня разыскивал по поручению своего главврача. Через несколько дней мы с ним встретились в кабинете главврача Черновицкой областной психиатрической больницы Наталии Федоровны Чубинец, встреча с которой стала поворотным пунктом в моей жизни, а она – моим добрым ангелом на протяжении ряда лет.

Это была женщина лет пятидесяти. Высокая, стройная блондинка, человек большого ума, незаурядных организаторских способностей, обладательница золотого сердца. С первой же встречи нас потянуло друг к другу.

Черновицкая психбольница, построенная еще во времена Австро-Венгрии и достроенная при Румынии, занимала огромную территорию на тогдашней окраине города, которая при советской власти оказалась в самом городе. Там содержались сотни людей на протяжении десятилетий (некоторые попали туда еще до Первой мировой войны), с каждым днем всё больше деградируя, пока туда не попала Наталья Федоровна. (До этого она была главврачом Киевской психбольницы.) Руководствуясь лозунгом «Психические больные тоже люди, и их нужно лечить», она произвела там полную революцию на базе трудовой терапии, заставляя персонал включить в посильную работу всех, без исключения, больных вплоть до буйных. По рассказу Наталии Федоровны, она сама привлекла к

работе какого-то «неподдающегося». Она поставила его дежурить у ворот больницы по воскресеньям, когда «движения» почти

*У моего доброго ангела Н. Ф. Чубинец,
г. Черновицы, 1958 г.*

никакого не было, приказав ему никого не впускать. Случилось так, что она где-то в субботу вечером гуляла и вернулась домой только под утро. Ворота были закрыты, он стоял на посту, но ее он наотрез отказался впустить. Когда, удивленная, она его

спросила, кто его поставил там дежурить, он моментально ответил: «Ты!» «А Вы знаете, кто я?», – спросила она опять. «Главврач!», – ответил он. «Так почему же Вы меня не впускаете?» – опять спросила она. «Ты же мне сама приказала никого не впускать», – удивленно ответил он.

Перебором сопротивление старых работников, спустя несколько лет она добилась заметных результатов, и ей было предложено написать диссертацию на эту тему. Применение трудотерапии к психически больным людям в Союзе было дело новое. В Америке этим занимались давно, поэтому литература была в основном на английском языке. Получив разрешение, она стала получать американскую медицинскую периодику через Московскую библиотеку им. Ленина, которая в свою очередь пересылала их в Черновицкую научно-медицинскую библиотеку. Все было налажено. Не хватало только переводчика, и д-р Сойбельман, заведующий отделением трудотерапии, после долгих поисков нашел меня.

Наталья Федоровна стала нагружать меня работой, которая приносила мне не только хорошие деньги, но и удовольствие. Кроме того, она заполняла длинные, скучные ширивецкие вечера.

Однажды Наталья Федоровна пригласила меня на воскресенье поработать вместе. Ей хотелось попробовать меня на устный перевод, т. к. иногда из целой статьи ей могли понадобиться лишь какие-то данные или выводы. Я уже успела перевести несколько статей по теме, так что переводила я теперь свободно и уверенно, почти без запинки. Она была поражена и не переставала мною восхищаться.

Когда по окончании работы она захотела расплатиться со мной, как обычно, я отказалась, назвав какую-то мизерную сумму, но она не соглашалась и не дала мне уйти. За обедом я познакомилась с ее семьей: мамой и дочкой Милой, которая сразу полюбила меня. Мы были ровесницами, но она была умственно отсталой. Прилипнув ко мне, она не переставала меня целовать. Это была моя первая встреча с неполноценными людьми, и я прониклась к ней нежными чувствами и сочувствием к Наталье Федоровне, хотя она в этом не нуждалась. «Железная леди» относилась к Милочке (так она ее называла), как к маленькому балованному ребенку, в отличие от своей матери – ведьмы, которую Мила боялась и ненавидела. С мужем, известным киноактером киностудии им. Довженко, не желая терпеть его измен, Наталья Федоровна развелась и, забрав с собою дочь и родителей (отец умер незадолго до моего появления в их доме), поехала по назначению в Черновцы наладить работу в огромной, но запущенной областной психбольнице. Жила она в особняке на территории больницы у самого входа недалеко от административного корпуса.

Я провела там почти весь день – меня Мила не отпускала. Уходя, я пообещала ей, что еще приду. И я действительно стала приходить к ней даже в отсутствие Натальи Федоровны. Мила была счастлива. Наталья Федоровна была мне очень благодарна, зато ее мать стала меня ревновать и ненавидеть. И вот однажды, заглянув домой и застав меня там, Наталья Федоровна пригласила меня в свой рабочий кабинет и предложила мне оформиться на работу в качестве трудоинструктора, но заниматься переводами не только для нее, но и для тех врачей больницы, которые так же, как и она, занимались научной работой. Для этого я должна была быть в подчинении д-ра Сойбельмана и ежедневно отмечать время прихода и ухода. Я объяснила Наталье Федоровне, что при всем желании я не могла согласиться, т. к. три дня в неделю работала в Ширивцах, и жила я на квартире в центре города. Она обещала всё устроить, и я согласилась. Я стала получать еще одну зарплату.

Я была хорошо устроена, хорошо зарабатывала, деньги у меня были, но вопрос о приобретении собственной жилплощади оставался неразрешенным. Больше того, Раин муж освободился из тюрьмы, вернулся домой, и, хотя они меня не выгоняли, я должна была уйти. Я поделилась с Натальей Федоровной своей проблемой, она тут же предложила перейти жить к ним, добавив:

«Милочка будет счастлива!», и после короткой паузы, глядя мне в глаза, сказала: «И я тоже!» У меня появились слезы на глазах, и еле слышно я прошептала: «Спасибо!» Она подошла ко мне, обняла, поцеловала и тихим голосом прошептала: «Я всю жизнь мечтала о такой дочери. Бог смилостивился и прислал мне Вас!»

В первое же воскресенье я переехала к ним, а в понедельник утром ее личный шофер отвез меня на работу – это стало входить в его дополнительные обязанности. Оттуда, по возможности, Изя на своем амбулансе вывозил меня хотя бы до Садгоры. Я попала в очередной рай, и жила, как у Бога за пазухой, окруженная заботой и уважением со стороны Натальи Федоровны и искренней детской любовью со стороны Милы.

У меня сейчас была «своя» комната рядом с комнатой Милы, ни за проживание, ни за питание у меня денег не брали. Меня мучила совесть, и я искала способ ее отблагодарить. Поехав в город, я вернулась с пишущей машинкой с русским шрифтом и предложила Наталье Федоровне свои услуги. Вскоре я стала ее личным секретарем, печатала для нее переводы, корректировала ее диссертацию и печатала ее. Наряду с этим я теперь печатала и свои «халтуры» – переводы и библиографические карточки. Работы у меня сейчас было более чем достаточно. Я подала заявление об уходе из Шириков и с нетерпением ждала окончания учебного года (для меня – второго), одновременно подыскивая себе работу в школе в системе горно (не хотелось терять стаж). И я нашла: мне предложили преподавать немецкий язык в Черновицкой средней школе №19 на Жучке (рабочий район), и я согласилась: как бы то ни было, это было в городе.

Из Шириков меня отпустили без благодарностей, но с сожалением. В школе №19 меня приняли холодно, т. к., по словам ведущего немца (выпускник немецкого отделения, мой бывший сокурсник Миша Авербух), там я была «англичанкой», второй язык у меня в университете был французский, а немецкий я никогда не изучала. Я не стала их переубеждать, и мне «всунули» самые проблематичные классы.

Рядом с психбольницей был детский костно-туберкулезный санаторий, где месяцами на вытяжку лежали дети разных возрастов (до пятнадцати лет), совершенно оторванные от школы. Наталья Федоровна дружила с главврачом санатория – супругой Водовоза, заведующего Черновицким областным здравотделом, и, по ее

инициативе, по линии заочной школы, сотрудником которой я являлась, по утрам два раза в неделю я помогала детям, которых я от души жалела и полюбила, наверстать упущенное по математике и языкам. Занятия были индивидуальные, и не они приходили ко мне, а я подходила к их постели. Большого удовлетворения от своей работы в жизни я не получала!

Таким образом, уже только в самих Черновцах и, в основном, «возле дома», я работала на «полную катушку», и все, кроме бабушки, матери Натальи Федоровны, и папы были довольны. Она – потому, что ревновала меня к своим «девочкам», а папа – потому, что годы шли, я уже вступала в «бальзаковский возраст», а «нахэс» он еще не имел. Было время, когда я еще занималась или работала в Берездове, и у него отбоя не было от «невест», но он твердил, что раньше меня не устроит свою жизнь, хотя после смерти мамы прошло более десяти лет. Меня это очень волновало: у него не было своей жизни, и с тех пор, как я окончила учебу, он у Дорины стал просто «ты бы». Я объяснила ему, что своим принципом он заставлял меня выйти замуж за первого попавшегося мужчину, лишь бы освободить ему дорогу. Не преследуя какой-либо цели, я познакомила его со своей портнихой Женей, у которой муж погиб на фронте, оставив ее с младенцем на руках. Эта девочка, Белочка, была вся ее жизнь. Она была уже невестой, ей осталось сдать только последний экзамен в школе, как вдруг она потеряла сознание. Она умерла от белокровия, и с ней ушел Женин интерес к жизни: она находилась в состоянии глубокой депрессии, и только папа сумел вернуть ее к жизни. Это была умная, порядочная женщина, но папе она сделала предложение. Они поженились 5 декабря 1953 года через двенадцать лет после смерти мамы и прожили вместе счастливо девятнадцать лет. Теперь папа считал, что пришло его время помочь мне устроить свою жизнь, и он стал «подбрасывать» мне женихов, которых я беспощадно браковала. Мое решение было твердое: я не выйду замуж, пока у меня не будет своей жилплощади!

У Натальи Федоровны в кабинете стоял большой ореховый лотербет, и на нем мы вечерами возлежали втроем: Наталья Федоровна – посередине, а мы с Милой – по бокам, беспрерывно болтая, хохоча, а иногда и плача (у каждой из нас причин было более чем достаточно: ни у кого из нас личная жизнь не сложилась!). И вот однажды, лежа на лотербете, Наталья Федоровна мне вдруг объявила: «У Вас, Жозефина, будет собственный дом!» И тут же

добавила: «Сегодня я была в обкоме партии, – (она была членом обкома) – и, узнав, что недалеко отсюда разбивают новую улицу, я сумела «выбить» три участка для своих работников. Один из них – Ваш!» Я не могла поверить своим ушам. Глядя на Наталью Федоровну, я старалась осмыслить услышанное. Поняв, что я в состоянии шока, она воскликнула: «Так поцелуйте же меня! Это правда!» Не прошла и неделя, как меня пригласили в горсовет, и за сто пятьдесят рублей я стала владельницей строительного участка в шестьсот соток земли. И где? В Советском Союзе, где не было частной собственности!

С полученными документами я должна была зайти к землемеру. Я постучалась в указанную мне дверь. За столом сидел мужчина средних лет. Просмотрев бумаги, а потом пристально глядя на меня, он кому-то позвонил. Несколько минут спустя в кабинет вошел парень и сказал: «Машина подана!» – и мы поехали. Я села на заднее сиденье, вокруг меня всё кружилось: я опьянела от счастья!

Оставив шофера в машине, мы вышли и, подойдя к какому-то огороду, где росла картошка, он сказал: «Это Ваш участок, поздравляю!» Мы обошли его границы, он там что-то отмечал, потом, сев на травичку и опустив ноги в канаву, пригласил меня сесть рядом, дабы что-то подписать. Я села. Порывшись в своем портфеле, он извинился, сказав, что перепутал документы, и, попросив только номер телефона, обещал позвонить и назначить следующую встречу. Я ему дала номер домашнего телефона Натальи Федоровны. Положив бумажку во внутренний карман пиджака, он развернулся, повернул меня к себе и поцеловал в губы так, как никто никогда меня не целовал. Я «потеряла голову»!

Они меня подбросили домой. Выйдя из машины, он открыл мою дверцу и, подав мне руку, сказал: «До встречи!» Ничего не ответив, я побежала в дом и с нетерпением ждала Наталью Федоровну, чтобы еще раз ее поблагодарить и рассказать ей о случившемся. Но, не дождавшись ее, пошла на работу. Вернувшись вечером домой, я застала его беседующим с Натальей Федоровной за чашкой черного кофе. Оказалось, что он совсем не землемер, а главный архитектор города (он случайно тогда оказался в кабинете землемера) и хороший знакомый Натальи Федоровны. О встрече они предварительно договорились по телефону. Ничего об этом не зная и увидев его там, я опешила. Он же с улыбкой на лице встал, подошел ко мне и, поцеловав мне руку, пригласил присоединиться

к ним, но села я лишь после того, как Наталья Федоровна повторила его приглашение.

Оказалось, что никаких дополнительных бумаг мне не нужно было подписать. Он просто приехал ко мне, и он этого не скрывал. Потом он стал беспрерывно звонить и приезжать, пока меня окончательно не сломил. В значительной мере в этом ему помогла Наталья Федоровна, хотя она знала, что он женат на заведующей городским водоканалом Софии О. Случилось это, когда в какой-то субботний вечер он неожиданно появился с цветами, тортом, бутылкой шампанского и, главное, окончательно оформленными документами, подтверждающими мое право собственности (пожизненное) на тот самый участок. К тому, что он принес, Наталья Федоровна добавила всякие яства, коньяки и вина. Пир длился до полуночи. Музыка играла, мы танцевали, не стесняясь Натальи Федоровны, он меня целовал. Все были навеселе, и пир кончился постелью. Ушел он от меня только в понедельник утром прямо на работу! Так началось падение Жозефины!

Пока у меня не было документов на руках, я папе ничего не говорила. Теперь я побежала к нему, всё рассказала и показала. Папа не смог сдержать слезы радости. В тот же день он стал заниматься делом, а спустя пару дней он мне доложил об имеющихся вариантах. Обсудив их, мы остановились на финском варианте. Можно было заказать финский одноэтажный домик, состоящий только из деревянной части, включая или не включая стены. Дом был рассчитан на две спальни, большую гостиную-столовую, кухню, ванную, коридор и стеклянную веранду, откуда был вход в подвал (на всю веранду). Мы заказали последний вариант, решив, что дом будет кирпичный и с большим чердаком под черепичной крышей. Заказав его (мы сразу рассчитались наличными), подождали, пока собрали урожай, и начали строительство. Папа давно уже вышел на пенсию (получал пятьдесят рублей в месяц), время у него было, и он полностью посвятил себя дому. Он стал прорабом, работодателем, кассиром и снабженцем, в то время как я продолжала «выкачивать» деньги и «командовать парадом»: я была очень претенциозной «заказчицей». Итак, осенью 1959 года заложили фундамент (в этом же году первого сентября Дорина родила Танюшу).

Яша работал в районе, домой он приезжал по выходным. Дорине нужна была помощь, не только материальная, и я решила приостановить строительство и дать папе возможность помочь

Дорине. Танюше мы тут же открыли программу в сберкассе. Вклады были ежемесячные, срок был – до ее совершеннолетия. Пока что я продолжала жить у Натальи Федоровны. Связь с Илюшей (Илья Яковлевич Ойхман) становилась все крепче и крепче: им руководила необузданная страсть, а во мне наконец проснулась женщина, и мы оба были счастливы (кроме Натальи Федоровны и ее домашних об этой связи никто ничего не знал). Роман наш длился несколько лет. Права была Наталья Федоровна, когда уговаривала меня уступить натиску Илюши ради собственного здоровья. Я уже обходилась без гормонов, от которых я растолстела, и даже начала сбрасывать вес. Кроме всего, жизнь стала намного интересней. Правда, это был не идеальный вариант, но я его не выбирала, и, несмотря на колебания, угрызения совести и переживания, жизнь стала интересней. Да и смотреть на жизнь я начала по-другому: я наконец повзрослела. Хотя оба мы были очень заняты, не было дня, чтобы он не «прискакивал» при первой же возможности, а когда ему приходилось уезжать (то в Киев, то во Львов) на несколько дней, он мог часами говорить по телефону и зачастую даже петь (у него был очень красивый тембр голоса). Многие песни, которые он мне пел, по его словам, он сочинил сам для меня. Среди других помнится мне куплет:

Знала бы ты, как долго ждать до завтра...
Ночь, уйди! Пусть скорее рассвет придет!
Новый день мое счастье несет!

*Папа с Танюшей.
Черновицы, 1962 г.*

Я не знаю, какова была его семейная жизнь (говорил он только о своем любимом сыночке), но, когда мы бывали вместе, нам обоим было очень хорошо.

У папы было уже двое внуков, Карлуша и Танюша, которых он безумно любил и с которыми постоянно возился. Казалось бы, у него было всё, о чем мечтают уже немолодые люди. Но, нет! Его постоянно мучила мысль о том, что годы идут, а я по-прежнему одна. Он мечтал о «нахес» от меня и говорил, что не хочет умереть, не дождавшись внуков от меня тоже, и, не согласуя свои действия со мной, он, как когда-то Лилина мама, стал «подбрасывать» мне женихов.

На «арене» стали появляться старые холостяки, разведенные мужчины и вдовцы, образованные и «не очень», но никто из них не удостоился моего внимания: во-первых, у меня был Илюша, о котором папа ничего не знал, во-вторых, у меня это не стояло на повестке дня: дом был не достроен.

В результате нашей с Илюшей связи, вопреки медицинским «прогнозам», я дважды забеременела и без его ведома в последнюю минуту делала аборт (в кабинете Натальи Федоровны на ее письменном столе). Кроме гинеколога-подруги Натальи Федоровны и ее самой никто об этом ничего не знал.

Вопреки данному мною в Косоуцком лесу обету, я сейчас уже мечтала занять ребенка от любимого человека. Но не такой ценой! Я даже в мыслях не могла допустить, что смогу разрушить его семью и карьеру и что вместо «нахес» я папе нанесу такой удар, а главное – произвести на свет незаконнорожденных детей, которые, по всей вероятности, никогда не простили бы мне этого.

С наступлением весны решено было возобновить строительство дома. К выделенным участкам еще не подвели воду, электричество и газ. Не говоря уже о телефонной линии, на которую очередь тянулась годами. Начать нужно было с рытья колодца во дворе. Нужны были и люди, и трубы. Раздобыв их, началась погоня за стройматериалами. Все приходилось «доставать», т. к. частным лицам они не продавались. Каждая мелочь была проблемой, за всё нужно было переплачивать. Деньги текли как вода, а строить только начали. Ясно было, что потребуются дополнительные деньги, и немалые. Работала я с утра до вечера, а по ночам занималась переводами, но, чтобы закончить полностью дом, денег всё равно не хватало, и я сделала «ход конем»: подняв стены и покрыв крышу, я попросила сократить масштабы. Точнее, завершить внутренние работы только в первой половине дома, т. е. предоставить мне мини-квартиру: стеклянную веранду, коридор, одну комнату с левой стороны, кухню, ванную и туалет – справа. В конце коридора были двери, которые вели в большую гостиную-столовую и спальню. Эту часть я решила оставить «до лучших времен». Пока что мне не терпелось осуществить свою заветную мечту – перейти жить в свой собственный дом! И так оно и было! Через год моя половина была уже готова принять меня. Более того, папа посадил двадцать один саженец (фруктовые деревья), клубнику, малину, черную смородину и виноград (для будущей беседки). Но Наталья

Федоровна меня не отпускала: она уговаривала меня подождать, пока благоустроят улицу, имея в виду воду, электричество и газ. И я ждала!

Однажды, вернувшись поздно домой, я застала папу у Натальи Федоровны. Они ждали меня: он принес мне повестку явиться в ОБХСС (моя почта поступала на папин адрес). Мы втроем ломали себе головы, стараясь найти причину. Зацепиться было не за что – я везде была законно оформлена, но всё равно нам было страшно. Никто из нашей семьи никогда не имел дело с этим учреждением, которое занималось только очень серьезными преступлениями, разрушающими основу государства. На следующий день мы с папой молча отправились туда. Меня пропустили, а папу – нет, и он остался ждать меня на улице. Забрав у меня паспорт, меня куда-то повели. У меня подкашивались ноги: оттуда мало кто возвращался домой!

За столом сидел мужчина средних лет в офицерской форме (в рангах я не разбиралась). Пригласив меня сесть, он представился: «Начальник Черновицкого ОБХСС подполковник Марченко». Услышав, что это был сам начальник, я поняла, что дело, о котором я понятия не имела, было очень серьезное, и от страха я с трудом сдержала слезы. Уточнив мои данные, он тут же перешел к делу. Он спросил, что связывало меня с Натальей Федоровной и какие между нами отношения, и я сразу поняла, что речь шла не столько обо мне, сколько о ней. Из ее рассказов я знала, что она была «белой вороной» среди остальных членов обкома партии, что ее неоднократно обвиняли в том, что большинство врачей психбольницы были евреи, в то время как местные украинцы работали санитарями, и что, когда такое же обвинение было предъявлено местному профессору-хирургу Мангейму, подчеркнув, что вопрос принципиальный, он, не задумавшись, внес поправку, сказав: «Не принципиальный, а припуциальный!», – и что, услышав это, все присутствующие замерли, а она громко расхохоталась. На следующем заседании ему было объявлено, что, учитывая его преклонный возраст, ему пора уйти на покой. Наталья Федоровна, сидящая рядом с ним, пожала ему руку. Это были только маленькие инциденты, а их было множество, и если ее «не трогали», то было это только потому, что она блестяще руководила такой огромной тяжелой машиной, какой была Черновицкая психбольница, превратив ее из места многолетнего пребывания буйных психических больных в современный научно-медицинский центр, где наряду с медикаментозным лечением

больных лечили посильным трудом, постепенно возвращая им утраченные навыки. Ее там все обожествляли. Даже самые запущенные больные улыбались ей в ответ на ее индивидуальное, материнское отношение.

Сообразив, что речь шла о ней, я стала петь ей дифирамбы. Он меня прервал и сказал: «У меня к Вам два вопроса. Первый: правда ли, что Вас с ней связывает лесбизм? Второй: правда ли, что Наталья Федоровна строит себе виллу на Ваше имя?» и добавил: «Правду!» Скрывать мне было нечего, и я рассказала ему всю правду.

Я прежде всего извинилась, затем сказала, что, не зная значения слова «лесбизм» (а я тогда действительно не знала), мне трудно ответить на первый вопрос. Но, если оно означает дружбу между двумя женщинами, которые независимо от возраста, национальности и социального положения находят отдушину в общении друг с другом, то мой ответ положительный: «Да!». «Что касается второго вопроса, – продолжила я, – то, во-первых, это не вилла, а обыкновенный жилой дом, в котором не она, а я нуждаюсь, т. к. у меня нет жилплощади, и потому с тех пор, как я вернулась домой, вынуждена кочевать, а будучи не замужем, у меня нет никакой перспективы когда-либо получить жилкоповскую квартиру. Проработав в Берездове шесть лет, а в Ширивцах – два года после окончания университета, я накопила приличную сумму денег, с которой смогла начать строительство, но из-за недостатка средств я не могу его закончить, так что строительство приостановлено, надеюсь, временно». В подтверждение сказанного я вручила ему папину сберегательную книжку, из которой было видно, что вклады делались значительные ежегодно в июле месяце, что основные расходы приходились на период строительства и что на счету действительно почти ничего не осталось. К этому я приложила свою трудовую книжку, характеристики и грамоты. (В паспорте стоял штамп психбольницы с указанием должности – трудинструктор!)

Мой ответ был настолько убедительным, что два часа спустя мы с ним расстались «друзьями». Поставив свой личный штамп и подпись на последней странице моего паспорта, он мне его вернул со словами: «Если кто-нибудь когда-нибудь возобновит этот вопрос, покажите ему мою подпись. Но если, в чем я сомневаюсь, и это не поможет, то знайте, что сегодня в моем лице Вы приобрели влиятельного друга, к которому можно обратиться в любое

время», – и, попросив назад паспорт, дописал в нем номер своего личного телефона.

Я ушла оттуда окрыленная, и когда ни живой, ни мертвый папа подбежал ко мне, он только смог произнести: «Mein Kind!» – и крепко обнял меня. Я поспешила сказать ему, что всё в порядке, и мы поехали прямо к Наталье Федоровне, которая с нетерпением ждала нас дома.

Услышав мой рассказ, Наталья Федоровна поняла, что кто-то стал серьезно подкапываться под нее, и тут же поехала в Киев, в Центральный комитет Коммунистической партии Украины (ЦК КПУ). Вернувшись оттуда, она мне по секрету рассказала, что получила направление в один из санаториев ЦК в Крыму и что к весне, когда я перейду в свой дом, она заберет Милу и маму и поедет туда подготовить санаторий к летнему сезону. «Летом приедете к нам, – сказала она, – но пока никому ни слова!» И так оно и было.

В это время Илюши не было: он находился во Львове на курсах усовершенствования, и не было вечера, чтобы он не звонил. Об аборте (первом) он ничего не знал. Окончив курсы, он приехал прямо ко мне. Узнав об аборте, он был по-настоящему огорчен и разочарован. Оказалось, что супружеская жизнь у него не ладилась и что про себя он решил, что, если я забеременею, он разведется и мы официально сойдемся. Он остался у меня ночевать, но никто из нас глаз не сомкнул: я безуспешно старалась его утешить. Это была суббота. Уехал он от меня только в понедельник утром, и то прямо на работу. Я была потрясена: только тогда я поняла, что он меня по-настоящему любил. Перед уходом он стал добиваться моего обещания, что такое больше не повторится, но он его так и не получил: я не могла пойти на это, и про себя решила, что пора кончать.

Принять такое решение было нелегко, но еще труднее оказалось его осуществить, т. к. Илюша, в отличие от меня, решил во что бы то ни стало меня сломить и заполучить. Я начала «выкручиваться», но его поведение, вопреки ожиданию, приняло обратный поворот: он стал более напористым, и им завладела какая-то неистовая страсть. Сейчас он заскакивал в рабочее время, приезжал по выходным дням, а пару раз – посреди ночи. Ясно было, что он потерял голову и бдительность.

Однажды, заскочив ко мне с работы «на минуточку», сняв только шляпу и оставшись в плаще, он меня схватил, страстно поцеловал и свалил на диван. Оскорбленная, я резко сбросила его на пол. Он был в недоумении и спросил, что случилось. Я велела ему надеть

шляпу тоже. Сначала он растерялся, а потом, поднимаясь с пола, произнес: «Какой ты у меня еще ребенок! Прости!», – и мы оба расхохотались.

Надо было принимать срочные меры! Не дожидаясь отъезда Натальи Федоровны, я уволилась с работы в психбольнице (с занятий тоже), и в надежде, что отсутствие телефонной связи помешает в дальнейшем нашим встречам, переехала в свой дом.

Осуществилась мечта всей моей сознательной жизни: я переступила порог своего, пусть еще незаконченного, дома, на который работала более десяти лет. Казалось бы, я должна была быть счастлива. Но нет, так как мой переезд совпал с предстоящей разлукой со своим самым большим и дорогим другом Натальей Федоровной и Милочкой, которым, я хорошо знала, меня будет не хватать.

Уезжая, Наталья Федоровна оставила мне два огромных, почти достигавших потолка красавца: фикус и пальму, ранее украшавших ее кабинет, и наш любимый немецкий лотербет, на котором мы втроем на протяжении нескольких лет проводили лучшие часы дня. Эти дорогие как ей, так и мне вещи занесли в мой незаконченный салон в ожидании лучших времен. (Нам с Илюшей хватало узкого дивана, который уже стоял в моей единственной пока жилой комнате.)

В день их отъезда я не пошла на работу и целый день крутилась возле них, с трудом удерживая слезы.

На перроне было множество людей. Большинство из них оказались работниками психбольницы, пришедшими, чтобы с честью проводить своего кумира, и в последний раз, выразив свою огромную благодарность, пожелать ей большого успеха и счастливой жизни. Не в силах остановить слезы, к ним присоединилась и я. На вокзал, оставив работу, приехал и Илюша. Улучив удобный момент, как потом рассказал мне Илюша, она ему шепнула: «Берегите ее! Она бриллиант чистой воды!» С тех пор он меня так и называл: «Мой бриллиантик!»

Уход из больницы дал мне возможность догрузиться переводами. К тому времени я уже была «известным» переводчиком медицинской литературы в Черновцах, и эта работа приносила мне немалый доход. Я была завалена работой, когда ко мне обратилась профессор физико-химических наук (в то время – новая отрасль

химии) нашего университета Лопушанская – племянница известной буковинской писательницы Ольги Кобылянской – с просьбой помочь ей с переводами. Она писала работу на совершенно новую, неразработанную тему, и никто не брался помочь ей с переводами. Я вежливо отказалась, но, не выдержав натиска, согласилась попробовать свои силы в этой области тоже. Я, как всегда, когда чувствовала неуверенность, начала с устного перевода. Мои скудные знания, приобретенные на физмате, мне значительно помогали, и вскоре я стала просто «строчить» ее переводы. Она была в восторге, не знала, как меня отблагодарить. Вскоре мы с ней подружились, и в некоторой степени она стала заменять недостающую мне Наталью Федоровну.

Это была женщина средних лет, старше меня лет на десять, на вид – очень властная, а на самом деле – очень милое и доброе создание. Забыв о своей личной жизни (она была не замужем), она вся ушла в науку. Жила она рядом с университетом на съемной однокомнатной квартире, полностью заваленной книгами и журналами, больше похожей на библиотеку, чем на жилое помещение. Я стала ее частым гостем, а работа и общение с ней приносили мне большое удовольствие. Однажды, выходя из ее дома, я столкнулась лицом к лицу со своим бывшим преподавателем и завкафедрой Радченко. Мы оба обрадовались встрече, и после короткого разговора он спросил меня, не смогла бы я преподавать английский на недавно открывшемся вечернем отделении филфака. Я тут же согласилась. У меня было три свободных вечера. Случилось то, о чем я даже не мечтала: я стала преподавать в университете и наслаждаться возможностью работать по специальности с взрослыми людьми, которым не нужно было объяснять, для чего нужен иностранный язык и обучать вопреки их желанию.

Теперь я опять была нагружена почасовой работой как в утренние, так и в вечерние часы. Времени для встреч не было, и я была этим довольна. Но Илюша не отступал и всякими путями добивался встреч. Я с нетерпением ждала летних каникул, и, когда они наконец наступили, мы с Дориной и маленькой Танюшей поехали в Одессу. (До того я дважды ездила в Одессу летом с Натальей Федоровной и Милой.)

В Одессе жил папин двоюродный брат Муня Дорман, у которого была квартира на знаменитой Дерibasовской, а дача – на Шестнадцатой станции. Он с женой, оба пенсионеры, всё лето

жили на даче, хотя к морю они не спускались, а городская квартира пустовала. (Они были зажиточными людьми и квартиру не сдавали.) И вот они нам предложили свою квартиру. Это была мечта! У нас была квартира в самом центре Одессы, целыми днями мы бывали на море (с заходом к старикам, иногда даже ночевали там). У них мы познакомилась с другом их сына, морского офицера, тоже моряком дальнего плавания, дача которого была по соседству. Хотя ему было лет тридцать пять, он не был женат.

Первая, кто привлекла к себе его внимание, была Танюша, затем он обратил внимание на ее маму, Дорину, и лишь потом на меня. У него была собственная моторная лодка, которой он нас соблазнил и которой мы стали ежедневно пользоваться. По вечерам мы вместе гуляли, ходили в летнее кино, рестораны, театры и, конечно, в знаменитый Одесский оперный театр. Он, наш новый друг, был неплох собой, образованный (инженер), и за несколько дней до нашего отъезда предложил мне остаться там навсегда.

Поворот был неожиданный: на протяжении всего времени он вел себя галантно, но корректно, и, если бы не условие переехать в Одессу, признаюсь, что я бы ему не отказала: мне уже хотелось устроить свою жизнь, не столько ради себя, сколько ради папы, который из-за меня очень переживал. Расстались мы просто друзьями и дважды после этого, будучи уже замужем, встречались.

В Одессе мы пробыли три недели, после чего Дорина с поправившейся на три килограмма Танюшей поехали домой, а я, как и договорилась с Натальей Федоровной, поехала к ней в Крым. Они с Милой встретили меня в порту, а оттуда на ее машине отправились к ним «домой». Добравшись до санатория, я опешила: это был санаторий ЦК, который при Хрущеве стал одним из его собственных, Наталья Федоровна была там «правительницей», а Жозефина Борисовна по ее вызову приехала туда отдыхать. Неимоверно!

К сожалению, я забыла название местности, если не ошибаюсь, оно начиналось на букву «ха». Санаторий был построен на скале высотой около пятнадцати-двадцати метров. Чтобы спуститься к морю, по личному заказу Хрущева, был установлен лифт и построена площадка. От берега в море на протяжении не менее ста метров был проложен широкий мост, вдоль которого с двух сторон стояли шикарные разноцветные лежаки под зонтами для загара. К мосту были привязаны моторные лодки. Неподалеку

на якоре красовался огромный прогулочный пароход в ожидании высокопоставленных пассажиров. На самой скале был разбит райский сад и построены великолепные здания для хозяев и их гостей, и другие, намного скромней, – для обслуживающего персонала. Помимо административного корпуса, для начальника санатория был построен отдельный дом, в котором в то время жила мой лучший друг со своей семьей и временно – я!

До моего приезда на этом почти «необитаемом острове» жила только Наталья Федоровна с семьей, охрана и армия обслуживающего персонала. Первым гостем оказалась я, и около недели мы действительно жили, как в раю, но в ожидании дочери Хрущева и ее гостей, которые собирались провести там неизвестно сколько времени. Настали дни сильного ажиотажа для Натальи Федоровны, а с приездом «Ее Величества» наш рай превратился в настоящий ад. Приехала дочь Хрущева, незамужняя распущенная молодая женщина, с целой сворой подонков посреди ночи, и всю ночь раздавались звонки с разными требованиями: напитков определенных фирм и сортов, горячей пищи по личному заказу каждого гостя, горничных, смены постели на определенные цвета и чего только нет. Весь персонал был поднят на ноги, сама Наталья Федоровна исчезла на целые сутки, а в тишине ночи до самого утра громко звучала джазовая музыка, пение, хохот и крики опьяневших друзей. Когда наконец Наталья Федоровна явилась, она была вне себя от ярости. Она ругалась как сапожник, и я впервые из ее уст узнала, как богат русский язык нецензурными словами.

Для меня этот кошмар длился около десяти дней – на более раннее число не было билетов. Расставаясь со мной, Наталья Федоровна извинилась за происходившее, ругалась на чем свет стоит и в заключение воскликнула: «Я приехала сюда обслуживать людей, а не блядей! Я завтра же позвоню в ЦК!» Месяц спустя я получила от нее подробное письмо уже из Харькова, куда она была назначена главврачом психиатрической больницы. Она готовилась к защите диссертации, которую затем блестяще защитила. Больше с ней нам не пришлось встретиться: она вскоре умерла в возрасте пятидесяти трех лет, ее мать не намного пережила ее, и Милочку поместили в какое-то специальное учреждение. Брат Натальи Федоровны, который вместе со своей семьей всю жизнь был на иждивении Натальи Федоровны, отказался забрать Милочку к себе. Об этом я узнала лишь перед выездом в Израиль.

Пока меня не было, папа жил у меня и потихоньку достраивал дом и ухаживал за садом. К моему приезду во всех комнатах были уже полы, стояли батарейки для парового отопления и установлен был также газовый агрегат для непрерывного отопления в осенне-зимнюю пору. Из Одессы я привезла белые плоские розетки и выключатели польского производства, которые тогда только появились в продаже. Установив их, осталась только побелка стен и покраска окон и дверей. Внутри дом был почти готов, и мы оба наслаждались своим «произведением искусства».

Перед отъездом у меня с Илюшей был серьезный разговор, и я умоляла его войти в мое положение и забыть дорогу ко мне. Я очень боялась за папу, у которого были ключи от дома, и он, упаси Бог, мог нас застать вместе. Вернувшись домой, я ему не позвонила, но однажды, войдя в дом, я застала его там с папой: за чашкой кофе они мирно беседовали. У меня подкосились ноги. Я не знала, о чем они говорили и как себя вести. Папа представил мне архитектора города, который приехал посмотреть новостроящиеся дома и обещал, что скоро к нам будут подведены и электричество, и газ (вода уже была). Илюша встал, подал руку, представился и поздравил с новосельем. Я готова была его разорвать. У папы была очередь к врачу, и, извинившись, он оставил нас вдвоем.

Не дав мне раскрыть рот, он меня тут же поцеловал, затянул в комнату и... Ушел он только на следующее утро, оставив меня злой уже не на него, а на себя. «Тряпка», – сказала я себе и заплакала, поняв, что я его тоже любила.

Несколько дней спустя он явился с двумя путевками в санаторий для папы с женой на сентябрь месяц. Они поехали в Одессу, у меня начался учебный год, а он, освободив территорию, ежедневно «заскакивал» ко мне. Это был наш «медовый месяц», и я опять «влипла»!

Зная его отношение к данному вопросу, я опять взяла грех на себя, ничего ему не сказав. Сейчас я уже была «большой девушкой», и, не торопясь,

Папа с Женей (его второй женой) в Одессе. 1961 г.

обстоятельно всё взвешивая, я опять обратилась к приятельнице Натальи Федоровны, которая меня уже однажды выручила. Аборт она мне сделала у себя дома, и кроме нас двоих никто ничего не знал. Было это во время зимних каникул, и я, решив немного развеяться, поехала в Москву. Оттуда по телефону я объявила Илюше о своем окончательном решении поставить точку в нашем романе. Я объяснила ему, что настала пора устроить свою жизнь, что на предлагаемый им вариант я не могу и не хочу пойти, ибо на чужом несчастье свое счастье не построишь. Поблагодарив его за те счастливые минуты, которые он мне подарил, я сказала: «Если ты меня по-настоящему любишь, помоги мне забыть тебя». Он перестал приезжать, а я по ночам не переставала плакать: я впала в депрессию и опять приостановила строительство. Мне больше ничего не нужно было!

Часть пятая.

С Толей, моим будущим мужем, мы случайно познакомились на встрече Международного женского дня у наших общих знакомых – семьи Иосифа и Тани Зельцер, которых я знала по Бершади. Встретившись с ними накануне праздника, они пригласили меня к

*Толя (Анчел Фишман) и я.
Черновцы, 1965 г.*

себе, сказав, что будут еще две пары бершадских узников, с которыми мне очень хотелось встретиться. Там оказался и начальник Иосифа, вдовец, который, сидя за столом напротив, не спускал с меня глаз и галантно ухаживал за мной. Всем своим видом он выделялся среди

остальных присутствующих мужчин. Он был не элегантно, но очень «добротно» одет, и на нем всё сверкало чистотой. Был он невысокого роста, полный, с животиком – типичный образ буржуа. Руки у него были белые, очень ухоженные и на вид очень мягкие.

Вечер затянулся: встретившись двадцать лет спустя, у каждого было, что рассказать. Когда наконец заметили, что время очень позднее, и стали расходиться, он предложил провести меня домой. Время было позднее, автобусы уже не курсировали, а такси, которых в то время было очень мало, невозможно было поймать, и мы пошли пешком. Дорога была длинная. Когда мы свернули с главного проспекта на боковую, неасфальтированную и грязную после прошедшего дождя улицу, его до блеска начищенные туфли утонули в грязи.

Весь вечер он тут и там вставлял какую-то реплику. Сейчас он вдруг стал рассказывать о себе. Оказалось, что родом он был из Хотинского района Черновицкой области, что он был младшим, шестым, ребенком в семье, что до войны он успел отслужить в румынской армии кавалеристом (с собственным конем) и что он всего лишь за несколько дней до начала войны, демобилизовавшись и оставив армии коня, как полагалось, вернулся домой.

Его старшая сестра Хана еще до начала войны успела уехать в Канаду к своему жениху, три его старших брата были мобилизованы, а он с родителями и сестрой Соней были депортированы румынами. Родителям было всего за пятьдесят, когда их по дороге расстреляли (они не могли идти в ногу), а они с сестрой «доплелись» до гетто Балки Винницкой области. Там он находился недолго, т. к. его схватили и отправили на

*Соня - сестра Толи с братьями.
с. Зарожаны, Хотинского р-на
Черновицкой обл., Румыния.*

*Хана - Толина старшая сестра
с внуками. Торонто, Канада.*

работу к немцам. Он рассказал, как в лютые февральские морозы 1942 года в легкой одежде и полуголодному ему, как и многим другим мужчинам, приходилось голыми руками (без перчаток) прокладывать рельсы железных дорог. Они работали на немецкую компанию Вальтера Шихтера. Их перебрасывали с места на место и, наконец, за непослушание его посадили. Этим он и спасся: удирая, они его там забыли.

После освобождения он разыскал Соню в Балках, и вдвоем со временем они добрались до Черновиц. Два его брата умерли во время войны, а третий пропал без вести.

Его рассказ был очень трогательный. В темноте ночи я не видела его лица, но по тому, как голос у него временами срывался, я поняла, что даже тогда, спустя четверть века, говорить об этом ему было очень тяжело, и мне его стало жаль.

Он умолк только тогда, когда мы остановились возле моей калитки. Там, не раздумывая, я дала ему ключ, сказав: «Откройте и заходите! Дом не закончен, но для Вас найдется место переночевать». И мы зашли – не могла же я его отпустить проделать столь длинную дорогу одному посреди ночи.

Постелив ему на нашем с Илюшей диване, себе я постелила в недостроенном салоне на лотербете Натальи Федоровны. Не знаю, как для него прошла та ночь. Я же не сомкнула глаз.

Рано утром я на цыпочках пошла на кухню приготовить завтрак и, накрыв стол на веранде, постучалась в дверь и пригласила к столу. Ответа не последовало. Я заглянула внутрь: там никого не оказалось. Дверь на веранду была открыта, калитка была закрыта. Я недоумевала.

Было ясно, что он удрал, ничего не сказав и ничего не написав. Меня охватило какое-то смешанное чувство обиды и разочарования. Более того, я была оскорблена и упрекала себя во всем, в чем была и не была виновата. Оставив завтрак на столе нетронутым, я прилегла, и, вспомнив предыдущие дни 8-го Марта, разревелась и, очевидно, задремала.

Первое, что я увидела, открыв глаза, был огромный букет красных роз рядом со мной. Подумав, что это Илюша, я накинула на себя пеньюар и выбежала в коридор, а затем на веранду. Там никого не было, но на столе появились бутылки, шоколадные конфеты и купленный торт. Это уже не было похоже на Илюшу. Я была в недоумении и стояла, как вкопанная, как вдруг я услышала:

«С добрым утром!» – позади меня, одетый с иголки, стоял Толя, от которого пахло чистотой и тонкими духами. Увидев его, я растерялась, а он, взяв меня за руку, сказал: «Извините, я не рассчитывал, что Вы так рано встанете. Надеюсь, что Вы меня простите – не мог же я предстать перед Вами небритым. Кроме того, сегодня 8-е Марта», – и, поцеловав мне руку, сказал: «Поздравляю!» Я поблагодарила, извинилась и пошла переодеваться. У меня всё падало из рук. Когда я наконец вернулась, он долго смотрел на меня, «отпустил» комплимент и, взяв меня за руку, подвел к столу, открыл бутылку коньяка, и первый тост был: «За знакомство!» Последующие тосты мы уже пили вместе с папой и Женей: они, «вооруженные» бутылкой шампанского и шоколадно-ореховым тортом собственного производства, подоспели к завтраку. Увидев меня не одну, они были удивлены, но после первой же рюмки все разболталось, и завтрак затянулся дольше положенного в приятной атмосфере.

Уехали они вместе на такси, оставив меня одну со своими мыслями, но в хорошем настроении: уезжая, Толя сказал: «С Вашего разрешения я заеду к Вам в воскресенье. Раньше не смогу!» И я поторопилась сказать: «Милости просим!»

Остаток дня я провела дома, ничего не делая и ни о чем не думая, хотелось просто отдохнуть. Вечером неожиданно появился Илюша с букетом белых роз. Я насторожилась, но он только поздравил, поцеловал в щечку, посидел немного и, пожелав наилучшего, ушел. Это был чисто дружеский визит, и я была этому рада.

Когда на следующий день, вернувшись с работы, я застала дома папу, он рассказал мне, что, уехав от меня, по дороге домой они с Толей «разболтались» (все были немного навеселе, а подъезжая к дому, они пригласили его подняться к ним (они жили в центре города, но на четвертом этаже). Толя с удовольствием согласился, и уехал он от них только после того, как разделил с ними их праздничный обед. Как нетрудно догадаться, они «выудили» у Толи всё, что нужно было знать, а Толя в свою очередь – необходимую ему информацию обо мне. Что касается меня, то я получила дополнительную информацию о нем.

Оказалось, что он – технолог-пищевик и работал в каком-то колхозе недалеко от Черновцов, где по его инициативе открыли цех по производству соков. Жил он один в городе, но во время сезона находился на работе почти безвыходно. Сейчас там шел

подготовительный к сезону период, и, заезжая туда в понедельник утром, возвращался он только в субботу.

Выложив мне всё это, папа подошел ко мне, обнял и, посмотрев мне прямо в глаза, сказал: «Mein Kind! – так он меня называл только в редкие, очень важные моменты жизни. – Я ничего не говорю. Ты уже взрослый человек, и твое право выбрать себе спутника жизни. Ты не хотела выходить замуж по необходимости, хотела остаться независимой. По-моему, ты всего этого уже добились: у тебя есть свой собственный дом, и ты хорошо устроена. Стало быть, уже настала пора. Я ничего не говорю! Единственная моя просьба к тебе сейчас – не спеши сказать «Нет!» Не получив никакого ответа от меня, он тут же добавил: «Что касается меня, если бы ты вышла замуж за него, я мог бы спокойно умереть, зная, что я тебя передал в достойные руки!» И у него потекли слезы. «Склероз», – подумала я.

Месяц спустя Толя сделал мне предложение, и я ему не отказала, но, когда он предложил после свадьбы переехать к нему, в люксовскую квартиру в самом центре города, напротив филармонии, я категорически сказала: «Нет!», а он, не ожидавший такого поворота, потерял дар речи. Он пристально смотрел на меня и молчал. Поняв, что должна внести какую-то ясность, я добавила: «Мне очень жаль, но это не квартира и не дом, это мое «детище», рожденное в тяжелых муках, которое я никогда и ни за что не покину!» И он ушел, ничего не сказав. Вернулся он только через две недели и, нежно взяв в свои руки мою правую руку, осторожно надел мне на палец кольцо с большим бриллиантом, сказав: «Твоя взяла! Я понял, что ты не можешь покинуть этот дом и что я не могу жить без тебя!», – и, нежно поцеловав меня впервые в губы, спросил: «Когда свадьба?» «13-го июля», – ответила я, и так и было!

Учитывая наш возраст и то обстоятельство, что только в июне месяце исполнялся год со дня смерти его покойной жены, папа с Толей предложили поставить хупу у себя дома в присутствии самых близких нам людей. Сначала я о хупе и слышать не хотела: во-первых, я боялась (хупа была вне закона в Союзе), а во-вторых, я стыдилась этой процедуры, но папа настаивал, и я не смогла ему отказать.

Оставшееся время прошло в интенсивной достройке дома, подведении электричества и газа. Благодаря Толиным связям и специалистам, которых он приводил, за два месяца и дом, и двор были готовы к приему самых требовательных гостей, и 13-го июля

1964 года в нашем салоне состоялась еврейская церемония, и нас объявили мужем и женой.

Сразу после церемонии папа подошел сначала ко мне, а затем к Толе, обнял, поцеловал и сказал: «Mazal tov, mein Kind!» С тех пор и до самой смерти он иначе его не называл. В ответ Толя назвал его «папа», и в нем он действительно нашел своего второго любящего отца. (Официально в Черновицком дворце бракосочетания мы расписались только 14 января 1965 года.)

На второй день после хупы (это было начало летних каникул) он мне сказал: «Я состоятельный человек, а ты – моя жена. Если у тебя есть какие-нибудь долги, ты можешь сегодня же рассчитаться». Я поспешила сказать: «Спасибо! Нет!» И он продолжил: «С сегодняшнего дня ты обеспеченная женщина и можешь себе позволить больше не работать. Выбор твой!» Я тут же сказала: «Нет! Я работу не брошу!» «Что касается папы, – продолжил он, – если он захочет с нами жить, я буду этому только рад, но если нет, то мы ежемесячно будем давать ему сто рублей на карманные расходы (это было больше, чем моя ставка в школе), все остальные расходы я беру на себя. Своим заработком ты можешь распоряжаться, как хочешь. Покажи мне место, куда положить деньги, ты в них никогда не будешь нуждаться. Я тебя люблю!» У меня перехватило дыхание. Обняв и поцеловав его, я еле слышно произнесла: «Я тебя тоже!»

Медового месяца у нас не было: у него начался «горячий сезон». Единственное, что он мог себе позволить в то время, это взять себе три дня, и мы в ближайшую пятницу полетели в Москву.

Раньше, когда я из Берездова приезжала в Москву, мне с трудом удавалось устраиваться в гостинице при Сельскохозяйственной выставке, где в одной комнате бывало шесть-восемь человек, и питалась я в забегаловках, где зачастую ничего другого не было, кроме сосисок с горчицей и тушеной капустой. Сейчас у нас была бронь в гостинице «Россия» рядом с Красной площадью. У нас был шикарный отдельный номер с ванной, туалетом и бидэ, стены и пол которых, облицованные разноцветной керамикой, сверкали чистотой, и питались мы в пригостиничном ресторане. На вечер у нас были заказанные заранее его товарищами билеты в Большой театр, о чем я даже мечтать не могла.

Утром, заказав такси, Толя сказал шоферу: «Повезите нас, пожалуйста, на лучшие мебельные склады. Нам нужна модная импортная мебель высшего качества. Время не ограничено: я заказал

Вас на целый день». Я не верила своим ушам. Объездив половину Москвы, мы наконец выбрали венгерскую жилую комнату темно-вишневого цвета из настоящего дерева, в составе которой было достаточно мебели и для салона, и для моего рабочего кабинета (с письменным столом я до сих пор не могу расстаться. На нем я сейчас пишу!) Заплатив и за услуги, мы тут же отправили мебель скорым поездом в контейнере с припиской «Доставка на дом!», и она прибыла на второй день после нас.

Вечером была встречена с Толиными друзьями в ресторане «Россия», среди которых был также директор Марьиновского универсама. На следующее утро мы к нему поехали и закупили кучу дорогих вещей для всех членов семьи (его и моей). Оттуда мы поехали прямо в аэропорт и домой. Посылки с лимонами и апельсинами мы всем отправили по почте. Сливочное масло, копчености и икру мы взяли с собой, и, приехав, мы всех пригласили к себе.

Как я и рассчитывала, купленная мебель заполнила и очень красиво вписалась в обе комнаты. Пустовала еще спальня, и, снабженная деньгами, по «поручению» Толи, который не мог больше отлучиться с работы, я по «проторенной дороге» опять поехала в Москву и, заказав такси, по примеру Толи, не отпустила его, пока не нашла то, что искала. Это была румынская добротная спальня, очень красивая, включающая помимо двуспальной кровати, тумбочек и туалетного столика с большим зеркалом, три больших гардероба: один – для мужской одежды, второй – для женской, а третий – для постели и постельного белья. В первых двух были большие и маленькие отделения для висящей одежды и множество ящичков для мужских и соответственно женских принадлежностей. Она вписалась, точно по заказу. Я была в восторге! Из Москвы я привезла также только что поступивший тогда в продажу телевизор с большим экраном (не помню название фирмы, но – советский), люстры, торшеры, занавески и портьеры по цвету, так что до начала учебного года наш дом был полностью обставлен. Электрические товары: холодильник, плиту, стиральную машину и обогреватель воды для кухни по просьбе Толи прислал его московский друг.

Мы зажили красивой, богатой жизнью, ни в чем не нуждаясь, при этом шкатулка с деньгами никогда не опустошалась, а в подвале у нас был полный «гастроном». У папы и у Дорины были ключи от нашего дома и доступ ко всему, а по выходным безо всякого предупреждения, т. к. телефонная линия еще не была проведена,

приезжали гости. Кухня стала занимать у меня очень много времени. Не меньше времени приходилось уделять и содержанию дома в надлежащем порядке, и я решила сократить свою «внешнюю нагрузку», оставив себе только школу и университет. От вечерних консультаций в областной заочной школе я тоже отказалась. Толя был этому рад.

Еще до начала учебного года Толя привел к нам Аню – женщину, которая на протяжении многих лет вела его с Марией Абрамовной хозяйство. Это была местная женщина лет сорока, которой мы тоже вручили ключи от дома. В ее функцию входило приходиться к нам после нашего ухода на работу, содержать квартиру в надлежащем порядке, стирать и гладить. К нашему приходу ее там уже не было. Кухню она только убирала. Всем остальным занималась я: это стало моим хобби!

Вскоре после свадьбы мне пришлось расстаться с университетом тоже, т. к. Толе надоело приезжать по вечерам в Резиденцию, где я вела занятия и, сидя в машине, дожидаться, пока я, окруженная молодыми студентами, уходила домой. Что касается работы в школе, то он сумел перевести меня из периферийной девятнадцатой школы на Жучке в центральную украинскую школу №23, в которой учились, в основном, дети городского начальства, а учителями, за исключением нескольких по основным предметам (математике, физике, иностранным языкам и начальных классов) были или их жены, или их дочери. Директором школы в то время был Йона – бывший друг Толиной покойной жены Марии Абрамовны Левиной, завуча школы №6. Вела я там только девятые и десятые классы (немецкий язык), готовя учеников к аттестату зрелости.

Во время зимних каникул мы поехали в Кисловодск (раньше я туда ездила с Натальей Федоровной и Милочкой) и объездили весь край. И так из года в год летом мы ездили на море, в Одессу или Сочи, зимой – в горы, Кавказские или Карпатские. Кроме того, благодаря больничным, которые я за «троячку» получала от своего участкового врача, я зачастую сопровождала Толю в Москву и Таллин, куда он часто ездил по делам. Уезжая с ним, мы всегда останавливались в «России» или в гостинице «Таллин», и, пока он днем занимался делами, я бродила по городу, посещала музеи и выставки, бегала по магазинам. Мы всегда возвращались домой с полными чемоданами подарков для всей семьи. Машины у нас не было (Толя был дальтоником), но к нему от работы была

прикреплена машина с молодым неженатым шофером Иваном. По субботам и праздникам он с удовольствием оставался спать у нас на веранде, и в воскресенье утром с родными и друзьями, у которых были машины, мы выезжали в лес, на озеро, на Прут, а когда выдавались длинные выходные – в Карпаты или в Одессу. Жизнь была хороша, и жить было хорошо! И вот однажды, когда Толя собирался в Москву без меня, т. к. я должна была пойти на конкурс со своими учениками, я все-таки сумела поспеть на вокзал его провожать. Судьбе было угодно, чтобы в тот же день тем же поездом уезжала жена Илюши, которую он провожал. Мы с ним столкнулись у ступенек спального вагона.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как я, собираясь выходить замуж, взяла с него слово больше не приходиться. Даже не поздоровавшись, каждый из нас пошел со своей второй половиной в соответствующее купе, благо, что они были разные. Но как только поезд исчез из виду, он подошел ко мне, взял за руку и сказал: «Пошли!» Его ждала машина, и он предложил отвезти меня домой. Поблагодарив, я отказалась и поехала на такси. Ровно через десять минут на другом такси приехал он. Ничего не говоря, он запер за собой дверь, схватил меня в свои объятия и стал покрывать меня своими страстными, горячими поцелуями. Я попыталась вырваться из его объятий, но он, буквально сорвав с меня одежду, бросил меня на диван и... изнасиловал в прямом смысле слова. Месяц спустя я поняла, что я опять беременна, и опять от него! Возник извечный вопрос: «Что делать?»

Мне было уже тридцать восемь лет, а Толе – сорок девять. Каждый из нас мечтал о своем ребенке, хотя Карлуша и Танюша были больше моими детьми, чем Дорины, а у Толи было двое своих н е с в о и х сыновей – Виталий и Игорь Левины (дети покойной жены) плюс четверо племянников от его старших покойных братьев – Володя, Клара, Нюся и Лиза, ответственность за благополучие которых он сам взвалил на себя на всю жизнь. Однако об этом мы никогда не говорили. Мы понимали, что «наш поезд ушел», и вдруг такое!

После долгих, мучительных колебаний и бессонных ночей, решив, что это наш последний шанс, я решилась пойти на риск, и я ему сказала. Наступило молчание, за которым последовало: «Ты уверена?», – на что я, насторожившись, ответила: «Не совсем: у врача я еще не была». Посмотрев на меня, он произнес: «Я был бы счастлив!», – и я облегченно вздохнула.

Недели через две, открыв бутылку шампанского, мы выпили за здоровье нашего будущего наследника. Первый, кому мы сообщили нашу радостную весть, был папа. От счастья он расплакался. Потом – всем остальным. Со всех сторон стали поступать поздравления и советы. Ко мне стали проявлять особую нежность и заботу. Я чувствовала себя королевой, у которой после долгого всеобщего ожидания должен был родиться принц-наследник.

И вот однажды спустя пару месяцев во время «окна» в школе, когда в учительской находились только я и еще одна немолодая учительница математики, которую я очень уважала, ей вдруг стало плохо. Я побежала за школьной медсестрой. Вернувшись, мы увидели ее, склонившуюся над столом. Когда, обратившись к ней, мы захотели ее выпрямить, она свалилась на пол. Прибывшая «скорая помощь» смогла только констатировать ее смерть. Я была в шоке. Похороны состоялись в тот же день (она была еврейкой), и я пошла на кладбище. Вернувшись домой, я тут же легла: мне нужно было немного отдохнуть и успокоиться. Но вместо этого я почувствовала себя совсем плохо: у меня начались сильные боли внизу живота и в пояснице, которые со временем становились всё сильнее и сильнее. Я попыталась встать, чтобы зайти к соседке, но тут же упала на пол. В доме никого не было, кроме Пика, моей любимой собачки. Вероятно, чуя, что со мной происходит что-то неладное, он стал беспомощно крутиться возле меня, лаять и лизать мне лицо.

Это было летом. Все двери были открыты. Вдруг его не стало. Через несколько минут явилась Лена, моя соседка. Как потом выяснилось, выбежав из дому, Пик побежал к ней и со страшным лаем стал царапать в дверь. Когда она вышла к нему, он стал бегать взад и вперед к калитке, не переставая лаять. Сообразив, что случилось что-то неладное, она побежала за ним. Дав мне попить и сказав, что скоро вернется, она побежала к телефону-автомату и вызвала «скорую помощь». Всё это время я каталась по полу со страшными болями. Вдруг меня «залило». Лена поехала со мной в больницу, а Пик, которого не пустили, побежал за машиной до самой больницы, откуда его тоже прогнали.

У меня был выкидыш с тяжелыми последствиями и высокой температурой, и, если раньше я считала свою беременность Божьим даром, то теперь я поняла, что это была его кара! Пролегала я в больнице около двух недель (у меня был сепсис). Все это время Толя не покидал меня. Не покинул меня и Пик! Истощенный, он

лежал у главного входа, и никакими силами нельзя было его оттуда прогнать. Через пару дней, пожалев его, перестали прогонять. Более того, ему стали приносить воду и пищу, но он ни к чему не притрагивался. Даже из рук Толи он ничего не брал. Увидев меня, когда меня наконец выписали, он попытался встать на ноги, но тут же повалился. Ваня, наш шофер, занес его на руках в машину, а потом – в дом. Несмотря на то, что я сама еле держалась на ногах, мне пришлось ухаживать за ним. Когда мы спустя еще пару недель «очухались», вдруг заболел Толя: у него нашли камень в мочеточнике. Он закупорил проход. Нужна была срочная операция. У Толи были адские боли, и он согласился. Я же, вспомнив какую-то статью по этому вопросу, побежала в медицинскую библиотеку, уточнила имя профессора и позвонила в Киев (он впервые в Союзе стал дробить камни именно в мочеточнике, пользуясь ультразвуком без какой-либо операции). С трудом уговорив Толю, мы тут же полетели. Температура у него была выше сорока, и мы посреди ночи вызвали такси в гостиницу. На наше счастье в ту ночь дежурной была Октябрьская больница, главным урологом которой был тот самый профессор. Всю ночь боролись с его температурой. На следующее утро, раздробив камень, его спасли!

При выписке из больницы нам рекомендовали во что бы то ни стало поехать в Трускавец: ему срочно нужно было промыть организм, а там была чудодейственная вода «Нафтуси». Как только он окреп, мы поехали туда и на месте достали путевку. Двадцать один день спустя я привезла его домой в полном здравии, и всё стало на свои места.

Можно было уже жить спокойно, но меня, как всегда, волновала Дорина и ее семейные дела. Мы с Дориной были совершенно разные, но нас связывали тесные семейные узы. Больше того, мы любили друг друга, и, несмотря на то, что я была младше, она постоянно прибегала ко мне в слезах со своими проблемами, прося советов, которыми никогда не пользовалась. Она была несчастна: работая в районе и приезжая домой лишь на выходные, и то не всегда, Яша опускался всё ниже и ниже, он стал хроническим алкоголиком и развратником. Добрый по натуре, он имел много друзей-собутельников, и всё заработанное пускалось на ветер. Трудно понять, но, несмотря на всё это, они продолжали любить друг друга, и ни о каком разводе не могло быть и речи. А я на этом постоянно настаивала. Мы с папой делали всё возможное, чтобы

облегчить Дорине жизнь. Я взяла Танюшу к себе, и большую часть времени она находилась у нас. Нет, она не просто находилась: мы в нее вложили всю свою душу и любовь. Карл служил в армии. Уезжая на целых три года (без отпуска), ему было строго-настрого наказано не жениться там. Улыбаясь, он ответил отцу, что ему комфортно сидеть на его шее и потому он не собирается оттуда слезать. Это было смешно, но, когда отслужив армию, он привез простую белорусскую женщину старше него на четыре года с ребенком (не его) и, представив ее, сказал: «Моя жена!», нам было уже не до смеха. Но деваться было некуда!

Дорина с Яшей уступили свою спальню молодоженам, а сами перешли в переднюю. Ольга, жена Карла, поняла этот жест по-своему и тут же объявила себя хозяйкой дома. Это тоже была не шутка: всем своим поведением она показывала, насколько серьезным было ее заявление. Совместная жизнь стала настоящим кошмаром!

Дорина в очередной раз прибежала ко мне за советом. Я предложила ей воспользоваться случаем, перейти жить к нам и развестись с Яшей. Она об этом и слышать не хотела, а о том, чтобы забрать Яшу к нам, тоже не могло быть и речи. И они продолжали жить вместе.

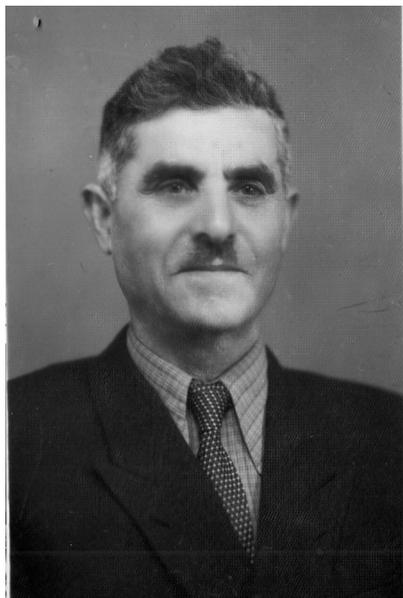
Вернувшись из армии «главой семьи», вопрос об учебе Карла уже не был актуальным. Без образования и специальности устроиться в городе он тоже не мог. С трудом устроился помощником электрика в районе. Теперь работали все, кроме Оли – так звали жену Карла. Она вместе со своим принцем Петей царствовала дома. Карл был стройным красивым блондином с голубыми глазами. Одет он был по моему вкусу, и у него отбоя от

*Карл с Олей - его женой.
Израиль, 1993 г.*

*Саша с женой Таней.
Безр-Шева, 1994 г.*

Пана, 1965 г.

Дорина

Я

*Таня с Вовой –
свадебная фотография.*

Таня с детьми

женщин не было. Оля бешено ревновала его к каждой прохожей, и скандалы не прекращались.

В Карши, самом отдаленном пограничном пункте Советского Союза на границе с Афганистаном, кроме, как на кухне, женщин вообще не было, и ему, естественно, льстило, что ему досталась одна из них. Совсем другое дело было в Черновцах, где значительную часть населения составляли женщины. Выбор был большой, отбоя не было, Оля стала ведьмой, так что не удивительно, что он вскоре «сошел с рельсов» и пришел к нам с красивой молодой блондинкой с девчонкой. Она была еврейкой, разведенной и работала медсестрой. Мы к этому положительно отнеслись и оставили Карла с Полей жить у нас до развода. Девочка жила у матери Поли.

Никто не ожидал, что развод от Оли Карл получит легко. Но не настолько! И всё же после длительных и тяжелых переговоров, получив денежную компенсацию и жилплощадь, она его освободила. Казалось бы, можно уже спокойно жить. Но не тут-то было! Оля стала преследовать Карла и Полину, устраивать скандалы на улице, забрасывать их камнями. Ее ничем нельзя было утихомирить. Не выдержав позора, Полина ушла! Началось наступление Оли на Карла, и слабый Карл вернулся к ней. Вскоре они вторично расписались. Все остались на месте, и крошечный ад тоже! И я осознала, что при всем желании и стараниях им я помочь не могу. Стало быть, настала пора подумать о себе.

Дело в том, что после тяжелого выкидыша мои месячные не возобновились. Врач, к которой я обратилась, решила, что наступил

климакс, и я приняла это за должное. Папа предложил взять ребенка. Толя согласился. Я отказалась и стала изучать свою проблему, перебирая все новейшие публикации по моему вопросу, пока не наткнулась на имя академика Николаева. Он был знаменитым эндокринологом и делал чудеса. Написав ему письмо и описав историю своей проблемы, я попросила у него совета. К своему великому удивлению, я получила приглашение на консультацию в Московский институт эндокринологии при Академии наук СССР к самому Николаеву.

Сказав, что мы едем провести вместе свои зимние каникулы, мы с Толей поехали в Москву и остановились в «России». В тот же вечер Толя поехал к профессору Николаеву домой. Наутро мы поехали в институт. Немного позже приехал проф. Николаев, и меня пригласили в его кабинет. В результате беседы и обследования было решено оставить меня там на исследование.

Исследование длилось более двух месяцев. Все это время Толя ночевал в гостинице, а целые дни проводил в вестибюле института, ловя минуты встречи со мной. У меня была отдельная небольшая палата на третьем этаже, но его туда не пускали. Вообще, там было немного «подопытных». Я видела там карликов и гигантов, мужчин с огромными животами и обросших волосами женщин. Я себя чувствовала там белой вороной и ни с кем не контактировалась, помимо персонала и Толи, читая целыми днями (давно у меня не было возможности читать просто так, для наслаждения). Положение изменилось только через месяц, когда одна за другой поступили туда две мои ровесницы: одна – художница (русская), другая – учительница английского языка (еврейка). Вскоре мы подружились, и дружба наша (втроем плюс наши мужья) длилась до самого нашего выезда из СССР. Обе они были бездетные и во что бы то ни стало хотели с в о и х детей.

В начале марта, не объяснив, в чем проблема, мне объявили, что решено было меня прооперировать. Я никогда раньше не оперировалась. Мне было страшно, и я отказалась. Профессор пригласил Толю наверх, долго с ним разговаривал наедине, а потом пригласил меня. Профессор вышел, а Толя не ушел, пока меня не переубедил, и я дала свое согласие.

Моя операция, единственная в тот день, была назначена на восьмое марта, и с вечера стали меня к ней готовить. Очевидно, мне дали успокоительное, потому что я вдруг перестала бояться. 8-го марта рано утром я спустилась в вестибюль. Толя уже был там,

и, увидев меня, бросился ко мне с букетом цветов – это был день нашего знакомства (помимо всего). Я держалась лучше его: у него в глазах были слезы, когда он сказал: «Всё будет хорошо! Профессор обещал, а я отсюда никуда не уйду!» Наверху меня уже ждали и моментально забрали в предоперационную. Я была уже готова, когда вдруг вошел какой-то врач и сказал: «Операция отменяется!» Еще до того, как стоящие возле меня «белые халаты» очухались, я уже спрыгнула со стола и в одном только голубом халате побежала к лифту и спустилась к Толе. Увидев меня, Толя чуть не потерял сознание: он был уверен, что я в последнюю минуту передумала и убежала. Теперь мне пришлось его успокаивать, хотя чем объяснить, я не знала. Лишь потом мне сказали, что, боясь, что после встречи 8-го Марта кто-нибудь из «действующего» персонала мог еще быть «навеселе», профессор позвонил и перенес операцию на десятое число. Восьмого марта в вестибюле вместе с нашими новыми друзьями мы отметили праздник, а десятого меня прооперировал ассистент проф. Николаева доктор Керцман. Профессор только присутствовал: он уже давно перестал оперировать – возраст! Сколько длилась операция, чем она закончилась, мы узнали только спустя пару месяцев после получения результатов гистологии уже дома. У меня был текоматоз обоих яичников. Сделали мне только частичную резекцию (в другом месте мне бы удалили все гениталии), и я через месяц получила месячные. Климакс наступил только пятнадцать лет спустя в Израиле, но беременностей больше не было – не было Илюши!

Во время летних каникул пока Толя был занят на работе, мы с Аллой поехали в месячное турне: Киев, Москва, Ленинград, Рига, Таллин, Вильнюс, Одесса, Черновцы. В каждом городе мы останавливались по несколько дней. В Москве в Елисейском гастрономе разгружали ящики с коньяком. В октябре я собиралась устроить Толин пятидесятилетний юбилей дома – 4 октября 1968 года. В подвале у нас было полно напитков, не было только коньяка – в Черновцах в то время его вдруг не стало. Недолго думая, я накупила два ящика пятизвездочного коньяка, и на такси мы с Аллой завезли его на вокзал в камеру хранения. Так мы с этими ящиками при помощи носильщиков постоянно возились, пока не вернулись домой. Я очень гордилась собой (Алла меня постоянно ругала): хотела сделать Толе приятный сюрприз. Каково было

мое разочарование, когда спустившись в подвал, обнаружила там три ящика коньяка – Толину «добычу». Услышав Аллин рассказ о наших мытарствах, Толя расхохотался. Потом он всем об этом рассказал, и мой «подвиг» стал поводом для общего смеха. Но я не обижалась, и выливать его не пришлось: Толин юбилей мы праздновали целых два дня, а потом в течение целой недели наши друзья прибегали после работы на «остатки». Во время зимних каникул мы с Толей поехали сначала в Москву, затем в Таллин, где вместе с его друзьями и их семьями в ресторанах отметили эту дату «по второму кругу». Еще два года пролетели как в сказке.

*У калитки своего дома.
г. Черновцы, 2004 г.*

Глава 3.

ИЗ СОВЕТСКОГО «РАЯ» НА РОДИНУ

Наступил 1970-й год, и с ним – революция в сознании еврейской интеллигенции, которую вдруг потянуло в Израиль. Сама попытка угона самолета с этой целью потерпела провал, и инициаторов – участников акта посадили в тюрьму на долгие годы. Но сам акт привел к чуду – к официальному разрешению евреям, имеющим родственников в Израиле, покинуть страну – СССР, точнее, репатрироваться на свою Родину (историческую) 2000 лет спустя.

«Лед тронулся!» – еврейство зашевелилось, стали искать «корни» и родственников, за наличие которых раньше могли просто посадить. Официальное разрешение, спущенное Брежневым, в то время Генеральным секретарем Коммунистической партии и т. д. и т. п. было, но на местах всеми силами препятствовали его выполнению. Начались репрессии по отношению к желающим уехать: их открыто стали называть «изменниками Родины», исключать из партии, выгонять с работы и чего только нет. Пламя приглушенного ранее антисемитизма разгорелось вовсю. Но, несмотря на всё это, поток покидающих страну евреев с каждым днем увеличивался. Мы тоже «заболели» этой лихорадкой! Точнее, Толя – бывший сионист при румынах и папа – старый, настоящий еврей! Но я боялась. Надо было пройти через открытое партийное собрание в школе, которое я вряд ли выдержала бы. Пришлось вмешаться Толе. Договорившись с моим директором, решено было подготовить справки о моем плохом состоянии здоровья, на основании которых я должна была написать заявление о предоставлении мне отпуска по состоянию здоровья на год – нам его должно было хватить. Шел 1971-й год. За спиной у меня были двадцать лет педагогической деятельности, к которой, думала я, вряд ли когда-нибудь смогу вернуться... Первый шаг был сделан. Нужно было спланировать дальнейшие шаги.

«Защепка» у нас была: папа с Женей могли получить вызов от дяди Тоби, папиного брата, который эмигрировал из Бухареста в Израиль еще в пятидесятых годах, а мы с Толей – от Сони, которая уже получила вызов по линии мужа. За нами должны были приехать Дорина с семьей по нашим вызовам. Но Толя решил по-другому.

«Сначала, – сказал он, – мы должны отправить туда молодежь (Бог знает, как долго эта «лазейка» останется открытой). Мы туда

поедем последними». С ним нельзя было не согласиться, и по вызову Сони, Толиной сестры, сначала поехали его племянники: Володя, Нюся и Клара с семьями. Все расходы Толя взял на себя, но они обещали, что в долгу не останутся. Папин брат ему вызов не выслал, боясь, что он с женой «свалится на его голову» (его слова). Женя вообще отказалась поехать, не желая оставить свою сестру и братьев в Черновцах. Оля наотрез отказалась оставить свою Родину и поехать в еврейское государство, а о том, чтобы отпустить Карла, и речи быть не могло (у них уже был общий сынок Саша). Карл и сам не был готов оставить семью, а Дорина с Яшей не хотели уезжать

*Последнее фото папы
в возрасте 85 лет.
Черновцы, 1972 г.*

без Карла. Ситуация была невыносима. Проблемы казались неразрешимыми, и, не выдержав всего этого, папа получил обширный инфаркт. Всё отошло на второй план: мы все бросились его спасать. Положили в лучшую больницу, пригласили лучших профессоров, но за инфарктом последовал инсульт, и спустя пару месяцев – 21 мая 1972 года – он скончался, так и не придя в себя. Пришлось отложить поездку на год, после установления памятника.

Смерть папы, самого дорогого мне после мамы человека, нанесла мне непоправимый удар: я обвиняла себя в его смерти, хотя ему было уже восемьдесят пять лет и он долгие годы страдал от гипертонии. У меня опять появилась мысль о самоубийстве. Мне никого не хотелось видеть и ничего не хотелось делать. Толя всеми силами старался вывести меня из этого состояния. Все заботы он взвалил на себя. Узнав, что в Житомире делают хорошие памятники (вероятно, там был карьер мрамора), он предложил мне поехать с ним туда, чтобы заказать памятник по моему вкусу. Я, не раздумывая, поехала. Была уже поздняя осень. Поехали мы туда с Ваней, но с трудом добрались: дорога была размыта.

Доехали мы только к вечеру и заехали в «Готель». Мы оказались единственными гостями. Помещение было неотапленное, комната была неуютная, а постель была серо-буро-малинового цвета. Толя попросил поменять постель, и нам принесли еще не совсем высушенное, но глаженое белье. Кушать там было негде, и Ваня поехал

что-нибудь достать. Не дождавшись горячего чая, мы легли спать. Я с себя шубу не сняла. Толя, врожденный педант, лег в пижаме. Ночью он замерз и утром еле встал. Заказав памятник из черного мрамора с инкрустированным папиным портретом (на пьедестале мы попросили добавить и имя мамы), мы вернулись домой.

Толя горел: у него было двустороннее воспаление легких. Не отходя от его постели ни днем, ни ночью, я его еле выходила. Но мысль о том, что всё происходящее – кара Божья за мои грехи, не покидала меня, и про себя я решила: если, упаси Бог, он тоже уйдет, я уйду вместе с ним. Он не ушел, но у него стало пошаливать сердце.

Поправившись, Толя стал опять заниматься нашими делами. К нам, не переставая, приходили знакомые и незнакомые нам люди (в основном, люди с высшим образованием) с просьбой помочь им с деньгами. За каждой мелочью нужно было ехать в Москву – даже за копиями документов, кроме того, что платить нужно было за багаж, дорогу, визу и за полученное в свое время «бесплатное образование». Безо всяких рекомендаций или расписок Толя раздавал накопленное годами состояние, желая отправить в Израиль как можно больше людей, одновременно надеясь получить назад хотя бы часть по приезде т у д а.

Вдруг мы узнали, что жена какого-то дальнего родственника Толи (Шимона Креписмана), которому он дал деньги на поездку, не желая уезжать в Израиль, пустила слух, что Толя – сионист, что у него связь с Израилем и что он «вербует» людей с высшим образованием, оплачивая все расходы. Остаться там стало уже опасно, и мы начали паковать багаж. Срок нашей визы уже истек, и мы ждали продленную визу.

Когда в доме помимо ящиков почти ничего больше не осталось, жить в доме стало невыносимо, и мы решили «подскочить» попрощаться с Гордонами – Яковом Ильичем, моим бывшим руководителем дипломной работы (в связи со смертью Сталина потерявшей актуальность и так и не доросшей до диссертации), и его теперь женой Асей, с которыми мы продолжали переписываться.

В Ташкент мы прилетели благополучно, но, когда на следующее утро мы пересели на небольшой самолет, чтобы попасть к Гордонам, мы чуть не оказались на том свете: шасси не выходило, и нам пришлось кружиться над Ташкентом, пока не выгорел бензин. Нетрудно себе представить, что творилось в самолете. А Толя весь этот «спектакль», несмотря на шум, крики и плач, проспал

(за завтраком в ресторане он «перебрал»). Проснувшись лишь при вынужденной посадке самолета и узрев там машины «скорой помощи», пожарные машины и уйму народу, он спросил, что случилось. Позже он меня похвалил за выдержку.

На самом деле это была не выдержка, а уверенность в том, что это был КОНЕЦ!

Приехав домой, вместо продленных виз мы застали приглашение в ОВИР – отдел милиции по выдаче виз. Утром после проведенной бессонной ночи мы пошли туда. Очередь была большая. Мы терпеливо ждали неизвестного. Оказалось, что визы мы получим лишь после того, как я верну им свой диплом об окончании университета. Я отказалась наотрез, приводя убедительные доводы о том, что свой диплом я «отработала» по назначению в двойном размере – в течение шести лет вместо положенных в то время трех и что за полученное высшее образование я, несмотря на это, уже внесла «положенную» сумму. Прервав меня, начальник, улыбаясь, сказал: «Итак, гражданочка, выбирайте: виза или диплом! Впрочем, – продолжил он, – диплом Вам в Израиле вообще не понадобится: Вы там будете мыть полы!» Спорить было бессмысленно, и я отдала диплом. Расплакалась я только на улице. Толя, как мог, старался меня успокоить, сказав, что вполне возможно, что мне в Израиле вообще не понадобится работать. Ведь он туда отправил всё свое состояние, и, если нам хоть половину его отдадут, то он сможет там открыть свой собственный цех по производству соков, а всё необходимое мы с собой берем, начиная с мебели и кончая маникюрным прибором, так что приобретать там ничего не придется, кроме электрических товаров, которые нам посоветовали не привозить. Одежды нам тоже хватит на целых десять лет, квартиру мы там получим, так что пускай скромно, но мы сможем жить. «До ста лет», – улыбаясь сквозь слезы, добавила я. «Нет, – поправил он меня, – в Израиле живут до ста двадцати!»

Смех смехом, но Толя правильно рассуждал: по сравнению с другими семьями мы хорошо уезжали, обеспечив при этом и отъезд наших близких, временно остающихся там людей. Все они получили необходимые суммы: Женя – на всякий случай, Дорина с семьей, Толина племянница Лиза и Алла, которая после смерти матери осталась одна. Уезжать с нами она отказалась, не желая оставлять там своего брата Борю с женой, которые потом уехали в Америку, оставив ее в Союзе.

Неразрешенной всё еще оставалась проблема с домом, моим домом, моим «детищем», который по новоиспеченному закону нельзя было ни продать, ни передать, ни подарить: он подлежал национализации. Мы уже потеряли надежду, когда вдруг на горизонте появился какой-то реабилитированный, бывший депортированный, который имел право на приобретение жилплощади в том городе, откуда его забрали, т. е. в Черновцах. На приобретение дома вместо национализированного государство ему отпускало пять тысяч долларов. Облюбовав наш дом, он его добился, а мы получили деньги, которых не хватило даже на приобретение электрических товаров в Израиле! Но мы его все-таки продали, и он попал в хорошие руки.

Настало время поехать в Бершадь «попрощаться» с мамой. Толя продолжал работать (он работал до последнего дня), так что мы с Дориной, заказав такси с шофером на двое суток, отправились туда. Приехав, мы стали искать то место, где, как мы помнили, должны были быть те самые братские могилы, которые мы оставили за собой. Но там ничего не было: ни признаков могил, ни памятников, ни даже таблички. Нигде ни единого слова о том, что там погребены тысячи евреев, невинных жертв фашизма. Так же, как и мы, заплаканная, там бродила одинокая женщина. Разговорившись, мы узнали, что она также была в гетто Бершадь, что ее родители также «похоронены» там и что она поездом и автобусами с трудом добралась туда. Мы предложили ей поехать с нами назад, предварительно переночевав в той же гостинице, где мы остановились. Она не знала, как нас отблагодарить.

Когда на следующее утро мы отправились домой, по пути она нам рассказала свою трагическую историю. Они были простыми рабочими, бедными людьми, но у них во Львове жил зажиточный дядя, который обещал дать им деньги на дорогу. Полные надежд, они ушли с работы, подали полученный от старшего брата мужа вызов, получили разрешение на выезд, но уплатить за визы и дорогу

*Во дворе своего дома (моего «детища»).
ул. Обнорского, 2, Черновцы,
2004 г.*

у них денег не оказалось: их дядя, сообразив, что свои деньги назад он не увидит, в последнюю минуту отказался от своего обещания. Их было трое: Ада – так звали ту женщину, Петя – ее муж и десятилетний Марик. Дорога была длинная и очень утомительная.

Подъезжая к Черновцам, я предложила ей заехать сначала к нам, обещая, что как только муж вернется с работы, ее отвезут домой. Она охотно согласилась. После принятия душа мы сели за стол, и тут же появился Толя с Ваней. Я знала, что деньги у нас на исходе, но, зная Толю, я надеялась, что он что-нибудь придумает. И действительно, услышав, что срок их визы истекал через несколько дней, он тут же куда-то поехал, привез деньги и отдал их ей. Сквозь слезы радости она обещала их отдать, как только мы приедем в Израиль. На второй день явилась Ада с матерью мужа, и Толя ей тоже дал деньги. За ней последовал второй брат Пети, Боря, с женой и ребенком, а за Борей – их старший брат с женой, дочкой, зятем и новорожденным. Толя взял деньги, оставив доверенность на получение его зарплаты, отпускных, премиальных после нашего отъезда, и вся семья уехала. Это были простые, но очень порядочные, трудолюбивые люди. Их фамилия Клейман, и они живут в Реховоте. Без ульпана и без языка они тут же устроились на работу и, ничего не приобретая, копили деньги, чтобы расплатиться с нами. Первые деньги, которые мы получили назад, приехав в Израиль, были от них! Помимо денег они вручили нам и десять наших ящичков (у них совсем не было багажа, а у нас было тридцать ящичков, не было у них колец тоже, и я всем женщинам надела по кольцу, т. к. помимо обручального разрешалось вывести еще одно кольцо, не больше: они нам сами предложили свои услуги). Тогда мы еще жили в Рамат-Гане, и всё это они привезли нам туда. Сейчас мы тоже живем в Реховоте и часто встречаемся. Побольше бы таких людей!

Прошел год после смерти папы, и, установив памятник со всеми почестями, мы были уже готовы выезжать. Непредвиденной проблемой, с которой мне пришлось немало возиться, был Пик! Точнее, не Пик. Он был лишь дополнительной зацепкой, которая должна была усложнить наш выезд. Во всем, что делалось, было какое-то совершенно нелогичное противоречие: ведь на протяжении веков мы были нежеланными гражданами, и в качестве ругательства нас постоянно «посылали в Палестину», предварительно обозвав жидами. И вот сейчас, когда появилась такая возможность, делалось всё, чтобы нас удержат.

Для того, чтобы взять Пика с собой, понадобилась куча документов, в том числе «свидетельство о его рождении», т. е. установление его породы – спаниель и документ о его легальном приобретении – очевидно, они должны были быть уверены в том, что мы его не украли! Никаких таких документов у нас не было. Я купила Пика совершенно случайно на базаре (вместо курицы) за три рубля. Это был маленький красивый черный щенок, о породе которого ни я, ни его хозяйка ничего не подозревали. Я его выкормила и вырастила, как собственного ребенка, безумно любила, а он мне отвечал взаимностью и по-настоящему «собачьей преданностью». Из-за своей педантичности Толя сначала его невлюбил, затем стал ревновать его ко мне. Но, видно, если любишь жену, полюбишь и ее собачку, ибо со временем он его тоже полюбил (не только терпел). Пик стал признанным «членом нашей семьи» даже нашими родными и друзьями: он их дружелюбно впускал в дом и с удовольствием ездил к ним в гости. Более того, он стал ездить с нами повсюду: в лес, на озеро, на Прут и даже в Одессу на машине. О том, чтобы оставить его там, не могло быть и речи. Пришлось, рискуя собственной поездкой, «сфабриковать» документы. После этого началось хождение по ветеринарным врачам для обследования состояния здоровья, получения необходимых прививок и уколов и чего только нет. Лишь при наличии всего этого, получив «визу», «он» мог приобрести проездной билет в нашем купе. Сейчас мы могли уже выезжать, и мы облегченно вздохнули.

Прежде всего нужно было отправить багаж, чтобы не пришлось ждать его во Львове, где проводилась предварительная проверка багажа перед Чопом. Когда мы только начали заниматься упаковкой и в дом занесли ящики, которые мы начали потихоньку заполнять, не понимая, что происходит, но чувствуя, что происходит что-то непривычное, Пик впал в депрессию: перестал есть и пить, приуныл, следил за мной и не отходил от меня ни на минутку. За неделю он сильно похудел. Пришлось пойти с ним к ветеринарному врачу, который назначил ему витамин В-12, и мы каждые три дня ездили с ним на уколы. Это ему помогло! Можно было ехать! Приехала большая грузовая машина с носильщиками. Как только они подняли первый большой ящик с мебелью и направились к выходу, Пик набросился на них с лаем, а одному из носильщиков даже разорвал брюки. Толя с трудом оторвал его от испуганного человека и закрыл его в ванной. Такого никогда ранее не случалось.

Он всегда неохотно впускал в дом незнакомых людей, но стоило нам выйти навстречу и пригласить в дом, как он тут же «заводил» с ними дружбу. Сейчас он не переставал лаять. Пришлось к нему зайти и успокоить. Когда мы вдвоем вышли из ванной, в доме никого не было (Толя поехал с багажом), а дом был пустой. У меня навернулись слезы. У него тоже. До отъезда осталось три дня. В дом опять занесли из сарая лотербет Натальи Федоровны. И на этот раз он сослужил нам добрую службу. Пик спал на полу рядом с нами и при каждом нашем движении настороженно вставал и пристально смотрел на нас. Это были тяжелые дни прощания с соседями и друзьями навсегда, а с родными – в надежде на встречу ТАМ.

В день отъезда мы рано утром поехали на кладбище попросить у папы прощения и благословения. Вернувшись домой, я стала собирать последний чемодан, который мы должны были брать с собой. Пустой открытый большой чемодан лежал в нашей бывшей спальне на полу. Я пошла собрать оставшиеся самые необходимые вещи. Вернувшись с охапкой одежды, я увидела Пика в чемодане. Он туда залез! С одной стороны свисал его шикарный хвост, с другой – его мордочка со своими длинными ушами и черными, как смоль, залитыми слезами глазами. Поняв его, я всё бросила на пол, и, опустившись на колени и расплакавшись, стала успокаивать его. Прижав его головку к своей груди, я говорила ему, как сильно я его люблю, как дорог он нам, что мы никогда его не бросим и что он поедет с нами. Из чемодана я его с трудом вытащила. Слезы уже не текли, а лились по лицу. Я не могла перестать плакать, и он плакал вместе со мной. Успокоили его окончательно мои объятия и поцелуи. Но, когда наконец я закрыла чемодан, он на него лег!

Среди провожавших нас была Лиза, Толина племянница, вот уже второй раз приехавшая, кажется, из Днепродзержинска, за деньгами. Она не смогла уехать вместе со всеми из-за своего мужа-украинца, не желающего дать ей развод. «Поумнев» со временем, он сейчас потребовал денежную компенсацию, и она приехала получить «добавку». Там же была Катя, наша соседка из дома напротив, с которой я дружила, и однажды во время летних каникул, пока наши мужья работали, мы с ней поехали на Кавказ. Она была русской, учительницей русского языка и литературы, завучем какого-то техникума, а муж ее, тоже Толя, – местный украинец, инженер-строитель, депутат Верховного Совета Украины. Провожать «изменников Родины» было большим подвигом. Я не ожидала, тем

более что накануне вечером она заскочила к нам попрощаться. Муж побоялся! Обнимаясь, на прощание она, не выдержав, шепнула: «Прости, Жозефина, но я никак не могу понять: чего ВАМ тут не хватало?» Во всеуслышание я ответила: «РОДИНЫ!»

Хотя у Пика было место в купе, согласно купленному билету, лежал он на полу головой на моих ногах, и, как только я делала какое-то движение, он тут же настораживался.

До Львова мы ехали всю ночь. Я ждала больших остановок, чтобы его выгулять, но он ни за что не хотел сдвинуться с места. Однажды, уточнив длительность остановки у проводника, я взяла его на руки и вместе с ним спустилась по ступенькам, но как только я его спустила на землю, он тут же заскочил на ступеньки и побежал назад в купе. Было ясно, что мне его не сломить, и я боялась за возможные последствия. Но всё обошлось.

Во Львове на таможне нас ждал багаж и... инквизиция: нам не разрешалось близко подойти к багажу, хотя наше присутствие было обязательное. Злобно открывая ящики, они выбрасывали на пол содержимое, разрезали мягкую мебель, выкручивали ножки и разбрасывали их, раструсивали и местами даже распарывали одежду. Одним словом, настоящий вандализм. Всё, что мы так бережно запаковали, теперь валялось на земле. Мы были глубоко возмущены, но виду не подавали. Ясно было, что они что-то ищут, но мы спокойно наблюдали, зная, что они ничего не найдут, т. к. там ничего не было (с собой мы ничего не везли!). Но они что-то, да нашли. Зацепку! В то время по закону разрешалось вывозить всё, что находилось в доме, но ничего нового. У нас был настольный проигрыватель и магнитофон «Сони», но мне, будучи в Риге, понравилась «Ригонда», которая недавно появилась в продаже. Желая мне угодить, Толя ее купил, и, немного доплатив, они отметили в паспорте прошлогоднюю дату продажи. Раскрутив лампочки, они оказались совсем новыми: на них была недавняя дата выпуска с завода.

Никакие наши объяснения о том, что нам пришлось заменить лампочки, не помогли. Оставив разбросанный багаж, Толю повели к начальнику таможни. Я побежала вслед за ним, а Пик – за мной. Нас к начальнику не впустили. Это была пятница. У нас забрали визы, и нам дали подписать акт проверки и приказ о невыезде из города. В понедельник в восемь часов утра мы должны были опять

к нему явиться. Ни живы, ни мертвы, мы поехали в город к папиной дальней родственнице. Ночью у Толи начался сердечный приступ.

«Скорую» мы вызвали, но в больницу его нельзя было положить: у нас уже не было гражданства и никаких других документов. В такой ситуации в Союзе легче было попасть в тюрьму, чем в больницу. Благо, что у нас было еще немного денег, которые мы собирались оставить той родственнице, одинокой женщине, и она пригласила хорошего врача-кардиолога, который его фактически спас.

В понедельник утром, еле держась на ногах, он предстал перед «инквизитором». Посмотрев на Толю, который был белый, как бумага, и еле держался на ногах, очевидно, боясь, что он умрет в его кабинете, он моментально вызвал кого-то, велел конфисковать «Ригонду», забить ящики и немедленно переправить наш багаж в уже стоящий на станции поезд, отправляющийся в Чоп. Подписав какие-то документы, не прочитав их, я получила наши визы, и, попросив помощи у какого-то постороннего человека, мы с трудом дотащили Толю до поезда. Первым в поезд вспрыгнул Пик, а при помощи проводника мы все добрались до нашего купе. Не успели мы уложить Толю, как поезд тронулся. Я напичкала Толю лекарствами, и он вскоре уснул.

Пока мы бегали туда-сюда, Пик от меня ни на шаг не отходил: он шел так, чтобы постоянно касаться моей ноги. Сейчас, когда Толя уснул, расслабившись, он вспрыгнул на мою полку, и так, в обнимку, мы уснули.

По прибытии в Чоп по моей просьбе Толю занесли в медпункт, я занималась оформлением документации, а Пик, как всегда, «согревал» мне ноги. Я думала, что это всё, но нет: Пик должен был пройти рентгеновское просвечивание – процедуру для обнаруживания бриллиантов, и за ним пришли двое пограничников. Они попытались его забрать, но не тут-то было! Он встал передо мной на задние лапы, передними обхватил мою левую ногу, и никакими силами нельзя было его от меня оторвать. До отправления поезда остались считанные минуты. Махнув рукой, они ушли, а мы с Пиком побежали в медпункт. Там Толи не оказалось. Я чуть не потеряла сознание, когда ко мне подошли два санитары и сказали: «Ваш муж уже в поезде. Мы его уложили. Бегите, поезд уже отправляется!» Я даже не успела их поблагодарить: тут же побежала, а Пик, естественно, за мной. Мы еще не успели дойти до нашего купе, как поезд тронулся. Толю мы застали ни живым, ни

мертвым: он был уверен, что меня почему-то задержали. Обняв и поцеловав его, я с трудом произнесла: «Держись, Толенька! Всё уже позади!», а сама заплакала. Но это были другие – сладкие слезы!

В Вену мы прибыли в полдень. На перроне нас встречали какие-то люди, которые на английском и еврейском языках поздравили нас с приездом и развели по автобусам. Обратившись на английском к одному из них, я объяснила, в каком состоянии находился Толя, и нас повезли на машине «Красного Креста». Она довезла нас до какого-то дворца (забыла название), где расположился пересылочный пункт. Толю завезли прямо в медпункт, а мы с Пиком пошли оформляться. В большом зале с левой стороны под стенкой стоял ряд столов, за которыми сидело несколько человек, мужчины и женщины. Посередине столов красовались бело-голубые флажки. Увидев их, сердце невольно защемило. С правой стороны был такой же ряд столов, тоже люди, но другие флажки – американские. Посередине, от края до края, стояли накрытые белоснежными скатертями столы, которые ломались от каких-то разноцветных напитков, бутербродов, печенья, пирожных и груды одноразовых стаканчиков и тарелочек. Я была поражена. В первую очередь я попросила чистую воду и глубокую мисочку для Пика – он всю дорогу ничего не ел и не пил. Нам тут же принесли.

Прибывшие моментально разделились на две группы. С правой стороны большинство было молодые мужчины с семьями. Остальные, в том числе и мы с Пиком, пошли налево: для нас с Толей выбора быть не могло. Мы прошли через весь тот кромешный ад только для того, чтобы попасть в Израиль. С оформленными документами мы с Пиком побежали к Толе.

Я не знаю, чем его там пичкали, но я уверена, что не медикаменты поставили его на ноги. Обняв и поцеловав меня, он сказал: «Какая ты молодчинка! Спасибо за всё!»

Нам выделили отдельную комнату с тремя кроватями, и, указав на одну из них Пику, я постучала по постели и сказала: «Это твоё ложе!» Он же прыгнул на мою кровать и лег у моих ног. Отдохнув, мы вышли прогуляться. Точнее, нужно было Пика выгулять: со Львова он ни разу не выходил по надобности, и я боялась, что его «прорвет».

Во дворе здания стояли кучки людей. Там разыгрывались семейные трагедии: взрослые дети, отделившиеся от своих

родителей, уезжали в Америку, отправляя их на попечение молодого израильского государства.

Обед и ужин были обильные и разнообразные. Помимо разноцветных напитков я там впервые увидела разноцветные молочные продукты в одноразовых стаканчиках. Всё радовало глаз, а отношение к нам было вежливое и теплое.

На второй день приехал к нам израильский посол в Австрии собственной персоной, который вкратце ознакомил нас с предстоящими процедурами, мероприятиями, а главное, правилами поведения: в связи с террористическими актами нам не разрешалось выходить за пределы дворца. Мне же очень хотелось увидеть Вену: «Кто знает, – подумала я, – попаду ли я еще когда-нибудь сюда». Выходя из зала, к нам подошел сам посол. Точнее, не к нам, а к Пикку! Оказалось, что у него дома в Тель-Авиве была точно такая же собачка и что он по ней очень скучал. Он предложил продать ему Пика. Я сказала: «Извините, но друзей не продают!» Ему это понравилось, и мы с ним разговорились. Он нас о многом расспрашивал (разговаривали мы на английском). Когда вопрос коснулся образования, я рассказала ему, что у меня забрали диплом перед отъездом, и он посоветовал мне немедленно по прибытии в Израиль сообщить об этом в министерство иностранных дел, в министерство просвещения и в голландское посольство. Я так и сделала. (Свой диплом с прикрепленным к нему приложением голландского посольства я получила только три года спустя!)

Мы вышли вместе в сад. Время от времени он гладил Пика по головке, а Пик не возражал (собаки чувствуют любящих их людей на расстоянии). Между прочим, я рассказала ему, что хорошо знакома с немецкой культурой и литературой, что мечтала попасть в Вену и что очень огорчена тем, что лишена этой возможности. Недолго думая, он предложил нам остаться с Пиком на пару часов с тем, чтобы мы с Толей на его машине сделали «турне» по Вене. Но только при условии не выходить из машины.

Итак, в личной машине израильского посла с Толей и шофером-немцем мы отправились обозревать красавицу Вену. Я сидела рядом с шофером, и мы с ним разговорились. Он оказался очень интеллигентным молодым человеком, и мы всю дорогу болтали. Сначала мы объехали центр, а потом, извинившись, я спросила, можно ли его попросить показать нам какие-то достопримечательности столицы, места, связанные с именами

любимых мною писателей и композиторов. Когда я назвала имена нескольких знаменитостей, он во второй раз удивился (в первый – когда я заговорила на хорошем литературном немецком языке). Он не только согласился, но сделал это с удовольствием и с комментариями хорошего гида и жителя города, который он любил и которым гордился. На обратном пути он нас завез в какой-то парк, и на машине мы по нему «гуляли». Там деревья были пострижены так, что они изображали разных зверей. Я была поражена и запомнила их навсегда. Там же я впервые увидела разноцветные деревья: их кроны были не обычного зеленого цвета, а красные, розовые, белые и фиолетовые. Листьев не было, были одни цветы! Мы также воочию увидели знакомые нам по картинкам памятники, знаменитый Оперный театр (снаружи), дома, где проживали И. Штраус и Моцарт.

Вернувшись в замок, мы от души поблагодарили как посла, так и шофера. В свою очередь господин посол поблагодарил нас за предоставленное ему удовольствие «общаться» с Пиком. А Пик, увидев нас, тут же подбежал к нам и радостно стал прыгать вокруг нас. Прощаясь, посол пожелал нам легкой абсорбции. Мы поблагодарили, хотя не очень-то понимали, что он имел в виду.

В ожидании следующей партии эмигрантов из Союза, желающих поехать в Израиль, прошли несколько дней. За это время Пику, сняв мерку, должны были смастерить клетку, без которой собак не разрешалось перевозить в пассажирском самолете. В четверг вечером нас попросили собраться у входа. Там с двух сторон и до самого автобуса, ожидающего нас, стоял вооруженный «почетный караул». Обстановка была необычная. Все нервничали. Только в автобусе я смогла обратиться к сопровождающему нас молодому человеку с винтовкой, спросив, где клетка для Пика. Ответ был: «Не волнуйтесь, она в багажнике». Обстановка была напряженная. Все выглядели, желая увидеть аэропорт, но автобус остановился, нам велели выйти, и опять «под конвоем» нам предстояло перейти из автобуса в ожидающий нас самолет. Вместо знакомых нам букв АН мы впервые увидели незнакомые нам буквы – EL-AL. Оказалось, что нас подвезли прямо на взлетное поле, минуя аэропорт, и в темноте ночи, волнуясь и не понимая, что происходит, начали подниматься по трапу в самолет. Там у входа стояли несколько красавиц стюардесс, которые с улыбкой на лицах приветствовали, помогали и пропускали прибывших. Всё шло

нормально, но, когда я с Пиком добралась до них, нас остановили: без клетки Пика не пускали в самолет. Я объяснила, что клетка должна быть в багажнике автобуса, но ее там не оказалось, и Пика не впускали. Тут создалась «пробка». Люди стали возмущаться и требовать, чтобы освободили проход. Пришлось вызвать командира экипажа самолета – молодого красавца, которому мне пришлось опять всё объяснить. На очень хорошем английском он извинился, объяснил, что при всем желании он не мог нарушить международное правило. В ответ я объявила, что без Пика не полечу, и то же уже на русском повторила Толе. Он побледнел. Зная, с каким нетерпением и беспокойством нас ожидала Соня в Израиле, я предложила ему полететь одному, пообещав, что я с Пиком прилечу следующим рейсом для иммигрантов. «Это исключено!» – сказал он дрожащим голосом.

Пока мы с ним «торговались», начался сильный ажиотаж: люди требовали, чтобы мы сошли с трапа, и мы сошли. Я плакала, как маленький ребенок, а Пик, чуя, что происходит что-то неладное, опять схватил мою ногу в свои лапы, глядя мне прямо в глаза. У меня сердце разрывалось. Я стала ему объяснять положение и обещать, что я его не брошу. Пассажиры торопливо проходили мимо нас на посадку. Когда посадка завершилась, командир опять появился, спустился к нам и стал меня уговаривать сесть в самолет, т. к. они уже и так задержали вылет, обещая, что он лично займется решением вопроса, что Пика пока отвезут назад во дворец и что следующим рейсом, который будет в воскресенье, он его лично привезет. Посмотрев на Толю и побоявшись, что у него опять будет приступ, я попросилась с Пиком, и, не переставая плакать, взяла Толю за руку и сказала: «Пошли!»

Что было дальше, я не знаю: я всю дорогу проплакала, не дотрагиваясь ни до еды, ни до питья. Лишь когда мы пошли на посадку, и все зааплодировали, я поняла, что мы в конце концов добрались до Израиля, и, не переставая плакать, я поцеловала Толю: это была его мечта и его заслуга! Еще пара минут, и мы вступили на нашу священную землю!

Глава 4.

НА СВОЕЙ РОДИНЕ

Как только самолет приземлился, нам разрешили выходить. Навстречу нам побежала толпа людей с песней «Евену шалом алейхем». Они пели и танцевали, а мы ничего не понимали, но, растроганные приемом, заплакали. У каждого из нас был свой тернистый путь сюда, но мы уже здесь, а эти люди – наши братья и сестры, и было ясно, что они рады нашему приезду. Что касается нас, то мы были просто счастливы.

Окруженные толпой, которая не переставала петь и танцевать, нас подняли на второй этаж, где заседала приемная комиссия Сохнута. Там за отдельными столиками проходила проверка документов, регистрация и распределение по ульпанам. Для людей с высшим образованием были закрытые ульпаны с полным обеспечением. Нам предложили поехать в Нацерет-Илит. В то время мы, кроме Иерусалима, Тель-Авива и Хайфы, а еще Рамат-Гана, где жил дядя Тоби, и Кирьят-Хаима, где жила Соня, ничего не знали. Я попросила разрешить нам поехать в Рамат-Ган, объяснив, что там жил единственный оставшийся в живых папин брат, которого я не видела более тридцати лет. Мне тут же объяснили, что это невозможно, т. к. Рамат-Ган не олимовский город, и что, следовательно, там нет ульпанов, а о квартирах не могло быть и речи. Я же настаивала на своем, сказав, что я приехала ради него. Разговор шел на английском. Толя ничего не понимал. Пришлось ему переводить. Тогда он предложил поехать куда-то возле Хайфы, дабы быть рядом с его семьей. Я же об этом и слышать не хотела и настаивала на своем. Кончилось тем, что после долгих дебатов, отказавшись от закрытого ульпана, мы получили какой-то адрес в Рамат-Гане, где будто бы уже давно пустовала какая-то квартира. Поблагодарив и расписавшись под отказом от ульпана, нам разрешили спуститься в зал ожидания, где ждали родственники. Кроме наших родственников там больше никого не было: все давным-давно уже разъехались.

Нас там, уже обеспокоенные, ждали Хаим, муж Сони, и Володя – Толин племянник, на машине которого мы поехали в Кирьят-Хаим к Толиной сестре. Дорога мне показалась длинной, грязной и пустынной. Это была пятница. Несколько часов спустя

*Володя Фишман (Толин
племянник) с женой Цилей.
Израиль, 1977 г.*

у Сони собралась вся Толина семья, кроме Лизы: она с маленькой девочкой, оставив там мужа, приехала только в начале следующего года. Мы приехали 15 мая 1973 года.

У Сони с Хаимом тоже не было детей, но точно так же, как для своих племянников Толя был больше, чем отцом, так и Соня была для них заботливой, преданной матерью. У нее всегда были Толины деньги и право распоряжаться ими по своему усмотрению, а она им никогда ни в чем не отказывала.

Приехав в Израиль на два года раньше нас, они без улыпаня, т. к. Хаим хорошо знал иврит, получили трехкомнатную небольшую квартиру у самого моря. Прием был на высшем уровне – Соня была очень хорошей хозяйкой и «мастерицей» еврейских блюд, встреча была теплая, но уставший Толя, извинившись, пошел отдохнуть. «Дети», так они называли племянников, разошлись, и я побежала к морю. (Море было на расстоянии пяти минут от дома!)

Это был не благоустроенный пляж, но само море было на редкость спокойное и прозрачное. Сняв обувь, я влезла в воду и, насколько это было возможно, «бродила по воде» вдоль песчаного берега, о котором в Сочи могли только мечтать. В субботу дети опять в полном составе (12 человек) приехали к обеду и побыли там до вечера. На следующее утро нам предстояло поехать получить «свою квартиру» в Рамат-Гане (так мы себе представляли). Никому из присутствующих не пришло в голову если не отвезти на своих машинах, то, по крайней мере, нас сопровождать. На Толин вопрос, как нам оттуда выбраться, он получил полный инструктаж: нам следовало сесть на автобус не «Эгед», а «Дан», поехать до Хайфы, оттуда пересесть на какой-то автобус (номера они не знали) и поехать в Тель-Авив, а от Тель-Авива совсем недалеко Рамат-Ган, и туда ходят несколько автобусов.

На следующее утро, после того как Соня с Хаимом, попрощавшись с нами, ушли на работу, мы, взяв с собой только один чемодан с самыми необходимыми вещами на пару дней,

пошли к автобусной остановке, которая была рядом с домом. На остановке никого не оказалось. Не зная, что такое «Эгед» и «Дан», мы, вероятно, пропустили «свой» автобус, и, постояв там на жаре около часа, воспользовались предложением какого-то таксиста, и, счастливые, поехали прямо в Рамат-Ган по адресу.

Расплатившись с шофером долларами и поблагодарив, мы его отпустили и чинно-гордо направились к подъезду четырехэтажного дома и позвонили в первую дверь, потом во вторую, и т. д., пока, наконец, на третьем этаже какая-то немолодая женщина открыла двери. Она была очень смуглая, идиш она не знала, и, решив, что она не еврейка, мы извинились, и, спустившись во двор, решили «подкараулить» жильцов. Прошло не менее двух часов, пока наконец появился какой-то мужчина, с которым Толя нашел общий язык, но который ничем не мог нам помочь. По его словам, в том доме все квартиры были обжитые, если не считать подвальное помещение, хозяев которого никто не знал, но, понаслышке, жили они в Иерусалиме. Пока что там через разбитое окошко лазили только кошки. Услышав всё это, Толя побледнел, а я испугалась: «Не дай Бог!» – подумала я.

Нам ничего не оставалось делать, как попытаться найти дядю Тоби. Ни телефона, ни адреса у нас не было. Узрев неподалеку телефон-автомат, где свисал телефонный справочник, мы его разыскали (в детстве Толя ходил в хедер, он умел молиться, а значит, и читать на иврите). Номер телефона у нас уже был, но как звонить, мы не знали, а узнав, что для этого нужны «асимоны», которые покупают на почте, мы решили, что, прежде всего, нам нужно найти скамейку, где один из нас мог бы остаться с багажом, пока другой найдет почтовое отделение и купит асимоны (один Бог знал, что это такое!). Решение было правильное, но найти скамейку на улице Бялик, где мы оказались, было невозможно. Поэтому, оставив Толю с чемоданом в каком-то подъезде (там хотя бы не палило солнце), я пошла в разведку. Узрев название «Муниципалитет», решила зайти туда в поисках туалета. Там во дворе была одна-единственная скамейка, которая, после того как я привела туда Толю, стала нашей «штаб-квартирой» до самого вечера, когда нам наконец удалось связаться с дядей (его целый день дома не было).

Услышав, кто я, он очень обрадовался, но о том, чтобы мы приехали к нему, он и слышать не хотел. Не хотел он нам дать и номера телефонов его двух сыновей, моих двоюродных братьев,

вместе с которыми прошло мое детство! Если бы кто-нибудь рассказал мне подобную историю, я бы не поверила. Правда, он предложил приехать к нам, но, узнав, что мы всё еще на улице, он попросил нас позвонить ему, как только у нас будет квартира, ибо он очень хочет нас видеть. Вот и всё! И я заплакала. Растерянные и усталые, мы продолжали там сидеть, как вдруг Толя вспомнил, что Майя, моя подруга, которой он помог «подняться» с семьей, написала нам письмо из Рамат-Гана. Телефонная книжка была, асимон у нас был, и мы ей позвонили. Узнав, где мы находимся, она с Марком, ее мужем, на машине тут же приехали за нами и забрали нас к себе. Без лишних слов, указав на душевую, сама побежала на кухню и накрыла стол. Лишь тогда мы вспомнили, что за целый день мы ничего не ели и не пили. Они нас просто спасли!

На следующее утро они пошли на работу, а мы с Толей, взяв такси, поехали за Пиком в Лод (еще до ухода на работу, позвонив в аэропорт, Майя узнала, что самолет с олимами из Вены прибыл рано утром). Нам пришлось немало ждать, пока прибывших не отпустили за багажом. Мы бросились к ним с вопросами, но никто ничего не знал, кроме того, что они видели какую-то собаку, которая лежала во дворе, но ни с кем не контактировала, не ела и не пила – пища лежала нетронутой. Больше никто ничего не знал. Разрыдавшись, я попросила стоящего у дверей военного пропустить меня к начальнику. Узнав, что речь шла о собаке, он направил меня на склад, куда поступал груз. Это было далеко от пассажирского корпуса. Там Пика не оказалось, и мне сказали, что никаких животных не привозили. Назад я еле доплелась. Увидев меня, стоящий у проходной, смилостивившись, пропустил меня одну в багажный зал. Там уже никого не было. Вдруг я услышала «голос» Пика. Посмотрев по сторонам, я в каком-то углу увидела клетку и в ней Пика, который изо всех сил старался вылезть. Не знаю, откуда у него взялись силы, но, пока я, крича: «Help!», добежала до клетки, он уже прыгал на меня. Вокруг сбежались люди, которые с недоумением смотрели на внеплановое «цирковое представление». Так в Израиль попал «новый оле – Пик», который без проверки документов и регистрации прошмыгнул между моими ногами и попал на Священную землю.

В Израиль он попал, но попасть домой было не легче: ни один таксист не согласился взять нас с собакой, об автобусе и речи быть не могло. За хороший долларовый гонорар на это согласился

какой-то владелец частной машины, и на заднем сидении «в обнимку» мы с Пиком ехали «домой». Проезжая мимо какого-то киоска, я попросила шофера остановиться: нужно было Пика хотя бы напоить, но у владельца киоска для него «не оказалось» водопроводной воды, не говоря уже о какой-то мисочке!

Майя с Марком были на работе, дети – Лена и Янчик – в кайтане, но нам Марк оставил свои ключи от квартиры, и мы, как хозяйева,

пригласили Пика войти. Напоив и накормив его сервелатом, который мы привезли с собой, я тут же потащила его в душевую. Он обожал купаться. Я только успела его намылить, как тут же раздался звонок в дверь. Толя ушел в магазин, и я была уверена, что это он. Выскочив открыть двери, я не закрыла за собой дверь от ванной комнаты, и Пик тут же побежал за мной, струшивая с себя мыльную воду по всему салону. В дверях оказался Марк: он заскочил домой за какими-то документами. Узрев картину, он ничего не сказал, но по его лицу было видно, насколько он был возмущен. Я стала извиняться, но ответа не было. Я готова была провалиться сквозь землю, но изменить ничего не могла. Нам пришлось у них жить целых две недели, пока с их помощью нам не удалось снять запущенную двухкомнатную квартиру, «жилцами» которой, очевидно, долгое время были только крысы, жуки и всякие другие незнакомые мне до тех пор насекомые. Пришлось засучить рукава, и при помощи Майи, которая уже была «знатоком» в области дезинфекции, мы привели квартиру в порядок, но она была совершенно пуста.

Поскольку в Рамат-Гане в то время еще не было олимов и не было отдела абсорбции, нам приходилось за всякой мелочью ездить (втроем) в Тель-Авивский центр абсорбции на ул. Эстер ха-Малка. Но, получив две железные кровати, столик и два стула на железных ножках, пару кастрюль и другую кухонную утварь, мы были на седьмом небе. Я тут же позвонила дяде Тоби. Меньше чем за час он

Слева: Марк и Майя Нимковские. Рядом: Ян Дорфман и Майя Ройзин. Израиль, 1997 г.

оказался у нас с «подарками»: небольшим старым эмалированным побитым тазиком, таким же чайником и для меня – парой нарядных туфель покойной тети Жанет на высоких каблуках (не моего размера), за которые я поблагодарила, отложила в сторону и сразу же после его ухода выбросила в мусорный ящик.

Мне запомнился дядя таким, каким я его видела, когда он нас вместе с дядей Марчелом провожал на границе: молодой, стройный, интересный мужчина – работник бурсы. Теперь передо мной предстал пожилой человек (ему было около восьмидесяти лет), полуседой и полулысый, неряшливо одетый и больной: он так же, как и папа, страдал гипертонией, и сердце у меня защемило от жалости. (Папа был старше его, но он до последнего дня был красивый, хорошо сохранившийся, педантичный и всегда элегантно одетый.) За столом он жадно ел и очень много говорил, в основном, об ушедшей любимой супруге.

Когда уже поздно вечером мы пошли провожать его домой, он не захотел впустить нас в дом, но, когда, настояв на своем, мы все-таки зашли, у нас потемнело в глазах: ясно было, что квартира не убиралась с тех пор, как тети не стало (около пяти лет назад!). Она была прекрасной хозяйкой. В доме царил полный беспорядок: везде были разбросаны вещи и валялась грязная, засохшая посуда. Я вспомнила их огромную, шикарную квартиру на Calea Vasaresti в центре Бухареста и запах «дежурного» тетиного орехово-шоколадного торта.

Уходя, я обещала прийти на следующее утро и навести у него порядок. Он тут же сказал, что у него на тот день назначено «деловое свидание» и что, вообще, он не может допустить, чтобы любимая дочка Баруха убирала у него, но пообещал, что сам приедет к нам на обед, и не дал нам уйти, пока Толя не получит от него подарок. Пришлось подождать, пока он, долго порывшись в своем гардеробе, не собрал целую кучу старых помятых мужских рубашек и предложил Толе выбрать любую. Толя, естественно, отказался, и он, обидевшись, заплакал. Поняв, с кем имеем дело, взяли какую-то рубашку, поблагодарили, ушли и по дороге выбросили. У меня был камень на сердце и слезы на глазах. «Какая страшная старость!», – подумала я. Всю дорогу домой мы шли молча.

Он сдержал слово: приехал к нам на обед, а потом это стало ритуалом, и я баловала его своими самыми изысканными блюдами на протяжении целой недели, кроме пятницы и субботы, когда он

хвалил (уходя домой, ему всегда давали с собой шесть вареных куриных ножек (не пулек) на неделю). К старшему сыну, Буцу, ему вход был воспрещен. Невестка Авива (из Ирана) стыдилась его. Она работала заведомом какого-то отделения банка «Леуми» в Тель-Авиве, а он – вольнонаемным в армии. У них в Тель-Авиве, в центре, была шикарная квартира. Детей у них не было.

Мы с Толей относились к дяде с теплотой и нежностью, а он стал называть нас «Meine Kinder», как когда-то называл нас папа. Но, к сожалению, наша идиллия длилась недолго.

Зимой в своей нетопленной квартире он схватил двустороннее воспаление легких и скончался в больнице Тель ха-Шомер. На кладбище я была единственная, кто носила черную траурную одежду и искренне оплакивала его. Его невестки, разодетые в ярко-красном и зеленом нарядах, болтая о своих последних приобретениях, облегченно вздохнули, а братья поссорились из-за бриллиантов, на которые Буцу под ру-

ководством своей супруги наложил руку еще во время агонии отца (оказалось, что из-за имеющихся в доме бриллиантов он никого в дом не пускал). Буцу с Авивой тоже вскоре ушли. Согласно завещанию, Буцу оставил Авиве всё имущество, а она в свою очередь – своей сестре. Харри с Буцу после смерти отца перестали контактировать, и Харри до сих пор не может спокойно слышать имя своего родного брата. (У Харри с Бианкой в то время было трое кукольных девочек – одна меньше другой, которые сейчас удачно замужем, с детьми, счастливы

в семейной жизни и обеспечены, а Харри с Бианкой – счастливые дед и баба. В те годы им жилось нелегко.) Между прочим, когда мы «затеяли» поездку, папа написал Тоби письмо, спросив его, что привезти. «Ящик зеленых листьев (долларов) и торбу камней (бриллиантов)!» – таков был его ответ на идише, и мы рассмеялись. Лишь после его смерти я поняла, что он на этом давно «зациклился»!

Буцу (Шалом) Дорман – мой двоюродный брат, сын дяди Тоби

Арие (Харри) Дорон (Дорфман) с семьей. Израиль, 1979 г.

В отличие от других новоприбывших, которые месяцами ждали отправленный багаж, мы, еще до того, как заимели квартиру, получили извещение о его прибытии на адрес Сони. Люди посоветовали забрать его побыстрее, так как бывали всякие неприятные случаи, и Толя поехал за багажом. Привез он багаж в пятницу после обеда, и разгрузили его на тротуаре и на мостовой (частично). Приехал Толя очень усталый, и мы решили оставить его там до следующего дня. В субботу к нам в гости приехали Буцу с Авивой. Они предложили свои услуги. Но Буцу оказался таким же белоручкой, как и Толя. Кроме того, не имея инструментов, они не могли распаковать ящики. Обратиться было не к кому. Все магазины были закрыты. На помощь пришел сосед сверху (марокканец), который принес клещи и еще что-то и сам приступил к работе. Решили открыть ящики с барахлом, посудой и книгами, оставив большие – с мебелью и коврами – на воскресенье. Вчетвером (я к ним тоже подключилась) мы стали заносить вещи в дом. Вторая наша комната была намного больше передней, в которой мы расположились, и она пустовала. Был там только один огромный, от стенки до стенки и от пола до потолка, встроенный шкаф. Туда мы с Авивой начали запихивать всё, что приносилось. Увидев наши вещи и посуду, у Авивы расширились зрачки. Когда очередь дошла до книг, а их было сотни, поднимаясь по лестнице, я уронила Фейхтвангера на немецком языке у самых ног выходящей из дому соседки (немки) с первого этажа. Удивленная, она спросила, кто из нас знает немецкий, и еще более удивилась, узнав, что оба мы с Толей говорили по-немецки (из России!), и у нас богатая библиотека, которой она при желании сможет пользоваться. Испугавшись, она тут же поставила точку над «i», сказав, что они там живут уже давно, что соседи часто меняются, но что они ни к кому не ходят и к себе никого не приглашают! Это была немолодая, седая, еще красивая интеллигентная женщина. (Между прочим, сосед, пришедший нам на помощь по собственной инициативе, работал мусорщиком! С ним и его семьей почти без языка мы в дальнейшем подружились, и первая израильская свадьба, на которую мы попали, была свадьба его дочери, куда нас не только пригласили, но и посадили рядом с собой! Свадьба была в каком-то большом зале на ул. Ха-Масгер в Тель-Авиве.) Мы там прожили полтора года. Единственное слово, которое «немка» произносила за всё это время, было «шалом» в ответ на наше приветствие.

Поработали «на славу» до самого вечера (с обеденным перерывом). На улице, помимо пустых дощатых ящиков, осталось около десяти неоткрытых. Перед уходом я Авиве подарила английский чайный сервиз с платиновым ободком на двенадцать персон, который ей очень приглянулся. С соседом Толя попытался расплатиться деньгами, но он наотрез отказался. С трудом на второй день я всучила его супруге красивое, золотистого цвета испанское шелковое покрывало.

Усталые, но довольные мы крепко уснули. Разбудил нас рано утром стук в дверях: нас пришли оштрафовать за «заграждение дороги» и дали нам два часа на ее освобождение. Побежав в первый попавшийся мебельный магазин, Толя там с трудом забрал с работы трех грузчиков, которые за хорошую плату плюс ящики выручили нас. Сейчас вторая комната была забита разобранной мебелью, коврами, картинами, книгами и грампластинками с пола до потолка. Опять нам с Толей пришлось поработать до вечера. Казалось бы, всё уже позади, но...

Посреди ночи Толя меня разбудил: у него появились невыносимые боли в области сердца. Я дала ему валидол и побежала к нашему марокканскому соседу. Он моментально, еще в трусах, побежал к Толе и, посмотрев на меня, что-то сказал, что, я не поняла, и убежал на улицу. «Скорая» пришла раньше его – телефон-автомат был на другой улице. Жена его принесла ему брюки и рубашку, и мы троим тут же на амбулансе с диагнозом «обширный инфаркт» попали прямо в реанимацию больницы «Бейлинсон». Отодвинув нас, белые халаты забегали. Мой сосед, очевидно, желая объяснить мне, что он спешит на работу, показал мне на часы (я знала, что он уходил из дому в четыре часа утра). Я схватила его руку и поцеловала, сказав: «Тода раба!» – и он ушел. Стоя под дверьми, за которыми находился Толя, я всю ночь проплакала. К утру движение халатов стало реже. Я не знала, что думать. Набравшись смелости, я на английском обратилась к немолодому врачу, когда тот выходил из Толиной палаты. Положив обе руки мне на плечи, он по-отцовски мне сказал: «Успокойтесь! Всё позади! Он сейчас спит. Загляните и поезжайте домой. Вам нужно отдохнуть: это не на один день!» Заглянуть я заглянула, но домой я не поехала: я не могла оставить его там одного.

Единственный телефонный номер, который я знала, был дядин. На его помощь я не рассчитывала, но, позвонив ему рано утром, я

Жак Вагнер (двоюродный брат) - сын Адольфа и Софи Вагнер. Израиль.

попросила его позвонить своим сыновьям, сообщить им, что случилось, и передать мою просьбу подскочить ко мне хоть на несколько минут. Каково было мое удивление, когда ко мне подошел интересный немолодой человек и назвал меня по имени. Это был Жак – мой самый старший двоюродный брат, который удрал из Румынии в Палестину, когда я еще в школу не ходила. Я помнила его парнем, который меня всегда дразнил и катал на своем высоком велосипеде (видно, он развил во мне любовь к езде на велосипеде, и еще до войны меня зачислили в Велосипедный клуб).

И вот теперь передо мной стоял Жак – старожил, бывший офицер израильской армии, женатый на Рахель (немке-адвокате), отец двух взрослых дочерей – Нурит и Талила. Обняв и поцеловав меня, он рассказал мне, что, как только Тоби ему позвонил, он тут же связался с больницей и получил полную информацию о состоянии Толи, согласно которой он уже вышел из кризисного состояния, и сейчас нужно было только время и терпение. С разрешения главного врача мы зашли в его палату. Он всё еще спал, но вид у него был совсем другой, и я немного успокоилась. Жак отвез меня домой, а сам поехал назад в больницу. Он не работал: он был молодым военным пенсионером. Поняв, что у меня есть, на кого полагаться, выгуляв Пика и приняв душ, я легла отдохнуть и тут же уснула.

Толя пролежал в больнице около двух недель. Приехала Соня, и мы с ней сменялись, так что Толя ни на минутку не оставался один. Кроме нас и Жака, к нему никто не приезжал. Период реабилитации он провел дома.

Мы жили на улице Мория прямо напротив «Яд ле-Баним», который расположен в парке на горе. Он стал нашим любимым местом и «убежищем» в наступившие знойные летние дни: мы туда выходили втроем с Пиком на прогулку рано утром, а потом по вечерам до поздней ночи не покидали его – дома сидеть было невыносимо. Я с утра до вечера была занята снабжением, хозяйством, приемом гостей и, конечно, главным образом уходом за Толей.

Мы приобрели все необходимые электрические товары за наличные (мы иначе не привыкли), включая кондиционер, но наши

родственники, у которых в то время еще не было кондиционеров, дали нам «хороший» совет – не устанавливать его, пока у нас не будет собственной квартиры. Итак, при наличии кондиционера мы полтора года страдали то от неимоверной жары и высокой влаги, то от пронизывающего холода дождливой израильской зимы. Ни вентиляторы, ни электрические печки, которые мы привезли с собой, не спасали.

Как только Толя поправился, он решил, что настало время заняться своими «финансовыми» делами. Как я поняла, деньги у нас были уже на исходе. «Надо это сделать еще до начала учебы», – сказал он (нам обещали, что 1-го сентября откроют в Рамат-Гане ульпан, т. к. удалось собрать олимов из прилегающих городов, которые каким-то образом попали в центр).

Раздавая деньги в Черновцах с расчетом «один к четырем», что означало, что за четыре рубля, которые Толя давал, в Израиле должны были отдавать один доллар (хотя в то время в Союзе курс доллара был 90 копеек), мы полагались на «честное слово»: ни о каких письменных обязательствах не могло быть и речи. Понятно, что люди брали не задумавшись: им терять было нечего! Договорились, что по мере возможности, еще до нашего приезда, они должны были занести Соне долг или хотя бы часть. Я не знала и до сих пор не знаю, сколько денег он раздал и сколько он получил от Сони по приезде. Я никогда ничего не спрашивала и знала только то, что он считал нужным мне сказать. А сказал он мне как-то, что многие еще не связались с Соней, другие отдали только часть, а из полученных денег, поскольку мы из-за смерти папы застряли на год в Черновцах, она часть денег «одолжила детям» на приобретение квартир, машин и чего только нет! Вот он и решил разыскать своих должников и собрать долги. Наступило тяжелое время, полное разочарований и обид. Во-первых, должников надо было, прежде всего, разыскать – они были разбросаны по всему Израилю. Во-вторых, надо было с ними связаться, а в большинстве случаев самим поехать к ним. Немногие оказались в центральной части страны. Большинство остались там, где они занимались в ульпанах, т. е. на периферии, т. к. там было легче устроиться на работу. Нам с Толей пришлось поехать в Нацерет-Илит, Кирьят-Шмону, Нагарию, Димону, Беэр-Шеву и Иерусалим, т. к. одного я боялась его отпускать. Часто нам приходилось там ночевать: с работы люди возвращались поздно, а ехать ночью мы боялись. Но главное, что в большинстве случаев мы возвращались ни с чем!

Были случаи, когда, увидев, в каких условиях они живут, у нас даже рот не открывался заговорить о долге, но в большинстве случаев у наших должников были уже хорошие, обставленные квартиры и машины, но, по их словам, денег у них не было, и нас просили немного подождать. Это – в лучшем случае. Однако, были и такие, которые нас на порог не пускали или просто смеялись нам в лицо, говоря, что это они нас выручили, ибо, если бы не они, нам бы пришлось сжечь деньги. Один из них был шофер грузовика, на котором Володя с семьей и багажом доехал до самого Львова. По рекомендации Володи Толя дал ему деньги для всей семьи (семь человек), которые он обещал сразу же вернуть Володе (у него там был богатый дядя, который обещал им помочь). К нему Толя поехал сам, т. к. он жил в Нетании. Его пришлось ждать до позднего вечера: он работал на собственном новом грузовике «Volvo» на дальние рейсы. У них была не амидаровская квартира, а собственная в новом восьмизэтажном доме, богато обставленная. Вернувшись домой и узрев Толю, не давая ему даже слово сказать, он предложил ему подойти к окну и взглянуть вниз (они жили на восьмом этаже). Дом стоял на самом берегу моря, и из окна был прекрасный вид. Дав Толе пару минут насладиться видом, он тут же сказал: «Если ты еще раз появишься здесь, я тебя отсюда спущу!» Добравшись домой, не представляю как, не выдержав обиды, Толя снова слег на целую неделю.

Я делала всё, что было в моих силах, чтобы его успокоить, и однажды я ему сказала: «Я тобой горжусь: с твоей помощью в Израиль приехало более семидесяти человек, большинство – люди с высшим образованием, с детьми и в некоторых случаях с родителями тоже. Это же здорово! Кроме того, тебе все-таки удалось собрать немалую сумму денег, без которых нам было бы не так уж легко! Подумай об этом и прощай обиды: так будет легче жить!». «Ты ангел», – сказал он мне и поцеловал в щеку.

У «детей» Толя денег не просил. Более того, Нюсе и Лизе нужно было еще давать: обе они были неудачно замужем. Нюся попала на красавца паразита, румына, и ей приходилось тяжело работать, чтобы содержать семью: у нее уже была одна девочка, а потом появилась вторая. Он сидел дома, ничего не делая и только требуя. Лиза, сумев получить развод за деньги и оставив своего мужа-украинца там, приехала с крошечной девочкой в Акко, где жила Клара, ее старшая сестра. Но помощи от нее она не получала: на это был

С Толиной семьей - на свадьбе у Зорика, старшего сына Володи. Хайфа.

дядя Муня, как они с детства привыкли называть Толю. Ее нужно было содержать, а затем помочь приобрести квартиру. И так, до самой смерти, они продолжали быть его заботой. Посредником была Соня – она жила неподалеку от них всех (Хайфа, Акко и Кирьят-Ата, где жил Володя, старший брат Клары и Лизы с семьей). Володя с Цилей, приехавшие первыми после Сони, были уже хорошо устроены: у них была амидаровская квартира, машина и работа. Но у них было двое детей – Зорик и Марик. Им, насколько мне известно, не приходилось давать, но и брать нельзя было. Другое дело Клара. Она приехала с мужем, который уже работал, и со взрослыми детьми – Мишей и Зиной. Миша, инженер, был не женат, и ему удалось устроиться на международном торговом судне. Они жили припеваючи.

Перед отъездом к нам приехала сначала Клара (из Днепродзержинска, кажется), и, получив от Толи деньги на поездку, потратила их на наряды для себя и дочки, которыми, по словам Сони, «поразила весь Израиль». Вслед за ней ранним утром, перескочив через забор, явился ее сын Миша с просьбой одолжить ему деньги на покрытие расходов за образование и за визу. Он их, конечно, тоже получил. И вот сейчас Толя попросил их вернуть деньги. В ответ он получил безграмотно написанное письмо от мужа Клары, Павлика,

в котором он стыдил Толю за нахальство, назвав его аферистом. Это была последняя капля горечи, и Толя слег с очередным инфарктом. Опять больница, опять круглосуточное дежурство у его постели, опять реабилитация в домашних условиях.

Время шло. До начала занятий осталось совсем немного. Пора была заняться Пиком. После перенесенного в Вене шока и своего прибытия в Израиль состояние Пика не только не улучшилось, но заметно ухудшилось: он впал в депрессию. В Черновцах он чувствовал себя «королем» в доме, во дворе и на всей нашей улице: он всегда обращал на себя внимание, ему делали комплименты, его ласкали и баловали. И люди, и собаки любили его. Теперь для него, как и для многих иммигрантов, всё было не так: он никак не находил «общий язык» ни с людьми, ни с собаками, а когда он оставался один дома, не переставал лаять, плакать и выть. Соседи злились как на меня, так и на него, и, когда он выходил, они от него отскакивали и отгоняли, а собаки просто набрасывались на него. Нужно было показать его врачу, но в Рамат-Гане ветеринарного врача не оказалось. Пришлось поехать с ним в Тель-Авив. Но как? Ни в автобусы, ни в такси нас с ним не пускали. Пришлось найти владельца частной машины, который за хорошую плату согласился отвезти, подождать и вернуть нас домой. На уколы В-12 мы ездили два раза в неделю на протяжении полутора месяцев. (Это был повторный курс – первый он перенес в Черновцах до отъезда.) Курс лечения кончился в конце августа, а 1-го сентября 1973 года мы наконец пошли в ульпан.

Прошло всего неполных четыре месяца с тех пор, как мы приехали в Израиль, но сколько воды утекло! И все-таки мы не просто пошли, а побегали в ульпан: мы жаждали начать учить иврит. Ульпан открыли в самом центре Рамат-Гана на ул. Криницы в здании Гистадрута. Занятия проводились по утрам. Туда было приятно ходить (около тридцати минут), но обратный путь, когда солнце стояло высоко, идти было нелегко, особенно Толе. Несмотря на это, ходили мы туда с удовольствием, хотя уровень учебы там был ниже среднего. Во-первых, это не был ульпан для людей с высшим образованием. Это была группа олим с и без образования вообще, разных возрастов, но все из Советского Союза, которых собрали в окрестностях Рамат-Гана с целью их обучения элементарному ивриту. Нашей учительницей была молодая девушка, только что окончившая гимназию, солдатка-израильтянка, знающая свой родной

язык и неплохо (по сравнению с нашими выпускниками средних школ) – английский язык, а по-русски умела только материться, совершенно не подозревая значения слов. Пришлось ей tête à tête объяснить, что ей не подобало ими пользоваться, особенно на уроках. Приходила она на занятия в солдатской форме для девушек, состоящей из рубашки и мини-юбки цвета хаки, садилась на учительский стол нога на ногу, закуривала и начинала урок, к которому была совершенно не подготовлена, и безо всякой методики каждый раз объясняла что-то другое. Никто ничего не понимал. Учебников у нас не было, и во время урока, как на колхозном собрании, каждый, ловя уже какое-то знакомое слово, объяснял, не всегда правильно, другим.

Толя, который в раннем детстве ходил в «хедер», умел читать и писать, а я со своим английским стала уточнять у нее значения слов. Таким образом, мы с Толей стали, по собственной инициативе, ее переводчиками и помощниками. Через несколько недель после начала занятий мы с Наоми, нашей учительницей, на туристическом автобусе поехали в Иерусалим к «Стене плача». Как и все присутствующие там, я тоже написала записку Богу, прося его помочь Дорине вырваться оттуда со своей семьей. (Вызовы я всем послала сразу по прибытии в Израиль.)

Уходя оттуда, до того как сесть в автобус, Наоми повела нас «לעשות פיפי», указав вытянутой правой рукой место для мужчин, а левой – для женщин. Мы чуть в землю не провалились от стыда. Потом поехали назад.

Жара стояла невероятная. В автобусе кондиционера не было. Кроме «Стены плача» и туалета, мы ничего другого не увидели, а из того, что она рассказывала нам на иврите, никто ничего не понял. Никакого впечатления от той экскурсии ни у кого не осталось. Осталась одна усталость и разочарование. (По-настоящему мы посетили Иерусалим лишь пару лет спустя и унесли оттуда впечатления на всю жизнь!)

Это была пятница. Приехав домой, я в первую очередь вывела Пика, затем, приняв душ и поужинав, усталые, как черти, мы с Толей легли спать. Рано утром, пока Толя еще спал, взяв с собой, как обычно, маленький транзистор и Пика, я пошла напротив, в парк «Яд ле-Баним» на утреннюю прогулку. Пока Пик, наслаждаясь свободой, бегал по парку, я, сев на скамейку, включила транзистор. Как обычно, я слушала известия на английском языке из BBC, и

тут – чрезвычайное сообщение: в Израиле война! Это был Йом-Кипур, 6-ое октября 1973 года, день, когда наши арабские соседи, объединившись, напали на нас без всякого предупреждения. Хотя ноги у меня подкосились, я побежала домой. Я дала Толе выспаться, приготовила завтрак и предложила пойти в центр погулять. Мне хотелось видеть, что происходит в городе, а город, как обычно по субботам, тем более в Йом-Кипур, спокойно спал. Только когда мы попали на ул. Бялика и дошли до центральной синагоги, увидели, как туда подъехали военные грузовики, как группа солдат побежала внутрь синагоги и как моментально оттуда стали выходить молодые мужчины, залезли в кузова и, стоя, куда-то поехали. Толя был в недоумении: «В субботу? Да еще в Йом-Кипур?» – воскликнул он. Пришлось ему объяснить, что случилось.

Я не знаю, что еще происходило в ту субботу: у нас не было телефона, и мы ни с кем не могли контактировать (и никому до нас дела не было!) На следующее утро, как обычно, мы пошли в ульпан. Там никого не было. С опозданием появилась Наоми. Наш первый вопрос был, сколько километров было от нас до фронта. Наоми, желая нас успокоить, сказала: «Не бойтесь! Более ста километров!», и мы еще больше разволновались. Мы там постояли еще около получаса, но, поскольку никто больше не явился, похвалив нас, Наоми отпустила домой.

На углу улиц Криницы и Бялика был большой супермаркет. Мы с Толей решили зайти туда, постоять в очереди, сколько бы ни понадобилось, и, набрав побольше продуктов, взять такси и поехать домой. В случае, если продавать будут только в ограниченном количестве, мы решили, что один останется там, займет вторую очередь, пока второй на том же такси вернется. Каково было наше удивление, когда, подойдя к магазину, не увидели никакой очереди, а войдя, как обычно, узрели только считаных покупателей, которые делали обыкновенные покупки. Нам стало стыдно за себя, и, купив несколько маленьких пакетиков, мы решили спуститься на трассу по ул. Жаботински посмотреть, что делается там.

То, что мы увидели, привело нас не только в удивление, но и в умиление и гордость за нашу новую-древнюю Родину и проживающих в ней людей.

По шоссе непрерывным потоком ехали военные машины, а по бокам тут и там стояли столики, на которых блестели титаны с кипятком, бутылки с разноцветными напитками и груды бутербродов,

печенья, шоколада, фруктов и чего только нет для проезжающих солдат. Более того, в то время как бабушки и матери стояли за столиками, готовя пакетики, дети подбегали к машинам, бросая их туда.

Война шла, положение было очень тревожное, но в тылу жизнь текла, как обычно. Мы продолжали заниматься, хотя посетителей было совсем немного. Чудом война окончилась нашей победой на шестой день после ее начала. Мы победили, но победа эта нам очень дорого обошлась: во-первых, по количеству погибших и раненых, во-вторых, экономика страны стала трещать по швам. Понадобилось более десяти лет, чтобы оправиться от нанесенного нам удара. Что касается морального ущерба, то он, очевидно, непоправим!

Сразу после войны к нам приехала Хана, Толина сестра из Канады. Она была старшей в семье и еще при румынах, окончив гимназию, поехала к своему жениху, который до того поехал в Канаду искать счастье. Устроившись там на работу (он был хорошим меховщиком), он послал ей билет на корабль, и с корабля она попала на свою свадьбу – таков был договор с отцом Толи, который был очень религиозным человеком. Толя был самым младшим в семье. Когда она уехала, ему было всего девять лет. И вот сейчас, узнав, что мы в Израиле, она приехала к нам. (Первый раз она прилетела, когда приехала Соня.) Это была очень трогательная встреча, и, как говорится, «в тесноте, но не в обиде» она пробыла у нас целый месяц. За это время мы с ней очень подружились: она была красивой, интеллигентной, моложавой старушкой, и, уезжая, взяла с нас слово, что при первой же возможности мы приедем к ней – ей очень хотелось познакомиться нас со своими тремя сыновьями (адвокат, учитель и социальный работник), которыми очень гордилась. Мужа у нее уже не было, и она жила одна. Мне не довелось поехать к ней в Канаду, хотя мне очень хотелось, но Толю я отправила, как только мы получили постоянную квартиру. Он был там полтора месяца и познакомился с семьей. Они его полюбили, и по просьбе матери, Юлиус, ее старший сын, известный в Торонто адвокат, подал просьбу о предоставлении нам с Толей возможности присоединиться к семье. Другими словами, они хотели забрать нас к себе. Полгода спустя мы получили официальное приглашение. К тому времени я была уже хорошо устроена, к тому же, Дорина с семьей уже репатриировались, и пусть не рядом, но мы были вместе, поэтому на сей раз это была я, кто ни за что не хотела слышать о переезде. Другое дело Толя: во-первых, в Израиле он не мог рас-

считывать на работу в то время и в его возрасте, а там ему обещали полную поддержку в открытии собственного дела, а во-вторых, за время своего там пребывания он очень сблизился с Ханой и ее семьей. Но после долгих трений моя взяла верх, и с Толиного согласия я написала Юлиусу письмо, в котором поблагодарила его за проявленную заботу, одновременно отклоняя ее. Вслед за моим письмом между нами установилась переписка, и вскоре Ави, второй сын Ханы, с женой, затем Барбара, их дочь, Юлиус с женой, а затем их сын приезжали к нам.

Хана вскоре умерла. Толе, несмотря на все попытки, так и не удалось «встать на ноги» в Израиле, а я, при всем своем успешном устройстве, по сей день не могу избавиться от чувства вины по отношению к Толе, хотя кто знает, как сложилась бы наша жизнь там.

После отъезда Ханы мы досрочно покинули ульпан, и я поступила на девятимесячные курсы для учителей английского языка, успешное окончание которых давало право работать по специальности. Курсы в Тель-Авиве были очень интенсивные: с утра до вечера с перерывом на обед. Нас было около восьмидесяти человек – выходцев из Америки, Франции, Румынии, но основная масса – из разных республик Советского Союза. В основном были люди молодые и среднего возраста. Старше меня была только одна учительница – Белла из Риги, которая еще до войны окончила еврейскую гимназию, свободно разговаривала на иврите: по словам Тамары Бар-Лев, нашей учительницы иврита, правильнее ее. Бялика она знала наизусть, и стаж работы в школе у нее был около тридцати лет. Из всей группы только мы с ней по окончании курса сдали все девять экзаменов: четыре английских и пять ивритских (язык, литература, ТАНАХ, гражданство и история Израиля – письменно!) Небольшая часть сдала только частично, а большинство отсеялось: молодежь, живя в предоставленном общежитии, загуляла, а семейные просто не выдержали нагрузки.

Вели наш курс профессора Тель-Авивского и Иерусалимского университетов и главный инспектор Министерства просвещения Израиля Рафаэль Гефен. Поступая на эти курсы, я думала, что в основном мне придется учить ивритские предметы. В отношении английских я была совершенно спокойна. Оказалось, что я глубоко ошибалась: кроме устного экзамена по английскому и грамматике, мне пришлось много времени уделять литературе и методике – многие писатели и поэты и их произведения, входящие в курс школь-

ного обучения, были мне неизвестны, а методика была совершенно другая. Обратила я на себя внимание профессора Левинсона своими знаниями грамматики, а Тамара меня хвалила за прилежность и литературный стиль моих сочинений.

Мне в жизни не приходилось так интенсивно заниматься: я должна была во что бы то ни стало сдать все экзамены и начать работать – было ясно, что на Толю больше рассчитывать нельзя было. В день окончания последнего экзамена Тамара пригласила к себе на вечер весь преподавательский состав и нескольких своих студентов-любимцев. Меня она забрала с собой на своей машине. Жила она в Цаале – военном городке. Первыми, кто встретили нас, были два ее огромных дога (собаки). При всей своей любви к собакам мне стало страшно: они мне не давали шагу ступить. Пришлось Тамаре вмешаться и помочь нам установить «дружественные» отношения, но я всё равно со всех точек зрения чувствовала себя там неловко.

Вечером приехал сам Хаим Бар-Лев – легендарный герой войны Судного дня, которому она очень лестно представила меня, а затем гостям. Нас было немного, и она накрыла стол на бетонированной площадке, пристроенной к дому в саду. Обстановка была очень приятная. Был сладкий стол и тихая, еле слышная классическая музыка. Перед отъездом один из присутствующих положил мне в ладонь бумажку, сказав: «Завтра утром обязательно позвоните!» Я не знала, что думать, и не знала, что сказать, а он добавил: «Я уверен, что Вы хорошо устроитесь в Израиле. Удачи Вам!», – и я поблагодарила. Не зная, куда и кому, на следующее утро я позвонила. Оказалось, что я позвонила в «ОРТ-Реховот», говорила я с самим директором школы, и он меня ждал. Мы с Толей тут же поехали туда.

Поговорив с директором на иврите и с завучем на английском, я у обоих вызвала удивление. Первый – преподаватель иврита, а второй – недавно вернувшийся из Америки, где он преподавал иврит, не могли поверить, что я раньше не знала иврита и что английский изучила в Союзе. Меня тут же оформили на работу. Мы с Толей не могли поверить своему счастью. Первого сентября 1974 года я начала свою педагогическую деятельность в Израиле, которая беспрерывно длилась более двадцати лет – до 2001 года.

ОРТ – это международная еврейская просветительная сеть, только частично подчиняющаяся министерству образования, цель

которой дать общее и профессиональное образование малоимущим слоям еврейского населения Европы. В то время в Реховоте она находилась в небольшом учебном здании (было всего восемь классов: с девятого по двенадцатый по два класса) и мастерские во дворе (там они изучали механику и автомеханику), плюс – большой физкультурный зал.

До меня английский язык читали там трое учителей: Майерс Адир – австралийка, Цви Шор – шотландец и пожилая американка, вышедшая на пенсию, вместо которой я и поступила на работу. Все они люди со специальным образованием (В.А.) и немалым педагогическим стажем. Я была первой «русской» учительницей, которую приняли на работу в эту школу вообще, старшей по возрасту и по стажу (имеющая М.А), первой учительницей английского языка, для которой английский был не родной, и единственная, заинтересованная в заработке: остальные были хорошо обеспеченные люди.

Жили мы еще в Рамат-Гане. Согласно расписанию (у меня было всего восемь часов – одна треть ставки – в двух девятых классах), идя мне навстречу, мне дали по два спаренных урока в каждом классе: воскресенье – с восьми утра, а в пятницу – с половины одиннадцатого. Это оказалось самое время «пик» на трассе Рамат-Ган – Реховот, с пересадкой в Тель-Авиве на центральной (старой) автобусной станции. В воскресенье я выезжала первым автобусом в шесть часов, а в пятницу с трудом добиралась домой около четырех часов после обеда, нагруженная книгами и тетрадями учеников (в то время еще не пользовались отдельными листами). Но это было не самое страшное. Главное, что, во-первых, они в воскресенье систематически приходили на урок без выполненного домашнего задания (в субботу нельзя писать!), а во-вторых, они меня просто физически «не выдерживали» два урока подряд. Я начала работать «с левой ноги»: попав среди своих, я оказалась чужая, и это было самое страшное!

Первый шок я получила, когда меня завуч представил моим коллегам, и на их лицах я заметила ироническую улыбку (прошло немало времени, пока они меня «признали» и стали уважать). Второй шок, когда, войдя в класс, я не увидела там евреев. За двадцать лет преподавания в украинских школах у меня никогда не было еврейского ученика. В Тель-Авиве, будучи на курсах, мы проходили практику в гимназии «Херцлия», где я впервые увидела целый

класс еврейских детей, и я умилилась: мне очень хотелось наконец обучать «своих» детей. Каково было мое удивление, когда, войдя в класс, я перед собой увидела «одних арабов», очень похожих друг на друга, которых мне трудно было отличить. Бегая по классу после звонка на урок, увидев меня, они приостановились, расхохотались и тут же продолжили свои «гонки» друг за другом. С трудом я взяла себя в руки и попросила сесть на свои места. Добиться этого оказалось нелегко. Но, когда, сначала представившись, назвала свое имя, они тут же расхохотались. Решив разрядить атмосферу, я сказала им, что это было имя жены Наполеона, императрицы Joséphine de Beauharnais, но ни о нем, ни о ней они ранее не слыхали, и на них это никакого впечатления не произвело. Желая сделать переключку, я открыла классный журнал. Там совершенно неразборчивым почерком был список учеников – около сорока. Точек под буквами не было, фамилии и имена мне были совсем неизвестны, и я, с трудом разобрав первую фамилию, прочла ее неправильно. Это вызвало уже взрыв смеха. Продолжать переключку я не стала, а попросила их по партам, один за другим, назвать свои фамилии, надеясь, что сумею записать их на отдельном листочке по-английски. Но, Боже, какие это были фамилии и имена! Мне в жизни не приходилось слышать таких имен, и я сдалась. Что я делала дальше, я не помню. Как мне удалось удержать класс до конца урока, непонятно. Но, когда наконец раздался звонок, я побежала к секретарше, надеясь, что прочитав мне их имена, я за перемену успею написать их по-своему. Когда я туда дошла, подойти к ней было невозможно: она была «облеплена» учениками, и шум там был невероятный. Пяти-минутная перемена пролетела ни с чем. Но в параллельный класс я пошла уже подготовленной: на большой перемене я попросила старшего уборщика мар Гросса (интеллигентный немецкий еврей, с которым я первым из всего коллектива подружилась) продиктовать мне имена учеников. Он меня спас, и урок во втором классе прошел без особых инцидентов.

О своем провале я Толе ничего не сказала. Днем и ночью в голове моей сверлил один вопрос: «Что делать?» Ни знания, ни долголетняя практика, ни старая и новая методики – ничего не помогло: было ясно, что они никогда не учили английский, хотя предмет преподавался с пятого класса, ничего не знали и ничего не хотели знать. Понятия дисциплины и уважения им были чужды. В основном это были дети то ли многодетных, то ли одиноких матерей,

предоставленные самим себе. Отчаявшись, я попросила своего коллегу Цвия разрешить мне присутствовать на каком-то его уроке. Он без возражений согласился. До конца его урока я не смогла вы- сидеть: там царил еще больший хаос, чем у меня, а он, не обращая внимания, «делал свое дело» – что-то писал на доске. Мой уход с урока остался незамеченным!

Прошло около двух месяцев, включая религиозные праздни- ки. Мой «поединок» со своими классами всё еще продолжался, и я попросила встречу с завучем. При встрече я безо всяких прикрас описала ему положение вещей, причины и пути их устранения. От него мне нужны были две вещи: первое – изменить расписание (я согласна была приезжать четыре раза в неделю и не возражала про- тив «окон»), второе – разрешить мне «оторваться» от программы. Сверх моего ожидания он пошел мне навстречу во всем, и благо- даря ему я не бросила педагогическую деятельность, установила дисциплину, привила своим ученикам желание учить иностранный язык и веру в то, что мы вместе этого добьемся, в результате чего к концу учебного года (давая множество дополнительных уроков), усвоив программу девятого класса тоже, все они перешли в деся- тый класс хорошо подготовленными, а меня признали «специали- стом по девятым классам».

Со временем «ОРТ-Реховот» стал «империей». Мы переш- ли в новое, специально построенное для нас огромное здание со

В обнимку с Я. Полди в ОРТ-е Реховот, 2005 г.

всем современным обо- рудованием, в ОРТ начали набирать семиклассников, классов было по восемь-де- сять параллельных, помимо механики и автомеханики добавились такие специаль- ности, как электроника, ар- хитектура и компьютеры с соответствующими лабора- ториями, огромной богатой библиотекой, физкультурным и актовым залами. Затем наш

ОРТ стал «михлалой» (колледжем), и если не лучшим, то одним из лучших ОРТов страны. Я покинула его, лишь уходя на пенсию! А к тому времени олимов из России не только не боялись принять

на работу, но охотно приглашали! Все эти изменения произошли, в основном, благодаря талантливому педагогу, завучу, а затем директору Реховотского ОРТа, по окончании которого его выпускники получают не только требуемые специальности, но и В.А. – Якову Палди, которого без особых почестей и речей мы недавно похоронили. Для меня это – большая утрата!

После долгих колебаний и переживаний в конце октября 1974 года, когда мы еще теснились в одной комнатухе в Рамат-Гане, приехала Дорина с Яшей и Танюшей (ей уже было четырнадцать лет), оставив Карла с семьей в Черновцах. Их направили в Димону в ульпан, и, когда они всей семьей приехали к нам, у нас для них не оказалось места переночевать. Обиженные и разочарованные, они вернулись «домой», а я себе места не находила: их слишком далеко от нас забросили! (Очень близко, признаюсь, из-за Яши я тоже не хотела.) Только во время каникул, поехав к ним, я сумела добиться для них квартиры в новостроящемся олимовском районе в Беэр-Шеве. Там они и пустили корни, там они – Яша и Дорина – и похоронены.

Мы с Толей в январе 1975 года по месту моей работы, в Реховоте, получили трехкомнатную малогабаритную квартиру с балконом на третьем этаже в одном из первых двух домов, строящихся на окраине города для «русских олим». Оказалось, что привезенную мебель там даже втиснуть нельзя было, и нам пришлось срочно ее по дешевке продать и купить себе итальянскую белую спальню по размеру. Вторую комнату мы превратили в «сарай» и туда «запихнули» всё, что в Рамат-Гане находилось в шкафу. Ковры, сервизы, хрусталь и многое другое грузины-перекупщики у нас просто-напросто расхватали. Это была амидаровская квартира, и Толя, сообразив, тут же купил ее по дешевке. Мы опять были счастливы: у нас наконец опять была своя квартира. Мы ее обклеили золотистыми шелковыми обоями, она вся светилась: мы из нее сделали «бонбоньерку». На оставшиеся деньги

*С Толей в Оишете,
Реховот, 1975 г.*

мы купили машину «Volvo»-244-автомат 1975 года выпуска тоже по льготной цене – у меня были водительские права, и я до сих пор на ней езжу (она в прекрасном состоянии!).

Еще живя в Рамат-Гане, мне удалось устроиться в гимназии «Сингаловский» на вечернем отделении для взрослых, и работа с ними, помимо небольшого заработка, приносила мне большое удовлетворение: серьезные люди, они ценили мою работу, и у нас с ними сложились очень хорошие отношения. Именно поэтому, переехав в Реховот, несмотря на недовольство Толи, я продолжала там преподавать. Сейчас уже ездила туда (двадцать километров) на машине. До своей работы в ОРТе приходилось ездить не более десяти минут (из-за семафоров). Я была неплохо устроена и неплохо зарабатывала.

Другое дело Толя! Помимо пошатнувшегося состояния здоровья в связи с иммиграцией, ему было уже пятьдесят шесть лет. О том, чтобы устроиться по специальности, в этом возрасте не могло быть и речи. Открыть собственный цех и конкурировать с «Тнувой» было просто смешно. Сидеть дома он не мог, и, «идя ему навстречу», на «Тнуве» предложили ему должность учетчика. Его функция заключалась в том, чтобы работать с шоферами грузовиков, ведя учет их прихода и ухода, распределяя путевки и т. д. и т. п. Поэтому его рабочее место было в небольшой комнатухе, без вентиляции, за письменным столом, на котором постоянно был включен титан (для кофе) и куда «стекались» шофера со всеми своими проблемами. Все они курили и громко говорили – когда не ссорились. Толя приходил с работы полумертвый, пока однажды, заехав к нему, я не увидела обстановку, и, поняв причину его состояния, не сказала: «Хватит!» – и настояла на том, чтобы он ушел с работы. Моего заработка хватало на нас обоих. Кроме того, нам неожиданно вернули какую-то значительную сумму, и у нас даже был какой-то НЗ (неприкосновенный запас). Можно было жить скромно, но спокойно. Но не Толя: он никак не мог смириться с тем, что я работала, а он нет. О том, чтобы получать пособие по безработице, не могло быть и речи: это его окончательно добило бы. И мы искали варианты. Пока что я старалась его занять посильными поручениями: он стал «министром финансов» (у нас в банке был общий счет), делопроизводителем, вел всю документацию и ходил по инстанциям, начальником снабжения и моим «личным секретарем». Время шло. По собственной инициативе он стал расширять себе круг обязанно-

стей: научился варить крутые яички и картошку в мундирах, мыть посуду, а потом – даже полы. Он изо всех сил старался меня хоть немного разгрузить: я уже работала на полную катушку как на работе, так и дома. Как в былые времена, в выходные и праздничные дни у нас бывало много гостей, и, т. к. телефона у нас не было, надо было быть пионеркой, т. е. «всегда готова!». Правда, со стороны Толиной родни, кроме Сони и пару раз Володи с семьей, никто не приезжал (до самой смерти Толи спустя двадцать лет). Мы же к Соне, с тех пор как приобрели машину, выезжали на все каникулы (опять-таки, к себе никто нас не приглашал, но по дороге мы пару раз заскочили к Нюсе и Володе).

Мои родственники всегда спешили к нам, но не спешили приглашать к себе за небольшим исключением. Но и их посещения прекратились, как только Толя серьезно заболел, и ему стало тяжело высидывать затянувшиеся трапезы и посещения. Тогда я осталась совершенно одна...

Года через три после нашего приезда мы вдруг получили письмо от Жени, жены покойного папы, которая в свое время категорически отказалась поехать с папой и с нами, не желая расставаться со своей семьей. Хотя вину за папину смерть я полностью свалила на себя, где-то в мозгу здравый смысл подсказывал мне, что Женин отказ и возникшая в связи с этим дилемма не могли не отразиться на папе. Но, несмотря на это, перед отъездом мы оставили ей деньги на поездку на случай, если она передумает. И вот сейчас мы получили ее письмо, в котором она просила нас помочь ее сестре, Мире, и дочке ее, Женечке, с мужем и двумя маленькими девочками. С ними она готова была приехать. Проглотив чувство обиды, мы решили им помочь и помогли. По их просьбе (наступили другие времена по отношению к олимам) их направили в Реховот, а по моей просьбе (одним из моих учеников в ОРТе был сын начальника «Амидара») Женечка с семьей получила новую большую четырехкомнатную квартиру недалеко от нас, но муж ее, Фимочка, отказался взять к себе «старушек» (его слова), и брать их пришлось нам. Уступив им свою спальню, сами перешли спать в салон на раздвижном диване. Спать они спали у нас, но целый день обе они находились у Женечки, освободив ее от всех домашних забот, включая Даночку и Лику, ее маленьких кукол.

Фима в Черновцах работал шофером на тяжелых грузовиках дальнего рейса. Без всякого ульпана Толе удалось устроить его на

«Яфоре» (завод сладких напитков в Реховоте), и он стал неплохо зарабатывать. Женечка, бухгалтер по профессии, пошла в ульпан. Несколько месяцев спустя Фима пришел к Толе с идеей, воплощение которой могло их обоих обогатить. Женечку мы знали еще девушкой, а Фиму мы совсем не знали. Производил он впечатление неглупого молодого человека, хорошего семьянина и трудяги. Услышав его предложение, я про себя решила, что сам Бог нам его послал. Но я глубоко ошибалась, в чем не перестаю каяться.

Желая помочь им обоим, я уговорила Толю согласиться, и всё могло бы действительно быть иначе, если бы они – Фима и Женечка – не оказались аферистами. Согласно неписаному договору (Толя в Союзе десятки лет работал с людьми даже в министерстве по неписанным договорам: для него слово было превыше всего), Толя должен был купить на имя Фимы грузовую машину со вторых рук (у Фимы такая уже была на примете – «Leyland»). Со своей машиной Фима должен был продолжать работать на «Яфоре», но на совершенно других условиях, расходы на топливо должны были быть за счет Толи, зато чистым заработком они должны были делиться пополам. Женечка должна была вести бухгалтерию. Сделка состоялась, все условия договора соблюдались, кроме одного: мы ничего не получали. В конце каждого месяца мы получали «отчет» о перерасходах, связанных с ремонтом машины, простоями, штрафами за превышение скорости и чего только нет. Больше того, нам постоянно приходилось доплачивать. Дошли до того, что моя зарплата уходила на машину, и, когда мы потребовали продать ее, нам рассмеялись в лицо, и Толя с очередным инфарктом опять попал в больницу.

Я разрывалась между домом, работой и больницей, а Женя с Мирой, которые у нас только ночевали, ни разу не спросили, как Толя. О том, чтобы мне чем-то помочь по дому или посидеть с Толей в больнице (он там находился около месяца), не могло быть и речи. В течение года обе они вышли удачно замуж: Мира переехала жить в Гиват-Шмуэль, а Женя перешла жить к мужу, недалеко от нас. Дорогу к нам она забыла. А я нет! Верх взяло чувство благодарности за те последние восемнадцать лет, которые она подарила папе, оторвав его от Дорины. Что касается Фимы с Женечкой, то они зажили. Воспользовавшись нашим положением, они продали нашу машину, купили себе новую, завели друзей, загуляли и даже в Америку поехали погулять. Ни за расходы, ни за машину мы копейки не получили, и в нашу сторону они вообще перестали смотреть.

Время шло, жизнь продолжалась. Однажды, уходя с работы, почти рядом со школой я заметила объявление на дверях какого-то пустого магазина. Он сдавался, и у меня возникла идея снять его для Толи с тем, чтобы открыть там магазин учебников и канцелярских товаров. Толе нужно было дать какую-то работу, он должен был быть среди людей и при деле. Он согласился со мной, и мы сняли магазин. Но Жак, мой двоюродный брат, отговорил нас от канцелярского дела, посоветовав открыть продуктовый магазин расфасованных товаров. По его словам, в Израиле на продукты питания постоянный спрос. Послушав его, мы завезли товары и устроили красивый магазин. Завелась клиентура, оборот был небольшой, но цель была достигнута: у Толи там даже появились несколько «фавориток». Он был доволен, а я тем более. Беспокоило меня только его здоровье и то, что он в магазине один. На переменах я зачастую забегала к нему, а иногда, если у меня выдавалось «окно», забирала выручку и заносила в банк (в противном случае ему приходилось закрывать магазин). Мы стали уже подумывать взять какого-то помощника, но пока боялись дополнительных расходов – и так у нас была уже уборщица на пару часов и бухгалтер. Прошло всего несколько месяцев спокойной жизни, когда в магазин зашел мужчина и попросил бутылку хорошего вина. Он оказался Толиным старым знакомым, бывшим заведующим каким-то сельпо в Черновицкой области, торговым работником со стажем.

Разговорившись, оказалось, что он с семьей (женой и двумя дочками с семьями) недавно приехали, и живут они совсем недалеко от нас. У него в Америке был старый богатый дядя, который ежемесячно перечислял ему значительные суммы долларов. Они ни в чем не нуждались, но его тяготило безделье (он был моложе Толи лет на десять), и он предложил Толе свои услуги: он готов был вложить деньги в расширение ассортимента, превратив магазин в бакалейный.

Толя согласился, и я обрадовалась, что они там будут вдвоем. Оформили документы, узаконили товарищество, приобрели большой новый холодильник для молочных продуктов. Дело пошло: сейчас магазин был постоянно забит клиентами, но в магазине, как и прежде, был один Толя: Миша, так звали его товарища, гулял. Уходя в банк с выручкой, он, пьяный, с друзьями возвращался только к вечеру. Толя разрывался на работе. Начались ссоры, и я предложила разойтись.

Толя был согласен, но Миша и слышать не хотел: магазин снабжал всю семью, он ничего не делал, ключи от магазина у него были, и после закрытия магазин становился местом встречи с его собутыльниками – и питья, и закуски там было вдоволь. Эта каторга длилась около двух лет, пока Миша не слег и в скором времени умер (он был тяжелым гипертоником), и мы закрыли магазин, погорев вторично. Еще один инфаркт, после которого Толю пришлось на носилках вернуть домой (мы жили на третьем этаже без лифта, и подняться туда он не смог). Стало ясно, что необходимо было поменять квартиру. У нас сохранилось наше долларовое НЗ в банке, и мы стали интенсивно заниматься этим вопросом.

Свою квартиру мы моментально продали с условием освободить ее спустя три месяца. Но подобрать себе небольшую квартиру в центре города с лифтом оказалось почти невозможным. Мы посмотрели десятки квартир, раз мы даже дали пятьсот долларов задаток, которые нам на следующее же утро уже отказались вернуть (дом оказался очень шумный, и мы это заметили, уходя). Сроки подпирали, а мы всё еще искали, когда совершенно случайно нашли именно то, что нам нужно было, но мы попали на психически неполноценную наследницу, которая то продавала, то не продавала квартиру, и в последнюю минуту, когда, продав доллары, мы явились к ее адвокату в Тель-Авиве с банковским чеком на всю сумму, она не явилась и только спустя несколько часов сообщила по телефону, что она квартиру не продает. В банке нам посоветовали войти пока в бурсу, которая в то время процветала. За одну ночь мы потеряли пять тысяч долларов: это была «черная ночь» бирсы в 1981 году, когда люди потеряли миллионы и кончали самоубийством. Для нас это был удар, из-за которого Толя опять попал в больницу, а мне пришлось каким-то образом довести дело до конца: до срока освобождения квартиры осталась одна неделя! Мы уже потеряли надежду и стали искать место для временного переезда, как вдруг получили телеграмму от ее адвоката: она передумала! Это была пятница. В воскресенье утром мы должны были явиться в Тель-Авив, а нам не хватало денег. Никогда в жизни ни я, ни Толя не одалживали денег для себя, а из-за возраста банк нам ссуду не давал. Брать было не у кого, и я уговорила Толю поехать к Соне: там была вся его семья.

Каждый раз, когда мы приезжали, Соня собирала всех «детей» с семьями на праздничный обед. Так было и на сей раз. У всех было

приподнятое настроение, наперебой хвастались своими успехами и успехами детей. Мы слушали и искренне радовались за них. Поняв, что у Толи не откроется рот попросить у них денег, даже своих, я заговорила. Я подробно рассказала им о случившемся и о том, что нам до зарезу нужны были пять тысяч долларов. Гробовое молчание. Вдруг Володя, любимец Толи, обращаясь ко мне, стал меня упрекать в том, что захотела новую квартиру, не считаясь с состоянием здоровья дяди и со своим возрастом. С этими словами мы в субботу вернулись домой, и в тот же вечер Толя пошел к знакомому по Черновцам зубному врачу, который безо всяких гарантий и бессрочно, но на большие проценты одолжил ему нужную сумму. Счастливые, в воскресенье утром, взяв в банке опять банковский чек (это было ее условие), мы поехали в Тель-Авив и подписали договор.

Одолжив нам доллары, он нас спас, но мы закабалились на несколько лет, т. к. после «бума» на бурсе доллар стал расти ежедневно по шекелю и больше, и, несмотря на то, что мы затанули пояса до последней дырочки, мы никак не могли рассчитаться: мы ежемесячно платили проценты, а долг оставался долгом.

В новую квартиру, после того, как мы с Толей безо всякой посторонней помощи привели ее в минимальный порядок (всё остальное делалось уже при нас), переехали без Пика. Его уже больше года, как не стало: почувствовав приближение конца (он был уже очень старый – тринадцать лет – максимальный возраст для его породы), ушел из дому. Наши поиски остались безрезультатными. Долгое время я плакала, как маленький ребенок. Он ушел, «не попрощавшись», и мне было очень обидно и тяжело: я лишилась самого верного друга!

Квартира, в которой я до сих пор живу (и дай Бог остаться в ней до конца), находится в самом центре города на маленькой зеленой улочке длиной в полкилометра, максимум в десятиминутном расстоянии от нашей поликлиники, супера, базара, банка, множества магазинов, каньона и главных государственных учреждений. Дом наш четырехэтажный, с лифтом, и на каждой площадке по две квартиры. Мы купили квартиру на втором

*Я с Толей в новой квартире.
Реховот, 1982 г.*

этаже. Раньше нас было шесть пожилых пар и одна молодая семья из четырех человек, занимавшая двухэтажную квартиру. Сейчас, помимо этой семьи, остались одни вдовы. Но мы живем, как одна семья. У всех, кроме меня, есть дети, которые заботятся о них и забирают на субботу и праздники. Я совершенно одна, и, когда верхняя семья тоже куда-то выезжает, я остаюсь одна на весь дом!

Для Толи эта квартира была идеальной со всех точек зрения. Мы могли бы наслаждаться жизнью, если бы не состояние его здоровья: у него была гипотония и сильная стенокардия. Он перенес не знаю сколько микро- и макроинфарктов. Сердце у него держалось «на волосинке», а сделать ничего нельзя было. В больнице «Каплан» в Реховоте профессору Каули не удалось «пробить» ему центур. Не удалась и попытка вставить ему стимулятор сердца, а об операции на открытом сердце не могло быть и речи. Таково же было мнение профессора Готесмана, бывшего личного врача Менахема Бегина, который стал его вести и благодаря которому он дождался семидесятивосьмилетнего возраста (пятнадцать лет – в этой квартире).

Если в начале своей деятельности в Израиле я, на пробу, получила всего-навсего треть ставки, при этом, пока не вернули мне диплом (спустя три года через голландское посольство), меня оплачивали по самой низкой категории (потом сделали перерасчет, и я сразу получила значительную сумму денег), то сейчас я работала на две ставки плюс. Сначала в ОРТе я стала востребуемой «пробкой», которой затыкали уроки во всех классах при неявке других учителей на работу, затем, после внезапной смерти моего коллеги Цви Шора, меня догрузили его часами. На третий учебный год (мой) ввели отделение электроники, и сразу прибавились классы (появилась, с боем, первая девушка, которая сделала полную «революцию» в школе), и, ко всему, мои добровольные часы стали называться «эффективными», и за них я получала, как за обыкновенные уроки плюс тринадцать процентов (вместо пенсионных и т. д.).

В конце третьего учебного года перед тем, как решить вопрос о «квноте» (постоянстве), ко мне на урок внезапно, хотя полагалось за неделю предупредить, явился инспектор по английскому языку Центрального ОРТа. Помимо комплиментов и квнота, я получила предложение о дополнительной работе в ешиве «Ахузат Яков» (филиал Реховотской «Ешиват ха-Даром») в Ган-Явне (двадцать

километров от Реховота). Толя категорически возражал, но я, не привыкшая говорить «нет», когда речь шла о работе, поехала на интервью с главным раввином (американцем). Это был человек лет пятидесяти плюс, бритый, элегантно одетый (в черно-белом). Если бы не его кipa, трудно было бы подумать, что он религиозный человек. Войдя в его кабинет и желая представиться, я подала ему руку. С улыбкой на лице он сказал: «Извините, тут это не принято!» Я одернулась и тут же извинилась. Сверх всякого ожидания, после конфуза разговор у нас пошел по душам.

Он рассказал мне, что это была мужская ешива и что до тех пор там английский язык преподавали только американцы (мужчины), но что никому еще не удалось привить учащимся любовь к предмету, в результате чего из-за английского языка ни один выпускник ешивы не смог получить полный багрут. Далее, не скрывая, он мне признался, что инспектор (они тоже были связаны с ОРТом, т. к. у них также были ремесленные отделения, включая электронику) меня так похвалил, что, несмотря на то, что я женщина, он согласился встретиться со мной, о чем нисколько не жалел. Ко всему он добавил, что был бы рад, если бы я согласилась там работать, обещав сделать всё возможное, чтобы я об этом никогда не пожалела. (И так оно и было!) Поблагодарив за доверие, я сказала, что, во-первых, я должна получить согласие мужа, во-вторых, что я не собиралась уходить из Реховотского ОРТа, где у меня больше ставки, и, сделав небольшую паузу, добавила, что мы не соблюдаем все еврейские традиции и что мы выезжаем по субботам. Улыбаясь, он сказал: «А я Вас об этом не спросил!»

Под нажимом инспектора и с согласия директоров я получила идеальное расписание: по утрам я работала в ОРТе, отсюда я ездила в Ган-Явне, где попадала на обед (там столовая была, как ресторан в хорошей гостинице, и наряду с учащимися там питались и учителя, и весь обслуживающий персонал), а после обеда, когда все шли в синагогу при ешиве, я отдыхала в саду. С половины третьего и до самого вечера три раза в неделю я работала там. От работы в Тель-Авиве в «Сингаловском» пришлось отказаться. Зато во время каникул на протяжении месяца я работала и в ОРТе Реховота, и в ОРТе «Тель-Ноф» на подготовительных курсах.

С первого дня своего появления там я поняла, что я – «белая ворона»: среди учителей я была единственной женщиной, к тому же одета по-своему: в летних коротких платьях, без чулок и без голов-

ного убора, была «русской» и преподавала не родной английский язык. Мои американские коллеги смотрели на меня свысока. Спустя пару лет, будучи уже מרכז (координатором) учителей английского языка с правом подбора подходящих учителей, я рекомендовала начальству их уволить. Вместо них появились две «русские англичанки»!

Разделив классы на три группы, я взяла группу «А». Эта группа во всех классах осталась за мной на протяжении двадцати лет, и, благодаря своему адскому терпению и накопленному опыту работы с таким контингентом учеников, плюс железная настойчивость при достижении цели и полная поддержка дирекции, в конце первого года все мои двенадцатиклассники впервые в истории ешивы сдали «гемер», а начиная со второго и в последующие годы – багрут на три, четыре и пять единиц, и наша ешива стала занимать с этой точки зрения почетное место среди подобных учебных заведений. После моего ухода, пользуясь моими разработками и методом преподавания, «русская англичанка», которую с треском сняли с работы в какой-то ашдодской школе и которую я «подобрала», была награждена какой-то медалью. Рассказав мне об этом при встрече на бассейне, она, Света-Лиора, забыла сказать мне «спасибо»! Но это было не важно. Важно было то, что я – первая «русская» ласточка, пробравшись как в ОРТ, так и в ешиву, содействовала тому, что перед учителями из Союза широко распахнулись «ворота» и что наши квалифицированные учителя (пусть не сразу и пусть нелегко) внесли значительный вклад в систему просвещения израильской молодежи. Вот почему я ее от души поздравила и пожелала больших успехов.

Всё, что у других проходило гладко, у Толи всегда сопровождалось осложнениями, и ему срочно понадобилась кровь. Из-за лекарств, которые я принимала в связи с приобретенными хроническими заболеваниями (о которых никто ничего не знал), у меня кровь не брали, а просить было не у кого. В отчаянии я позвонила Володе, который посоветовал мне поехать в Тель-Авив на улицу Ахад ха-Ам, где, по его словам, всегда крутились парни, готовые сдать кровь за деньги. Мне нужен был свободный день, и я обратилась к директору ешивы Шломо Гольдбергу. Услышав, о чем идет речь, он встал из-за своего стола, подошел ко мне и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Я тебя никуда не отпущу, а завтра утром до

работы (он жил в Ришон ле-Ционе) я сам заеду в «Каплан» (больница) и сдам кровь. Дай мне только все точные данные!» Я онемела, а он добавил: «Ты что, думала, что у меня крови нет? Почему ты сразу ко мне не обратилась?» Я не знала, как его благодарить. А ведь я там работала только пару месяцев. После этого мы подружились. У него была жена и шестеро детей. Старшего сына, который занимался в другой ешиве, я подготовила к экзамену на багрут, а затем была на его свадьбе (Толя не мог поехать). Спустя пару лет, когда его дочка-солдатка еще служила в армии и внезапно умерла, я была единственная из всей ешивы, кто не поехал ни на кладбище и ни домой во время «шивы»: я не находила ни слов, ни сил посмотреть им в глаза, а когда восемь дней спустя он вернулся на работу, и все забегали к нему, я стала его избегать. Однажды на перемене я увидела его в школьном дворе и тут же побежала назад. Заметив мой «побег», он меня окликнул, догнал и сказал: «Это жизнь! Бог дал, Бог взял!» Я не могла поверить своим ушам, но с тех пор стала его еще больше уважать.

Состояние здоровья Толи постоянно ухудшалось. Вдруг он стал жаловаться на зрение. Профессор Оливер определил катаракту на обоих глазах, но перед самой операцией он просто-напросто сбежал, поручив в то время молодому врачу д-ру Хофману прооперировать его. Не обошлось без осложнений, и с интервалом в несколько месяцев ему пришлось перенести вторую операцию в Херцлии. Он стал видеть чуть лучше с очками плюс увеличительные стекла, но приобрел глаукому, которая неизлечима.

Операцию по удалению паховой грыжи, которая ему очень мешала, пришлось (по большой протекции) сделать в «Асаф ха-Рофе» (в «Каплане» доктор Векслер откладывал ее из года в год), а зубы пришлось вырывать в больнице «Тель ха-Шомер» (ни один хирург-дантист не хотел брать на себя ответственность). Я разрывалась одна без всякой посторонней помощи между работой, домом и больницами. При этом мое «рабочее» давление было сто восемьдесят на сто, а уровень сахара в крови колебался между шестьюдесятью и тремястами шестьюдесятью с таблетками. Благо, что в обеих школах мне шли навстречу во всем: приезжая на работу, я первым делом должна была заходить в канцелярию и доложить, как у меня обстоят дома дела. В ОРТе я докладывала Эдне – главной и бессменной секретарше школы, сестре знаменитого Хаима Явина,

правой руке завуча, а затем директора Палди, а в ешиве – трем милейшим тайманским женщинам: Оре, Илане и Кармеле.

Иногда слова были лишние: по моему лицу можно было прочесть всё, и они то ли отправляли меня домой, организуя замену, то ли успокаивали, обещая, что они время от времени будут звонить Толе, чтобы узнавать, каково его состояние, так что я могла работать спокойно.

На переменах я получала «сводку». Были случаи, когда они меня снимали прямо с урока и отправляли домой. Дирекция, конечно, была в курсе всего происходящего. Не представляю, что бы я делала без них. Большое человеческое всем им СПАСИБО!

Годы шли. Буцу (сорок восемь лет) умер во сне – тромб сердца, его жена Авива умерла спустя год от рака груди. Жак и Рахель, его жена, тоже умерли от рака. Друзья от нас полностью оторвались, а с Карлом Вагнер и Харри Дорон (Дорман) мы изредка общались по телефону. Кроме Сони, которая время от времени приезжала за деньгами «для девушек», и Дорины, к нам никто больше не заезжал. У Дорины (она работала бухгалтером в «Мошавей ха-Негев») тоже были свои очень серьезные проблемы: Яша заболел раком горла и потерял голос. Он перенес несколько операций, облучение, химию и в конце концов скончался.

Танюша окончила школу, отслужила армию и, по протекции начальника Дорины, устроилась работать на «Безеке», где проработала до недавнего времени, когда ее сократили, не дожидаясь ее выхода на пенсию. Она вышла удачно замуж, и у нее трое детей, один из которых, по нашему с Дориной настоянию, получил добавочное имя Барух в честь нашего отца. Живут они в Беэр-Шеве, и мы с Пиком, когда Толя уже не мог, иногда рано утром по субботам уезжали к ним, с тем чтобы в тот же день вернуться.

Когда в Союзе стали разрешать поездки в Израиль в гости к прямым родственникам, Дорина тут же вызвала Карла (вдвоем супругам не разрешали выезжать). Оля долго его не отпускала, но спустя год он все-таки приехал. Яши уже не было. Жизнь в Израиле ему понравилась, и, уезжая домой с подарками и нашими наставлениями, он твердо решил сделать алию. Два года спустя вместе с Олей он приехал в Беэр-Шеву к Дорине. Обоих сыновей Оля оставила там, но ее с Карлом общий сын, Саша, с женой и дочуркой-ку-

колкой вскоре последовал за ними. Не без нашей с Дориной помощи, но в основном своим трудом, сейчас они живут в двухэтажном коттедже с красивой усадьбой, имеют машину, а у Саши появились еще двое детей, и мой маленький Карлуша – дедушка троих внуков. Непостижимо! Более того, в этом году он выходит на пенсию! (Оля, которая старше его, уже несколько лет как пенсионерка.) Все они живут красиво, и всё было бы хорошо, если бы не сложившиеся семейные отношения между Карлом и Таней: под руководством Оли они почти не контактируют, и в этом виноваты мы все!

Танюша появилась на свет, когда Карлуше было уже тринадцать лет, по его «заказу»: он постоянно просил братика или сестричку, и, хотя это была незапланированная беременность (после многочисленных абортов), ее оставили ради него, а он в ней души не чаял и возился с ней не как брат, а как отец, нянька и baby-sitter. Вплоть до того, что он ей менял и стирал пеленки. Расстались они из-за эмиграции в Израиль, когда Танюше было четырнадцать лет, а встретились, когда она уже была замужем, матерью троих замечательных детей (Иланит, Шай-Барух и Шир). У нее был хороший муж – Вова, хорошая семья, хорошая работа, хорошая большая квартира и машина, в то время как у Оли не было ничего и жила она у ненавистной свекрухи – Дорины (которая из кожи лезла вон, чтобы им угодить). Всё, что ни делалось для них с Карлом, как в Черновцах, так и в Израиле, было не в счет. Она постоянно говорила и продолжает говорить, что «всё пошло в Таню», и переубедить ее невозможно (пока они не приехали, Дорина постоянно посылала им деньги и посылки). Зависть до сих пор съедает ее, а она ест Карла.

Хороший, добрый и бесхарактерный Карл стал ее «Yes-man»ом. Они оба сразу пошли на работу, и спустя три года после прибытия в страну у них уже было всё, но всё это было не то, потому что у Тани было больше, и так по сей день! Мы все переживали из-за этого, но Дорина – больше всех: Карл всё заметнее отрывался от нашей семьи и, как марионетка, действовал под дудку своей властной жены.

*Дорина до болезни.
Безр-Шева, 1996 г.*

В 1997 году Дорина заболела раком груди, но умерла она спустя семь долгих лет страданий не от рака, а от депрессии: с одной стороны, она не могла перенести создавшуюся в семье вокруг нее ситуацию, а с другой – не могла себе простить, что, продав свою квартиру и переехав к Тане (после неудачного пребывания у Карла), она тем самым лишила Карла наследства.

После выхода на пенсию Дорина работала в «Сохнуте» добровольцем (в Беэр-Шеве) с «русскими и румынскими» олимами. Она очень многим помогала, чем только могла. Однажды, сопровождая группу олим и их гостей на какую-то экскурсию, она познакомилась с Григорием и Маней Окунь. Он – профессор Ташкентского университета, завкафедрой зарубежной литературы, автор многочисленных статей и брошюрок, она – врач-невропатолог. У них в Беэр-Шеве была дочь Жанна с мужем, профессором Беэр-Шевского университета, и они приехали к ним в гости. Разговорившись, оказалось, что они мечтали репатриироваться, но препятствием были их сваты от младшей дочки Лены, преподавателя английского языка Ташкентского университета: им некому было выслать вызов – у них была редкостная фамилия. Дорина обещала им помочь и, действительно, помогла: разыскала однофамильцев, упростила им выслать вызов, и спустя полгода в Реховот, куда переехала Жанна с мужем, которому предоставили работу в Институте им. Вейцмана и квартиру, приехало семь человек. Дорина дала им наш телефон, мы с ними подружились, дочку я устроила работать в ешиве, а за ее мужа-инженера поручилась при поступлении на работу в Тель-Нофе. Мы с ними продолжали дружить, пока они не переехали в Ашдод. Дорину они совсем забыли и, узнав о ее смерти, даже не выразили семье соболезнование. Это только один из примеров человеческой неблагодарности!

Пример человеческой благодарности – доктор Коган. Ему (урологу) Дорина помогла устроиться на работу в больнице «Каплан» в Реховоте, и еще до того, как с Толей случился инсульт, Дорина нас связала, поскольку семья у него еще жила в Беэр-Шеве, а у него бывали дежурства, когда он мог спать дома, но моментально явиться, как только в этом была необходимость. В таких случаях он спал у нас, и мы с ним просто подружились.

Первый инсульт Толя получил по вине его лечащего врача, которая, «спасая» его от гриппа, угробила его, прописав ему лекарство,

не совместимое с Comadin-ом, который он постоянно принимал. В результате перенесенного инсульта у него парализовало левую сторону тела, отнялась речь, нарушились пищеварительная функция и функция почек.

После длительного пребывания в больнице и частичного восстановления некоторых функций, настала срочная необходимость в урологической операции, которая, по мнению кардиолога, терапевта и невропатолога, ему была противопоказана. Но Толя настаивал, и я безуспешно бегала от одного специалиста к другому. Помощь пришла со стороны д-ра Когана, у которого сложились хорошие отношения с главврачом урохирургического отделения больницы «Каплан» – светилом, которого сняли с работы за взятку в Хайфе. Оказалось, что он снял квартиру на нашей улице, и, осмотрев Толю, пошел на риск.

Все те, которые раньше и слышать об операции не хотели (невролог, терапевт, кардиолог), дали свое согласие. Всё было подготовлено: его должны были взять первым, и я после бессонной ночи с шести утра была с ним там. Его уже забрали, я осталась за дверью операционной, в коридоре, одна, ни жива ни мертва. Вдруг д-р Коган выбежал из операционной и, подойдя ко мне, сказал: «ЧП – анестезиолог отказывается дать ему наркоз!» Узнав, что в то утро анестезиологом работала Полина, моя хорошая знакомая, я попросила сказать ей, что это мой муж. Наряду с настойчивым требованием профессора, это, очевидно, повлияло на нее, и она согласилась дать ему наркоз только на двадцать минут. Профессор согласился, и тут началась беготня: вместо запланированной обычной хирургической операции он решил использовать лазер. За аппаратом побежал д-р Коган. Я чувствовала, что мне становится плохо, но я от дверей операционной не отошла, пока не увидела д-ра Когана с аппаратом, который «на бегу» произнес: «Всё в порядке!»

Что было дальше, я не помню: я очутилась в «приемном покое» больницы – у меня была сахарная кома плюс очень высокое давление. Они меня решили госпитализировать. Я возражала, но мне ничего не помогло, и как только я оказалась в палате, тут же побежала к операционной. Там никого не было. Я чуть не умерла на месте. Мне сказали, что Толя уже давно лежал в послеоперационной. Я «побежала» туда. Меня не пустили. Я разыскала д-ра Когана. К этому времени Толя уже проснулся, и его перевели в палату. Я опять побежала туда, и, только увидев его искривленную улыбку на лице, я наконец успокоилась.

Но успокаиваться было рано. Он лежал в гериатрическом отделении. Спустя несколько дней завотделением д-р Леви подозвал меня к себе и сказал, что в таком состоянии он его держать там не может, т. к. лечению он уже не подлежит (он еще не мог ни встать с постели, ни говорить, ни глотать), и он его переправляет в Гедеру в больницу «Гарцфельд», а это была «последняя инстанция»: туда посылали безнадежных больных, и мало кто оттуда возвращался домой. Я категорически сказала: «Нет!» и, вопреки уговорам специалистов, забрала его домой, подписав свой отказ.

Пока он находился в гериатрическом отделении «Каплана», к нему постоянно заглядывал д-р Наум Чухман – Толин хороший знакомый, отоларинголог. Он не только одобрил мое решение, но и предложил свои услуги. Я не понимала, что он имел в виду, но всё равно обрадовалась предложению и поблагодарила. Он попросил меня подождать, пока сдаст смену, и, вызвав амбуланс, мы привезли Толю домой. У него были слезы на глазах.

Толю положили в мой кабинет: там хороший ортопедический раскладной диван. С этого момента д-р Чухман стал членом нашей семьи и нашим добрым ангелом. Получив ключи от нашей квартиры, он ежедневно до начала работы заезжал к нам, обследовал Толю, брал кровь и мочу на анализ, при необходимости в перерыве подсказывал к нему, а вечером опять делал свой «обход». Иногда, когда дежурил на работе, он мог и посреди ночи заскочить на минутку.

И чудо свершилось: Толя стал понемногу приходить в себя. Д-р Чухман постоянно заставлял его двигаться, делал ему массажи. Наконец наступил день, когда он решил, что пора выйти из дому. Я умирала от страха. Но он настоял на своем. Сначала – на кресле-каталке, потом – при двухсторонней, моей и д-ра Чухмана, поддержке, а затем – с палкой и при односторонней поддержке, и лишь через полгода, опираясь на палку, он стал «шагать». Палка стала его верной подружкой: с ней он не расстался до самого конца. Я не верила своим глазам. Со временем он начал кое-как глотать и даже нечленораздельно «говорить». Когда он с трудом произнес «Спасибо!», я заплакала.

Толя был очень педантичным человеком: он всегда выходил на работу, как в театр, при галстукке и шляпе, в до блеска начищенной обуви даже тогда, когда тротуара у нас еще не было, и, чтобы дойти до машины, неизбежно вступал в болото. Как только он заговорил

(после благодарности), он сказал: «Я хочу вторую операцию – с катетером я жить не хочу!» Опять началось хождение по специалистам, опять все были против, и опять нашелся профессор, который вопреки всем и всему его удачно прооперировал. (С этой точки зрения до самого конца у него больше никогда не было проблем.)

Можно сказать, что процесс реабилитации завершился к концу года. Остались все-таки его старые недуги, и он был под постоянным наблюдением у профессора Готесмана (сердце) и профессора А. Полак (глаза). Постепенно он вернулся к своим прежним функциям, ежедневно выходил в «олимовский» садик гулять, где обычно гуляли «ему подобные». Всё было хорошо, пока однажды, вернувшись с прогулки в то время, когда я была на работе, он пошел принять душ, поскользнулся и, упав, поломал себе три ребра. Двигаться он не мог и пролежал на полу, пока я не пришла домой. Благо, что это было летом. Боли были жуткие, помочь было невозможно, и нам велели ждать: «Время лечит!» – говорили врачи. К счастью, я узнала о каком-то потомственном костоправе, чистокровном кацапе, который принимал у себя дома в Рош ха-Айне.

Поехав туда, я с трудом уговорила его посмотреть Толю, и он согласился. Сняв дверь с петель, он осторожно помог Толе лечь на нее и стал его массажировать. Таких процедур было несколько, и он поставил его на ноги опять. (Я ему платила не за процедуру, а за время, но он стоил того, он его спас!)

Мы опять были счастливы, пока четыре года спустя с ним не случился второй, и последний, инсульт. Случилось это дома на рассвете. Умудренная опытом, я тут же вызвала «неотложку»: пульс у него был тридцать три удара в минуту. Состояние было критическое, но из приемного покоя вместо того, чтобы направить его в טיפול מיוחד, его направили в терапевтическое отделение – эта врачебная ошибка стоила ему жизни! Там, в палате, куда его положили, повесили его монитор над головой рядом лежащего больного за ширмой! Когда я спросила сестер, каким образом велось наблюдение за монитором, они заверили, что у них прямая связь, и им всё видно (это была ложь!). Целый день и целую ночь я была рядом с ним. Наутро решено было повезти его на ЕСО в другой конец здания – хотя он был нетранспортабельным. Я пошла к заведующему отделением. Он стоял в коридоре, разговаривая с кем-то. Став в стороне, я с нетерпением ждала конца их бесконечного разговора. Он обратил на меня внимание, но не отреагировал. Не выдержав, я

подошла к ним, и, извинившись, сказала, что мне нужно срочно с ним поговорить. В ответ он напомнил мне правила приличия. Ничего не ответив, оскорбленная и беспомощная, я побежала в палату со слезами на глазах. Толи там уже не было: его так и забрали на ЕСО, несмотря на мое возражение. Прибежала я туда с опозданием: его опять на кресле везли назад в палату. Целый день я была с ним, а поздно вечером он меня просто прогнал домой, сказав, что ему легче и что на следующее утро мы поговорим: «Я сделал страшную глупость, – сказал он, – как только я отсюда выйду, мы должны ее исправить». Ничего не спросив, но в полном недоумении, я поехала домой. Что он имел в виду, остается загадкой.

Когда я рано утром приехала к нему, его в палате не было. Подбежав к сестрам, я узнала, что его перевели в соседнюю палату, и какая-то сестра пошла со мной. Палата была пустой, за исключением одной кровати. Подбежав туда, я его не узнала: его красивое, гладкое лицо было искривлено. Он лежал с закрытыми глазами. Я его окликнула, но ответа не последовало. Что было дальше, я не знаю: проснулась я в «приемном покое» больницы, и вокруг меня бегали белые халаты. Я захотела встать, но не смогла. Меня госпитализировали, и в палате я опять впала в диабетическую кому: все эти дни я не ела, не пила и пилюли не принимала. Придя в себя, я спросила, где Толя, и мне сказали, что он в соседней палате. Я попросила помочь мне дойти до него. Посадив меня на коляску, сестра повезла меня в соседнюю палату. Его там не было, и я опять потеряла сознание. Оказалось, что его повезли в Ришон ле-Цион в «До ста двадцати» (подпись на согласие я поставила «post factum», когда они меня заверили, что это в его состоянии наилучший вариант: в сознание он больше так и не пришел!).

Я решила позвонить Дорине, но не могла вспомнить ее номер телефона. Я дала сестрам ее данные с просьбой найти ее номер телефона в справочнике и позвонить. Не знаю, позвонили они или нет, но никто не приехал. (То же случилось и с Володей, племянником Толи. Сони уже года два, как не было.)

Не выписавшись, с помощью какой-то больной переодевшись, на коляске я удрала из больницы и, взяв такси, поехала к Толе. При помощи шофера я еле добралась до кабинета главврача. Это была миловидная блондинка средних лет, которая приняла меня сочувственно и тепло. Она меня старалась успокоить, расписывая все преимущества того места, и опять на коляске я захала в палату,

где лежал Толя. Там были три кровати. Все заняты. Я спросила, нельзя ли его перевести в палату на одного человека, на что она ответила, что, во-первых, таких палат нет (были только на большее число коек), а во-вторых, я могу быть спокойна, так как «его соседи ему не будут мешать» (ее слова). Смысл ее слов я поняла только потом: они там лежали годами без сознания. Первый – художник, жена которого вот уже несколько лет приезжала ежедневно, забирала грязное белье и приносила чистое и глаженое, брила его, ласкала, что-то приговаривала и уходила. Вторым был очень богатый пожилой человек, но одинокий, чья единственная племянница-наследница была его опекуном. Она регулярно перечисляла деньги за его содержание там, сама же никогда не являлась на протяжении долгих лет. «Она, – говорили сестры, – только и ждет его смерти!» К первому санитарки относились очень бережно, второго грубо перебрасывали, когда перестилали постель и переодевали. Когда однажды, не выдержав, я упрекнула их, они потребовали, чтобы я выходила, когда они заходят. И они этого добились: меня попросили! Поняв «систему», я стала приносить всем ежедневно плитки хорошего шоколада, тем самым обеспечив Толе человеческий уход. (Я находилась там ежедневно с восьми часов утра до десяти часов вечера: никому из посторонних не разрешалось оставаться на ночь.) Толя пролежал там без сознания целых три недели. За всё это время никто из родственников (моих и Толиных) не приезжал. Один только раз, когда, договорившись с доктором Леви, я поехала на своей машине в «Каплан» за ним, вернувшись, мне сообщили, что у Толи были посетители. Это были Циля с Мариком, жена и младший сын Володи, которые приехали из Кирьят-Ата и в ужасе, не дождавшись меня, тут же удрали назад...

Единственный ЧЕЛОВЕК, которая приходила меня навещать и морально поддерживать, была Пнина – старшая по общежитию в ешиве (она для учеников была настоящей матерью), которая жила в Ришоне (это было каникулярное время). Я ей бесконечно благодарна!

Доктор Леви, внимательно осмотрев Толю и пожав плечами, сказал: «Извините, но ни я, ни кто-либо другой при всем желании не сможет помочь: у него легкие до половины залиты жидкостью!» Он был гериатром. Я не могла и не хотела этому поверить и пригласила также профессора-фтизиатра (легочника). Вердикт был тот же. Тогда я решила позвонить Вите.

Витя – старший сын Толиной покойной жены – Марии Абрамовны – уролог, кандидат наук, жил тогда в Мюнхене (Германия). У него в Бат-Яме (Израиль) был друг – бывший сокурсник. По просьбе Вити он тут же приехал ко мне, познакомился с главврачом, изучил Толину историю болезни и, осмотрев его, сразу позвонил Вите, который уже успел подать просьбу на получение визы. Он прилетел спустя несколько дней. Друг его встретил, и из аэропорта они приехали прямо к нам.

Состояние Толи становилось всё хуже и хуже. Я не отходила от его постели, глядя ему руку, говорила с ним, обо всем ему рассказывала и просила держаться, т. к. Витя вот-вот прилетит, и он обязательно ему поможет. Однажды при таком «разговоре» я вдруг почувствовала легкое пожатие его руки, и я поняла, что он меня услышал и понял, о чем я говорила. То же повторилось, когда Витя его поцеловал и пожал ему руку.

Мы с Витей по обеим сторонам Толиной постели, держа его обе руки в своих, не отходили от его кровати до самого вечера. Вече-

Витя Гринвальд (Толин пасынок) с семьей у меня дома после смерти Толи. Реховот, 1997 г.

ром, когда появилась главврач (ее целый день не было), Витя долго с ней разговаривал, а потом мы поехали домой. За это время мы с ним очень сблизились, и он рассказал мне вещи, о которых Толя промолчал, и о себе.

Он рассказал, что, как только началась война, отца забрали на фронт (он погиб), а они (он с младшим братом Игорем и мамой) эвакуировались в Среднюю Азию (жили они где-то в восточной Украине), где мать работала учительницей. После войны они попали в Черновцы, где Мария Абрамовна, член партии, вдова погибшего офицера с двумя детьми, получила хорошую, большую квартиру в самом центре города. Толя, который после освобождения из гетто вернулся в Черновцы со своей сестрой Соней, снял у них комнату.

Мария Абрамовна работала учительницей химии и завучем Черновицкой школы №6, была членом горкома партии и дома почти не бывала. Толя, устроившись работать в системе ОРСа (Пище-

пром), стал снабженцем всей семьи, а Соня вела хозяйство и ухаживала за уже взрослыми ребятами. (Оба они окончили среднюю школу с золотой медалью и поступили в Первый Ленинградский мединститут, который тоже окончили с отличием. Витя окончил также и аспирантуру и работал в какой-то больнице в Ленинграде. Игорь не успел: он утонул в Днепре, оставив после себя молодую беременную жену (его сын одно время работал в посольстве Америки в России). Витя был дважды женат. От первой жены у него родилась дочь, которую называли Марией (в честь Марии Абрамовны) и которая в возрасте двенадцати лет умерла от рака мозга.

От второй жены, Аллы (не еврейки), у него был сыночек Илюша, в котором он души не чаял. Алла – дочь какого-то ленинградского партийного работника, преодолев большие трудности, эмигрировала с Витей в Америку. Там, в Лос-Анджелесе, Витя устроился на работу в известной фармацевтической фирме Pfizer и по ее поручению спустя несколько лет переехал в Германию, где ему предстояло открыть филиал и руководить им. Оттуда, из Мюнхена, он и прилетел к Толе!

Живя одной семьей, отношения между Толей и Марией Абрамовной стали совсем близкими. Соня вышла замуж и ушла к мужу, а Толя взял на себя «должность» главы семьи. Всё было хорошо: они наняли женщину, которая вела хозяйство, ребята уже учились в Ленинграде и жили отдельно на частных квартирах, Толя обеспечивал их всем необходимым и даже больше, как вдруг случилось несчастье: у Марии Абрамовны обнаружили генетическое заболевание почек. К ней приглашались лучшие специалисты, ее возили в Москву и в Ленинград, но сделать ничего нельзя было: она была обречена. И вот тогда, решив узаконить их отношения, дабы она умерла спокойно, зная, что у ребят будет преданный им человек, Толя сделал ей предложение, и они официально расписались. Но ребята, взрослые уже в то время люди, под влиянием дяди – маминоного брата, живущего рядом, Давида Левина (известного в городе учителя математики), не одобрили сделанный ими шаг, и в семье наступил разлад. Толя, который вложил в ту семью всю душу, очень болезненно воспринял создавшееся положение. Смерть Марии Абрамовны усугубила их разрыв, а ребята, как никогда раньше, стали плясать под дядину дудку, которая довела Витю до тюрьмы: под предлогом, что Циле, жене Давида, необходимы были дефицитные и очень дорогие лекарства, Давид подбил Витю «взять» их из больницы и переслать ему.

Оказалось, что он их продал. Кража обнаружилась, и Витю посадили на несколько лет. С помощью Толи из тюрьмы с большими трудностями и за большую взятку Витю освободили, но он Толю не поблагодарил: Толя ничего не говорил, а дядя Давид присвоил себе заслугу, и он поверил.

Прозрение пришло с годами, и тогда, будучи уже в Израиле, мы совершенно неожиданно получили от него письмо, в котором он признался в своей вине и недостойном поведении по отношению к Толе и поблагодарил за всё то хорошее, что он сделал для его больной матери и для них, детей. Заключил он письмо просьбой забыть, простить и разрешить ему приехать к нам. Толя был глубоко растроган, но ответить на письмо он все-таки не смог: слишком большая была обида, слишком глубока была рана, нанесенная ему. Я же, не зная подробностей, не стала вмешиваться, хотя за первым письмом последовали еще пара: одно – из Лос-Анджелеса, а второе – из Мюнхена, куда я и позвонила.

Его откровенный рассказ, искренность и срывающийся временами от волнения голос не оставлял места для сомнений, кроме того, тот факт, что он единственный в прямом смысле слова прилетел к Толе, узнав о его состоянии, расположил меня к нему окончательно. Он был у нас больше недели, и мы с ним ездили к Толе, как на работу, и с утра до вечера были с ним. Расставаясь с Толей, дорогим для нас обоим человеком, мы очень сблизились. И вот однажды вечером, вернувшись домой, мы после ужина, как обычно, перешли в салон, и вдруг он меня спросил: «Вы знаете о моем с ним разговоре по телефону?» Я была удивлена: Толя от меня раньше ничего не скрывал. Уловив мое удивление, он рассказал мне, что однажды с работы он позвонил нам, и они с Толей долго разговаривали, не касаясь прошлого, что Толя меня очень хвалил и что Витя обещал Толе еще до первого сентября (начало занятий) подскочить к нам с Илюшей хотя бы на пару дней. Во-первых, сказал он ему, нам пора уже встретиться, а во-вторых, в связи с тем, что Илюше, его сыну, в январе должно было исполниться тринадцать лет, он хотел устроить ему бар-мицву в Иерусалиме у «Стены Плача». Поэтому, договорившись предварительно по телефону, им нужно было лично встретиться: Илюшу должны были там подготовить.

Естественно, что самыми почетными гостями должны были быть мы с Толей, а Толя в свою очередь пригласил его с семьей остановиться у нас. Я поспешила заверить, что «договор» остается

в силе и что я буду счастлива исполнить желание Толи и... свое! И так оно и было!

Срок пребывания Вити в Израиле истекал: ему нужно было вернуться на какой-то симпозиум. Перед отъездом я дала ему возможность остаться с Толей наедине, понимая, что им обоим это было нужно. Потом он мне рассказал, что после того, как он попросил у него прощения, он опять почувствовал его еле осязаемое рукопожатие, и он меня за всё благодарил. У него на глазах были слезы. У меня тоже.

Расстались мы, как самые близкие люди, и он попросил разрешения мне звонить. Больше того, он добавил, что был уверен, что Толя был счастлив со мной, и что он это счастье заслужил! (Никто из Толиных родственников мне такого не говорил!)

Друг Вити приехал в больницу за ним, он же отвез его прямо в Лод, в аэропорт. Я же осталась там еще немного, поправила ему постель, и, пожелав ему спокойной ночи, поцеловала и поехала домой. День был очень тяжелый. Приняв душ, я тут же легла и моментально уснула. Разбудил меня звонок в пять часов утра. Звонили из «120 тз» («До 120») и сообщили, что Толя умирает. Не знаю, как я доехала туда благополучно. Дорога была свободная, и я туда не ехала, а летела за рулем. И всё равно я опоздала: Толя был уже мертв, но еще теплый. Я его нежно поцеловала, попрощалась и упала в обморок. Когда пришла в себя, его там уже не было. Меня повели в кабинет главврача, дали подписать какие-то бумаги, выразили соболезнование и восхищение моей преданностью. Позвонив Дорине и Володе и оставив там свое «Volvo», я взяла такси и поехала домой, куда он больше никогда не вернется. А ведь столько раз мы возвращались до этого счастливые из больницы домой!

Я буквально чувствовала, как сердце мое разрывается, но сознание того, что я не имею права «киснуть», что нужно собраться с силами и организовать похороны – процедура, о которой я понятия не имела. Я ломала себе голову, думая, что делать, и вдруг меня осенила правильная мысль: я позвонила Минде.

Минда – молодая религиозная женщина, мать восьмерых детей, учительница иврита в ешиве, жила недалеко от меня, и вместе с другими учителями я ее ежедневно «подбирала» на работу. Мы с ней и ее мужем Яковом, несмотря на разницу в возрасте, подружились и постоянно участвовали в их торжествах, которых было немало. (У нас торжеств не бывало.) К ним я и обратилась по поводу похорон.

Дело в том, что еще после своего первого инфаркта в Реховоте Толя предложил купить два места на кладбище в центре. Учитывая причину данного предложения, я не согласилась. Чем больше

Могилы Толи и рядом цветник – мое место. Реховот. Израиль.

ухудшалось его здоровье, тем чаще он об этом говорил, но я не уступала. И вот сейчас, спустя столько лет, когда в центре уже не было свободных мест, я хотела выполнить его желание во что бы то ни стало и сколько бы это ни стоило. Яков тут же поехал со мной в похоронное бюро. Там у него были знакомые, и чудом, благодаря фамилии (Фишман), нас сумели «всунуть» в семейный участок наших однофамильцев, и мы с Толей получили места на расстоянии десяти метров от центрального входа, во втором ряду. (Эти два места оказались не оплаченными заказчиками.) В тот же день после обеда состоялись похороны.

Когда из морга подвезли труп к дому, все были уже в сборе, и, когда попросили кого-нибудь из близких опознать труп, никто с места не двинулся. Через эту процедуру пришлось пройти мне! Я до сих пор не могу забыть его искривленное лицо, единственный торчащий наружу из приоткрытого рта зуб и холод лица, которое я в последний раз поцеловала. Я выползла из машины еле живая и в синагогу пойти не смогла. На кладбище я поехала одна на своей машине. Как я доехала, не знаю (благо, что кладбище совсем рядом), но, когда его стали опускать в могилу, мне стало совсем плохо. Меня положили на скамью напротив могилы, дали попить, облили водой, но всё равно я больше ничего не видела и не слышала. Всё происходило как во сне.

С кладбища все его родственники, большинство из них впервые, зашли в наш дом и вскоре разъехались по домам (по сей день). На установление памятника приехал лишь Володя со своим старшим сыном Зориком, но мне опять стало плохо, меня опять положили на скамейку, кто-то возле меня крутился, а они стояли в стороне.

И похороны, и «שלושים» проводились по всем правилам: ими руководили раввины ешивы. Более того, на протяжении всей «שיבה» они приезжали из Ган-Явне молиться по утрам и вечерам (это было во время летних каникул, во второй половине августа), а после установления памятника пригласили всех присутствующих поехать в ешиву, где они устроили Толе памятный вечер с последующей молитвой в синагоге и торжественным ужином в столовой. Всё было организовано очень торжественно, и главный раввин ешивы Галинский очень трогательно рассказал о жизни и болезни Толи и о его преданной жене, т. е. обо мне. Я не переставала плакать.

Таня с Вовой выехали вместе со всеми (меня взял с собой сам рав), но, проезжая мимо Бней-Айш, где живут их друзья (мэр поселка), они повернули к ним. Не считая множества моих коллег и воспитанников, которым Илана-секретарша позвонила, я была совершенно одна: ни родственников, ни друзей. Вернувшись в пустую квартиру, я заперлась и отключила телефон. Теперь Я никого не хотела видеть, и опять встал вопрос «Быть или не быть?». Ни днем, ни ночью я не могла думать о чем-нибудь другом. Единственным моим советчиком остался Толя: к нему я ежедневно бегала на рассвете и часами там, у его могилы, ждала ответа. Нет! Я не тронулась! Я прекрасно понимала, кого я спрашивала и что от него мне ответа не услышать. Но я была уверена, что именно там ко мне придет правильное решение, и я была права!

Часть вторая.

Перед концом учебного года, в марте 1996 года, как полагалось, я подала заявление с просьбой об уходе на пенсию в ешиве тоже, мотивируя это ухудшением состояния здоровья мужа, которое требовало моего постоянного присутствия дома (кроме меня, он никого не хотел, т. к. только на меня полагался и только мне доверял свою жизнь, которую я, действительно, не раз спасала). Это был не первый год, что я подавала подобную просьбу, но они меня каждый раз отговаривали, говоря, что я нужна не только Толе, но и ешиве, и что оба они, и Толя, и ешива, нужны мне. И я каждый раз оставалась, идя им навстречу (правда, они мне тоже шли навстречу во всем). На сей раз, войдя в мое положение, они мне не отказали,

Проводы на пенсию. В центре – я с Миндой Шавит. Ашдод, 1996 г.

и по окончании экзаменов в Ашдод в каком-то престижном ресторане устроили мне прощальный вечер. Толя, как и следовало ожидать, не смог поехать со мной, и его отсутствие, естественно, омрачило мне приятную атмосферу вечера. Зал был забронирован ешивой, и он был полон. Помимо начальства, коллег и многочисленных

выпускников и студентов, туда были также приглашены высокопоставленные люди из «Мафдала», министерства просвещения, ОРТа Израиля и даже депутат Кнессета Звулун Орлев. Мне вручили грамоту, наручные часы, а главное, свое признание в любви и благодарность. Всё это я унесла с собой домой и «поделилась» с Толей. Он меня, как обычно в таких случаях, обнял, поцеловал и сказал: «Ты всё это честно заслужила! Как МНЕ расплатиться с тобой?», – и заплакал.

Было это в последних числах июля. Второго августа в тяжелейшем состоянии амбуланс повез его в «Каплан». На сей раз – безвозвратно. Он умер 19 августа 1996 года.

Я написала всё это не для того, чтобы бравировать этим, а для того, чтобы дать понять, почему именно это повлияло на решение столь важного вопроса. Более того! Однажды во время «шивы» в дверях появился сам рав Галинский: высокий, крупный мужчина, он выделялся среди присутствующих. Посидев немного, отдав дань уважения покойнику, он, уходя, попросил меня выйти с ним на минутку. Там, в коридоре, он мне сказал: «Жозефина, я пришел сказать, что сейчас тебе нечего делать дома, а мы будем счастливы отменить приказ о твоём уходе на пенсию и восстановить тебя на работе. Я понимаю, что сейчас не время об этом говорить, но до начала учебного года осталось совсем немного, и нам необходимо твое согласие. Оно нам нужно как можно скорей, но на работу ты выйдешь, когда сможешь. Надеюсь, после праздников. Мы на тебя очень рассчитываем. Будешь работать только в колледже, и да поможет тебе Бог!»

Его предложение застало меня врасплох и в то же время растрогало. Я поблагодарила его от всей души за организацию похорон и за столь необычное предложение, пообещав дать ответ сразу же после «шивы». После долгих размышлений и колебаний я дала ему положительный ответ, который стал первым критерием при выборе слова «БЫТЬ!» Сразу же после осенних праздников я вышла на работу и проработала там еще целых пять лет. (Несколько лет спустя ешиву расформировали. Жаль!)

Вторым моментом, также повлиявшим на мое решение, была как необходимость, так и желание довести до конца нашу с Толей мечту – достроить дом, точнее, квартиру, которая в октябре того же года должна была быть передана в эксплуатацию. Толя скончался за два месяца до того, так и не увидев ее (она на шестом этаже, а лифты еще не были пущены в эксплуатацию. Я туда лазила еще тогда, когда даже лестницы не было, а только одни доски...).

Как я уже отметила, у нас была (и есть) небольшая трехкомнатная квартира на втором этаже с лифтом в самом (не торговом) центре города, но близка ко всему, которую мы оба очень любили. Два фактора заставили нас подумать о приобретении еще одной квартиры. Во-первых, то, что деньги, которые я получила из разных фондов после моего выхода на пенсию из ОРТа, боясь бурсы, мы положили в банк «Дисконт» на какую-то программу, которая через пару лет лишила нас восьмью процентов вклада. Ясно было, что деньги оттуда нужно было забрать и во что-то вложить. Но во что? Советчиков у нас не было: мы сами варились в собственном соку. Во-вторых, Толины прогулки становились всё реже и реже: палка ему стала мало помогать, он с трудом передвигался из-за сердца. Единственный минус нашей квартиры – это то, что у нас нет балкона, где он мог бы полежать или посидеть и видеть людей. Толя был большим человеколюбом: он не мог ни есть, ни пить, ни жить в одиночестве. И тут зародилась мысль о приобретении квартиры с большим балконом «на черный день», когда, упаси Бог, он не сможет больше выходить или когда я перестану работать, т. к. из «Битуах Леуми» он получал всего-навсего триста пятьдесят шекелей, а моя ортовская пенсия была всего лишь в два раза больше: мои многочисленные эффективные часы в пенсию не входили (не входили также и уроки замены, и еще не знаю что!). То же должно было произойти и в ешиве, т. к. ни содержание машины, ни дополнительные начисления, ни... не должны были входить в пенсию. В отличие

от настоящего будущее не очень смотрелось в розовом свете, а, заимев «идеальную для старости квартиру», мы могли бы свою сдать в аренду и обеспечиваться еще одной «пенсией». Я начала искать, но на наши деньги покупать в центре подходящую квартиру было невозможно, и мы уже были готовы отказаться от своей затеи, когда нам вдруг «счастье улыбнулось»!

Это была суббота. Я повезла Толю в Ошиот, где мы сначала жили и где жил Толин парикмахер, которому Толя остался верен, а я его к нему регулярно возила. Когда мы на сей раз приехали, у него была очередь, и Толе пришлось подождать. Воспользовавшись случаем, я поехала в прилегающую к Ошиоту шхуну – Кирьят ха-Хагана, где мы с Толей и Пиком любили гулять по субботам и вечерам. Это была шхуна военных отставников посреди огромной апельсиновой рощи. В период цветения в воздухе стоял опьяняющий аромат, а когда появлялись фрукты, мы там «крали» апельсины и грейпфруты: сады были дикие, запущенные, без охраны и присмотра, т. к. владельцы добивались разрешения на их искоренение и строительства на этих участках. Туда я и поехала на пять минут, но...

Подъезжая к намеченному месту, я вдруг заметила, что напротив жилого поселения, там, где была апельсиновая роща, вместо деревьев стояла какая-то приспособленная деревянная пристройка, а перед ней – толпа людей. У самой дороги на двух высоких столбах было объявление о новостройке. Припарковавшись, я вышла из машины и пошла туда. Пока я дошла, толпа куда-то пошла за кем-то, а я зашла в строительную будку. За столом сидела немолодая, седая женщина, которая, увидев меня, сказала: «Они только что пошли посмотреть место, догоняйте!» Место я хорошо знала, бежать мне было незачем, и я спросила, о чем шла речь. На столе у нее был красочный макет, состоящий из четырех восьми-, десятиэтажных домов, расположенных по кругу, с детской площадкой посередине и бассейном сбоку. Напротив двух зданий были четыре ряда двухэтажных коттеджей под красной черепицей, как в сказке, а за ними – любимый мой поселок. Я тут же облюбовала второй дом, подобрав себе квартиру на первом этаже (она была самая дешевая), т. к. за каждый этаж пришлось бы добавлять по тысяче пятьсот долларов, которых у нас не было. Не было и чем расплатиться за первый этаж, но стройка только начиналась, начальную сумму мы имели, а дальше, учитывая, что нам никто машканту не дал бы и

никто вообще за нас не поручился бы, я могла рассчитывать только на себя. Оставшаяся сумма разбивалась на ежемесячные платежи до самой сдачи домов, т. е. на два года.

Это был октябрь 1994 года. Для начала нужно было дать ей чек на восемь тысяч шекелей. К счастью, чековая книжка была при мне, и, подписав ей чек, я буквально вылетела оттуда – обрадовать Толю. Но он ждал меня уже на тротуаре, усталый и злой. Не успела я открыть рот, как на меня обрушился поток упреков. Мне с трудом удалось остановить его брань и выпалить: «Толя, перестань! Я купила квартиру! Поехали туда!» Но он и слышать не хотел и потребовал поехать прямо домой. Поняв, что он мне не поверил (ведь прошло всего-навсего не более пятнадцати-двадцати минут), и, не желая его еще больше рассердить, я повернула назад, и мы молча поехали домой. Я все-таки положила ему на колени ярко-красочный проспект строительства компании «Лигат». Он его не раскрыл, но и не сбросил.

Приехав домой, я тут же побежала на кухню подогреть обед. Он прилег в салоне. Мы оба молчали. Но любопытство взяло верх, и, рассмотрев проспект, он вдруг сказал: «Брось там возиться: обеда-ть будем потом. Я хочу на это посмотреть!» Мы тут же поехали туда, но молча. К тому времени толпа уже вернулась, и на секретаршу было настоящее нападение. Дама, которой я дала чек, находилась в соседней комнатухе в ожидании покупателей. Увидев нас, настороженно спросила, что случилось, и пригласила нас зайти. Я представила ей своего супруга и попросила повторить ему то, что до того объяснила мне. Она улыбнулась и, обращаясь к нему, сказала: «Поздравляю Вас с удачным выбором!» Тут Толя хотел что-то сказать, но она его перебила и добавила: «Нет, не квартиры, хотя это тоже удачный выбор. Я имела в виду жену! Я – основоположник этой компании. Сейчас компанией руководят мои сыновья, а я им только помогаю иногда. Это наш первый проект в Реховоте (я тут живу). До сих пор мы строили только в Иерусалиме. За почти полвека ведения компании я сегодня впервые продала квартиру за пять минут. Обычно после получасовой беседы люди приводят супругов, детей, друзей, адвокатов и в конце концов то ли покупают, то ли нет. Меня это уже не удивляет: такова человеческая натура. Но то, что случилось сегодня, меня не только удивило, а поразило. У Вас не жена, а настоящий клад. Еще раз поздравляю с квартирой тоже», – и, показав ему макет, добавила: «Это Ваша квартира!» Ни-

чего больше не расспросив, он ее поблагодарил, и мы опять молча пошли к машине. Там он себе под нос пробормотал: «Извини!» Я промолчала, но за обедом между плотками я всё ему подробно объяснила, а потом в салоне показала ему подписанную квитанцию об оплате задатка. Он был потрясен, но, посмотрев документацию, все-таки спросил: «Где ты возьмешь такие деньги? Как ты могла влезть в такие долги? Ты меня не перестаешь удивлять. Ты не только «клад», но и моя любимая жена, и я не перестаю благодарить Бога за тебя! Прости меня, пожалуйста, но я был очень усталым». Ничего не сказав, я его поцеловала: его можно было понять...

Как только подняли скелет дома и я могла залезть в нашу квартиру, я разочаровалась: глубина нашего балкона была меньше метра, но она росла в зависимости от этажа. Я «перескочила» на третий этаж. Балкон там был больше, и оттуда, глядя вниз, видны были крыши коттеджей. Я тут же переиграла, и, добавив еще три тысячи долларов, поменяла квартиру. Толе я ничего не сказала. Прошла еще пара месяцев, и, когда подняли еще несколько этажей, я обратила внимание, что балконы шестого этажа «выпирали» метра на полтора. Я «покарабкалась» к нему по доскам без перил и тут же, влюбившись в ту квартиру, купила ее: там балкон был четыре на два с половиной метра. Не задумавшись над тем, как я потяну всё это, я, окрыленная, побежала обрадовать Толю. Мы тут же на бумаге стали «оборудовать» балкон. Туда вместились бы всё: диван, стол, кресла, телевизор и тумбочка. Кроме того, квартира тоже была больше – не три, а три с половиной комнаты. Позже, увидев их кухни и ванны, пришлось отказаться от них и подобрать другие, по своему вкусу. Это были непредвиденные расходы. Надо было ликвидировать оставшиеся программы в банке и набрать дополнительные уроки в ешиве и дома.

Почти каждую субботу мы ездили туда «наслаждаться» строительством. Зачастую он оставался в машине, в то время как я «карабкалась» вверх проверять, как шла внутренняя работа, рискуя при этом жизнью. Однажды я поскользнулась, и, если бы не дежурный араб, которого я попросила меня сопровождать, я бы свалилась с пятого этажа. Мы считали дни, пока наконец пустят лифт в ход, и Толя сможет полнобоваться квартирой и видом оттуда – красные крыши коттеджей, за которыми открытое пространство до Иерусалима! К сожалению, он даже до этого не дожил: лифты пустили в ход в последний момент, спустя два месяца после его смерти.

Я осталась сама, но с последующими платежами за квартиру и памятник из черного мрамора, а также расходами по оформлению собственности. Оказалось, что помимо последних платежей, мне необходимо было обратиться к адвокату: квартира была записана на нас обоих, причем его имя, как всегда и везде, было на первом месте. Но для этого нужно было «пустить в ход» наше с Толей завещание, согласно которому в случае смерти одного из нас всё переходило бы к оставшемуся в живых (в случае же одновременного ухода нас обоих всё имеющееся делилось бы пополам между Дориной с одной стороны и его племянниками – с другой). Побегав к нашему адвокату, я его не застала: он был в отъезде. Пришлось обратиться к другому, который узаконил оба эти документа: завещание и право собственности на новую квартиру. Это были непредвиденные расходы, и я влезла в дополнительные долги. Вот почему я подумала, что умереть мне «было рановато». Значит, опять-таки «быть», работать, ежедневно посещать могилу моего столь дорогого человека, ухаживать за цветами и... «беседовать» с ним.

Ровно на десятый день после смерти Толи у Меира родилась дочурка, которую назвали Шири-АНЖЕЛА в честь Толи, еврейское имя которого было АНЧЕЛ.

Меир Ицхаки был один из моих любимцев среди учеников ешивы. Это был местный, ган-явновский тайманский паренек, без особых способностей, но с огромной мотивацией. Он был хорошим учеником, но английского он не знал и «тянул ляжку» в группе «В». Когда он перешел в девятый класс (в ешиве начинали заниматься, начиная с седьмого класса), он однажды на перемене подошел ко мне и попросил забрать его к себе в группу «А», признаваясь в том, что знаний у него нет, но что он мечтает попробовать себя в моей группе. Он смотрел на меня такими умоляющими глазами, что я не смогла ему отказать и пообещала поговорить с его учительницей и с ее разрешения перевести его в мою группу на испытательный срок. Он просиял, поблагодарил, обещал не подвести меня и на следующий день явился на мой урок. Предварительно мы с ним договорились, что он будет на правах «вольного слушателя», что во время уроков он никаких вопросов задавать не будет и что, если он поймет, что не потянет, он добровольно вернется в свою группу. И так оно и было: он регулярно приходил на урок, очень внимательно слушал, хотя мало что понимал, и в конце концов после очередного

*Меир и Бекки Ицхаки.
Ган Явне, Израиль, 1994 г.*

Шири Анжела

Рут Браха

урока подошел ко мне и сказал: «Сейчас я точно знаю, что мое место не здесь, но я отсюда не хочу уходить. Мне нравятся Ваши уроки, и я уверен, что здесь я хоть чему-нибудь научусь. Я Вас очень прошу разрешить мне здесь остаться». Я ему не только разрешила, но стала давать ему дополнительные уроки, и багрут он сдал на четыре единицы. Устный экзамен принимала сама инспекторша-американка. У нее он получил оценку девяносто семь (из ста) и заплакал от обиды: вместо положенных десяти минут беседы она его держала больше тридцати, гоняла по литературе и по электронике (его будущая специальность), и никак нельзя было ее переубедить в том, что английский не его родной язык. По письменному экзамену он получил сто баллов, а поступив в армию, благодаря знанию английского плюс электроники, служил в какой-то очень престижной части, и однажды его даже откомандировали в Америку по службе. Отслужив службу в армии и получив хорошие рекомендации, он сумел устроиться в Реховоте, в Кирьят ха-Мада, в какой-то американской фирме, женился на американке – Ребесса – , которая приняла иудаизм (теперь ее зовут Ривка).

Меир считает, что во всем этом моя заслуга. Я же считаю, что всего этого он смог добиться прежде всего благодаря своей мотивации, силе воли и усидчивости. Так или иначе, я горжусь им. Как только он окончил ешиву, он не пропускал ни одного праздника, чтобы не прийти к нам с цветами. Очень любил беседовать с Толей (в основном на религиозные темы), а когда он начал работать в Реховоте, время от времени навещал его даже в мое отсутствие. Вот он-то и предложил назвать свою новорожденную Толиным именем – Анжела. Меня это растрогало до слез! Сейчас у него шестеро детей, и еще одна девочка – Рут-БРАХА – носит имя моей матери (Берта) по моей просьбе. Они – мои внучки. Обе девочки включены в мое завещание наряду с маленьким Даниелем, сыном Марика Фишмана, имя которого также включает три буквы имени моего дорогого покойного мужа.

Я была на свадьбе Меира (Толя не смог поехать) и на всех их семейных праздниках. На Суккот они забирают меня к себе, а на Пурим и Хануку они всей семьей приезжают ко мне. Все дети называют меня «савта» (бабушка). Однажды малышка Браха вернулась из садика в слезах: когда она похвасталась, что у нее три бабушки, детки ее высмеяли. Сейчас Меир не работает, а только учится: они всей семьей «קוזרו בתשובה». Это несколько усложнило наши отноше-

ния: они стали для меня непонятными собеседниками, и мы стали реже встречаться.

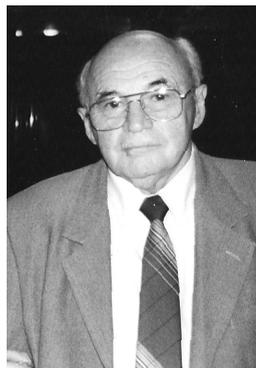
Итак, после долгих и мучительных размышлений и колебаний я решила не сдаваться и продолжать тянуть тяжкую лямку одиночества на старости лет. Решить так было нелегко, но гораздо трудней было осуществить свое решение. Я ездила на работу три раза в неделю (работала только в колледже). Там, от мала до великого, все относились ко мне сочувственно, окружали вниманием и излучали теплоту и сердечность. В ешиве я работала и одновременно проходила «курс трудотерапии». Возвращаясь домой, я заезжала на кладбище (в остальные дни я ездила туда рано утром на несколько часов). Пропускала я только субботние и праздничные дни. Мне говорили, что этого делать нельзя, что покойнику тоже надо дать покой, но, когда я спросила раввина, он меня успокоил, сказав: «Ходи, пока ты в этом чувствуешь необходимость, он тебя простит!» И я ходила. Это продолжалось около двух лет. Всё это время я не могла говорить о нем без слез, постоянно о нем думала и никак не могла понять, почему такому человеку, который всю жизнь искал, кому помогать, и делал всё возможное, чтобы спасти людей от тюрем, субсидировал свадьбы неимущих, помогал при поступлении в высшие учебные заведения и, наконец, вывез столько людей на Родину, должен был пройти через такие мучения, пока не получил вечный покой.

Я понимала, что своими размышлениями я, наверное, грешила: не мне же судить судьбу, но остановиться я не могла и бегала на кладбище просить прощения. Я по-прежнему ни с кем не контактировала и «на прогулку» выходила только с наступлением темноты, направляясь туда, где встретить знакомых было исключено. Я шла и всю дорогу плакала.

За три недели Толиной агонии я похудела на семь килограммов и держалась в новом весе. Вес был нормальный, но лицо сморщилось, как у столетней. Я не могла смотреть на себя в зеркало и перестала смотреть.

Вся моя жизнь протекала по кругу: дом, работа, кладбище, дом. Временами я чувствовала, что схожу с ума. Наш семейный врач, д-р Фаркаш, настойчиво добивалась моего согласия обратиться к психологу. Когда я наконец согласилась, оказалось, что к психологу можно попасть только с направлением психиатра. Обратиться к

психиатру я категорически отказалась, продолжала уходить в себя, деградируя. Решив, что такова моя доля, я подчинилась судьбе, и, если Толю я «зубами» вытаскивала на поверхность, то для своего спасения я ничего не могла и не хотела делать. Но спасение пришло ко мне само: однажды, когда я была у Толиной могилы, ко мне подошел Ян. Тот самый Ян, которого я знала по рассказам Лили, и, подобно Ольге Романовне, Лилиной матери, ненавидела за страдания, которые он им причинил. Лично познакомилась я с ним позже, когда уже занималась стационарно на филфаке. Это было где-то в 1948 году. Он тогда занимался на четвертом курсе географического факультета и одновременно работал в лаборатории факультета. Познакомила нас Алла, и нас сразу друг к другу потянуло.

*Ян Дорфман - моя
"лебединая песня"*

Его факультет находился в центральном, административном, корпусе университета. Там же находились библиотека и читальня, и мы довольно часто встречались там, а при встрече вечно хохотали (у него был неиссякаемый набор анекдотов) и с трудом расставались. Если бы не мой, пусть неудачный, роман с Сеней и чувство вины перед Лилей (хотя она в то время, кажется, уже была замужем), возможно, мы пошли бы «дальше». Недавно он мне признался в том, что я ему очень нравилась и что, если бы в тот вечер, когда мы стояли около моей калитки в ненастную погоду несколько часов, я пригласила бы его в дом, возможно, всё пошло бы по другому руслу.

Окончив университет, он удачно женился на докторе Аннушке, которая родила ему двух замечательных детей – Рену и Рому, работал на своем факультете, защитил диссертацию, стал доцентом и в 1989 году, будучи уже пенсионером университета, иммигрировал в Израиль вместе с тяжело больной женой и дочерью с семьей (к тому времени сын с семьей уже пустили корни в Америке).

Ни в Израиле, ни в Америке, куда они целенаправленно поехали потом, никто не смог помочь Аннушке, и она скончалась. Похоронена она в Реховоте на нашем кладбище недалеко от моего мужа (она умерла раньше его, но тоже в конце августа).

Несмотря на то, что мы жили в одном городе на расстоянии пяти-десяти минут ходьбы друг от друга, мы ни разу не встретились:

каждый из нас боролся за жизнь своего супруга. После смерти жены он, будучи доктором географических наук, был приглашен работать на кафедру геокартографии Тель-Авивского университета.

Недалеко от университета жила Мала Круг – вдова профессора Круга и моя коллега по университету и по школе №23, где она преподавала английский, а я немецкий. Она приехала в Израиль почти одновременно с Яном, на которого имела виды. Ко мне она пришла со своей подругой Мальцей Фишман, женой профессора Карла Фишмана, моего бывшего преподавателя на физмате. Живя по соседству в Ошиоте (Реховот), мы с ними подружились, и часто, особенно в длинные «зимние» вечера, Мальца приходила к нам со своим вязанием, и за компанию я тоже связала Пику и Ляле, моей кукле, «наряды».

Мала собиралась заниматься частной практикой, и я ее снабдила программами, учебниками и методической литературой. Вернуть я просила лишь пару книг, которые я получила из Англии. За несколько дней до начала учебного года она мне позвонила и спросила, можно ли мне вернуть те книги через ее близкого друга, проживающего в Реховоте. Ясно, что я сказала: «Да!» И вот однажды, когда мы с Толей сидели в салоне, раздался звонок в дверь. Открыв, я увидела пожилого мужчину невысокого роста, довольно полного и лысого, который спросил семью Фишман. Я пригласила его зайти. Он оказался посланником Малы, Лилин бывший жених и мой хороший знакомый Ян, которого я сразу же узнала, как только он улыбнулся. Я познакомила его со своим мужем и, сначала втроем, а когда Толя, устав, извинился и удалился, вдвоем проболтали до самого вечера. С тех пор мы стали встречаться, пару раз даже выезжали вместе в лес, а когда он получил квартиру в Лоде, поехали с Майей Нимкомской к нему на новоселье. Там я встретила другую Майю, точнее, Марию Соломоновну Каплан, мою бывшую преподавательницу французского языка на заочном. Она оказалась матерью Яниного зятя, вдовой известного в городе учителя английского языка Бориса Павловича Ройзина, с которым, между прочим, я тоже занималась на заочном. До чего же тесен мир!

Во время каникул Ян обычно выезжал в Сан-Луис (США) к сыну на целых полтора месяца. Перед отъездом он позвонил и попрощался с нами. Вернувшись, он опять позвонил, но ответа не было. О смерти Толи он ничего не знал. Однажды, когда после посещения Аннушкиной могилы он шел к выходу с кладбища, он вдруг увидел

меня и подошел. Объяснять ничего не надо было: мой вид и рядом стоящий памятник ясно говорили обо всем. Я расплакалась, и мы вместе поехали ко мне домой. Это было начало!

После смерти жены Яна, пока семья еще жила в Реховоте, он так же, как и я, ходил на кладбище каждое утро. Когда они получили квартиры в Лоде, его дети – Рена с Павликом, которые продолжали работать в компании «Sapiens» в Реховоте (они оба программисты), раз в неделю по дороге на работу «подбрасывали» его к кладбищу. Оттуда он или ездил в Тель-Авив на работу, или возвращался домой в Лод, где сначала жил в гражданском браке с женщиной намного моложе его (тоже врач), а после того, как они расстались, связался с сестрой своей соседки по коридору, некоей Таней, о которой он мне уши прожужжал (тоже намного младше его).

Нас с ним связало общее горе, взаимная симпатия, возникшая еще в годы нашей ранней молодости и возобновившаяся спустя пятьдесят с лишним лет.

Ни о чем не договариваясь, Ян возобновил свои ежедневные утренние посещения кладбища, и мы всегда там встречались. (Только недавно он признался, что ходил туда, чтобы меня встретить.) Оттуда мы или расходились по работам, или заезжали ко мне на обед. Это заставило меня наконец вернуться к кухне: возобновить приготовление горячей пищи.

Пока Толя находился в состоянии «растения» и его искусственно питали, я, кроме эшеля и маленького батончика шоколада, ничего другого не ела, пока Витя не приехал. В связи с его приездом я по ночам готовила кое-что, а потом «через не могу» составляла ему компанию за столом. После смерти Толи я жила на «сухом пайке», за исключением тех дней, когда работала: там они меня заставляли есть. С появлением Яна в моей жизни я постепенно опять вошла в колею: я стала готовить нормальные обеды на те дни, когда он приезжал ко мне после работы, а остатков хватало мне на остальные дни. Незаметно я стала поправляться, и мои морщины стали заметно исчезать. Мне начали делать комплименты, спрашивая, что сделала с лицом. Вид у меня стал действительно другой, но я по-прежнему постоянно плакала, даже в его присутствии, т. к., о чем бы мы ни говорили, разговор неизменно возвращался к наиболее болезненной теме. И все-таки его появление в моей жизни в ту пору было «лучом света в темном царстве». Ян всеми силами старался меня утешать, но это ему удавалось с большим трудом и то нена-

долго: стоило ему только уйти, как я тут же впадала в депрессию. Я никак не могла привыкнуть к одиночеству, а в доме каждая мелочь напоминала мне о Толе. Однажды, желая меня утешить, он сравнил себя со мной, на что я ему ответила, что, к счастью, он не знает, что такое настоящее одиночество, когда в доме царит пустота, полная тишина, а зачастую даже темнота, и когда некому сказать ни «доброе утро», ни «спокойной ночи». С тех пор и по сей день вот уже более пятнадцати лет по утрам и вечерам раздается звонок, и, подняв телефонную трубку, я слышу эти слова... и еще кое-что! Казалось бы, это пустяк, но для меня это стало лекарством, анти-депрессантом, и я ему за это бесконечно благодарна. Кроме того, те несколько часов в день, которые он мне дарил, стали для меня драгоценным подарком.

Время шло, и никто, кроме работников кладбища, ничего не знал о нашей связи. Мы никогда никуда вместе не выходили. Ездили мы вместе только по утрам с кладбища или после обеда от меня на кладбище и оттуда к нему в Лод. В дом я не заходила, и высаживала я его не у самого дома. Только однажды в какую-то субботу, разговаривая с ним по телефону, я призналась, что ненавижу субботние дни, когда я его не вижу. Видимо, не подумав, он в ответ сказал: «В чем дело? У тебя есть машина, приезжай!» Приняв его слова за приглашение, я тут же поехала к нему. Он этого не ожидал, к этому был не подготовлен, и, хотя я ему сказала, что еду, он меня не встретил у дома, и мне пришлось крутиться, пока не попала к нему. Он был заметно не в своей тарелке: включил только маленький свет, говорил приглушенно, будто чего-то опасался. Он приготовил чай и красиво подал. Выпив чашку чая, ради приличия я еще немного посидела и сказала, что мне пора уйти. Он меня не удержал. Наоборот, как мне показалось, он облегченно вздохнул.

Ехала я домой, как оплеванная, и по щекам текли слезы обиды и раскаяния. Это был мой первый и последний к нему визит, и первая «пощечина», которую я в жизни получила от мужчины, да и вообще! Но я взяла себя в руки, и, когда на следующий день он ко мне приехал, я сделала вид, что ничего не случилось, и по-прежнему приняла его, как короля: я себе не представляла, как жить без него. (Лишь потом я сообразила, что он боялся соседки – сестры Тани!)

Время шло. Ничего в наших отношениях не изменилось. Я и не хотела ничего другого. Я была довольна тем, что у меня было, и только молилась Богу, чтобы оно никогда не прекратилось.

Мой день рождения мы отметили вдвоем. Он принес бутылку шампанского, мы его распили, и... он остался у меня на всю ночь. Это была единственная ночь, которую мы провели вместе, и удивительное дело: это был первый раз в моей жизни, когда я себя почувствовала женщиной – первое мое столкновение с мужчинами вызвало у меня страх, второе – отвращение, Илюше удалось избавить меня от этих чувств, а с Толей я чувствовала себя «объектом». На сей раз всё было иначе: мы стали «партнерами», и я потеряла голову. Во мне вдруг разбушевалась страсть, а он, как позже мне признался, опять почувствовал себя мужчиной. Случилось это, когда ему было уже семьдесят лет, а мне – на три года меньше.

Нас разбудил телефонный звонок. Это была Лиля! Та самая Лиля, которая чуть не покончила с собой из-за Яна. Звонила она из Лос-Анджелеса рано утром (у нас), желая, как всегда, быть первой, кто поздравит меня с днем рождения. Мне было очень не по себе, хотя не я послужила причиной их разрыва, и с тех пор прошло более пятидесяти лет. Но Яну, все-таки ничего не сказав, дала послушать ее голос. Лишь потом я его спросила, узнал ли он его, и он признался, что нет. Я уверена, что Лиля его голос узнала бы, но я не хотела сделать ей больно. Я ей ничего не сказала и по сей день!

После той ночи мы оба сходили с ума. Я, как девчонка, постоянно мысленно произносила его имя. Мы стали перезваниваться по любому поводу и без повода. Жить друг без друга больше не могли, однако единственным местом наших встреч по-прежнему оставался мой дом: мы никуда «в люди» вместе не выходили, и мне это совсем не мешало, а даже наоборот!

В Лоде Рена с семьей и Ян жили в отдельных квартирах неподалеку друг от друга уже несколько лет. В один прекрасный день Рена предложила ему переехать вместе с ее семьей в Реховот, и он с радостью согласился. Они купили большую красивую квартиру в новом доме, где у каждого своя комната с удобствами плюс большой балкон. Свою квартиру в Лоде он сдал в аренду, и все они переехали в Реховот на

Рена у меня. 2008 г.

расстоянии десяти-пятнадцати минут на машине от меня. Теперь я за ним приезжала, и мы вместе ездили на кладбище, а оттуда – зачастую ко мне. Кроме того, у Яна всё еще была проблема с ивритом (приехав с больной Аннушкой, они ульпан посещали редко), и я добровольно и с удовольствием стала его переводчицей и секретаршей. Позже, по моему настоянию, он перешел в мою больничную кассу – «Меухедет» (он был в «Клалит») и к моему очень хорошему лечащему врачу – доктору Фаркаш, к которой я раньше ходила с Толей. Она говорила на румынском (Ян родился в Бессарабии, но с раннего детства жил и учился в Бухаресте, откуда, как и мы, выехал в 1940-м году). Для Яна это было немаловажным фактором, и он был очень ею доволен. Ну, а я? Я стала его личным шофером тоже: я его всегда отвозила домой, но ни разу в их дом не заходила. О моем существовании там никто ничего не знал, хотя во врачебном мире, где мы всегда являлись вместе, нас считали мужем и женой, тем более, что и фамилии наши отличались только буквой «фэ» (так я его дразнила!): я – Дорман, а он – Дорфман. Нам постоянно приходилось объяснять, что мы только старые друзья, которые случайно встретились спустя пятьдесят лет.

Всё это внесло смысл в мою жизнь, и я постепенно стала выходить из состояния депрессии: хотя я всё еще была одна, я уже не была одинока. Кроме того, я опять кому-то стала нужна, и в этом был смысл жизни! И вот однажды, идя куда-то вместе, но на почтительном расстоянии, он вдруг, ничего не сказав, отстал от меня и догнал только несколько минут спустя. Оказалось, что где-то рядом с нами шла его племянница, и он испугался. Я это поняла позже, когда такие ситуации стали повторяться. Это было оскорбительно, но я старалась не обращать внимания.

На прогулку по вечерам я по-прежнему выходила одна, но сейчас я уже не искала безлюдных места, а начала ходить в парк института им. Вейцмана, который очень близок от меня. По субботам и праздникам я стала выходить по утрам тоже. И вот однажды в какое-то субботнее утро я вдруг увидела Яна, гуляющего по парку с двумя мужчинами. Я тут же свернула в какую-то боковую аллею, боясь, что он пройдет мимо и даже не поздоровается. Это вошло у меня в привычку, и, как только я его где-то замечала, я тут же исчезала из виду. Мне было больно, но я ничего не говорила, боясь его потерять, а потерять его значило потерять всё, и, глотая обиду, зачастую плача, продолжала жить и, в некотором плане, даже на-

слаждаться жизнью... Прошло немало времени, пока я решилась выяснить отношения. Тогда на мой вопрос: «Чем объяснить твоё поведение?» – он ответил: «Я дорожу твоей репутацией!» (Оказалось, что после смерти Аннушки, его жены, он не одну «бабу» успел привести в свою компанию, и, естественно, его репутация была здорово «подмочена».) Я ему сказала, что мне не важно, что было до меня, но «делить» его я не могу и не хочу. В ответ он только рассмеялся, и я поняла, что он и сам иначе не думал. Оказалось, что он некоторое время «разрывался» на двух фронтах, и, если бы не Таня, которая, устроив ему скандал, не разорвала бы их связь окончательно, я бы навряд ли «заполучила» его.

Приближалась пора каникул, и Ян, как обычно, собирался заранее заказать билет на самолет в Америку к сыну. Вдруг у него стало пошаливать сердце, и врачи в один голос запретили ему пускаться в столь длительный полет (в Сан-Луис с пересадкой в Нью-Йорке). Он был в ужасе: его дети для него – вся его жизнь. Живя с Реной и ее семьей, он с нетерпением ждал отпуска, чтобы провести его с сыном и его семьей – женой Аллой и маленькой Юлькой, в которой он души не чаял. И тут – запрет! Он был в отчаянии: его не столько беспокоило состояние здоровья, сколько невозможность провести отпуск в кругу любимых и любящих его людей. Меня же в первую очередь беспокоило его здоровье: я хорошо знала, что такое сердечная недостаточность, тем более, что, по его словам, он в Черновцах уже перенес один инфаркт. Не спросив его согласия, я снова связалась с профессором Готесманом, и, помня меня, он пригласил нас приехать на консультацию на следующий вечер. Я воспряла духом, но Яна пришлось очень долго уговаривать (по гороскопу он Овен!).

В Иерусалим я никогда не ездила на своей машине (из-за давления), поэтому мы с Толей ездили на такси туда и обратно. Так я поступила и на сей раз.

Хотя в тот вечер у профессора не было приема, он нас принял, удивился, что приехала не с Толей, но тактично промолчал и многозначительно посмотрел на меня. Я сказала: «Я привела Вам очень дорогого мне человека в надежде, что Вы ему поможете». Он нас принял, как обычно, в своем кабинете, который был оборудован всей необходимой кардиоаппаратурой, и он сам, без ассистентов, на сей раз проделал Яну все необходимые обследования, а затем, внимательно изучив их, сказал: «Вам нужно срочно сделать центур. Я напишу Вам направление в больницу, а сам договорюсь о

сроке, и Вам тут же сообщат. Это будет в ближайшие дни!» Я с профессором говорила на английском. Когда я Яну перевела, о чем шла речь, он тут же сказал: «Нет!» На вопрос профессора, почему, Ян на ломаном иврите объяснил, что, помимо предстоящих экзаменов в университете, у него неоконченная работа над новым атласом Израиля, и он не может подвести соавторов, а главное, что он не может лишиться удовольствия поехать к сыну в Америку. Оказалось, что атласы – hobby профессора. Он заинтересовался и попросил при возможности выслать ему тоже один экземпляр. Затем, отметив, что иногда при сердечных заболеваниях положительные эмоции действуют эффективней медицинского вмешательства, он согласился отложить центур до его возвращения, но подчеркнул: «В тот же день!» (Профессор Готесман атлас по почте получил, но Яна он больше не увидел: вернувшись из Америки в неплохом состоянии, о центуре и думать не захотел. Я же потеряла спокойствие. Я знала, что с сердцем не шутят!)

Вернувшись в Реховот, я по приглашению Рены, которую еще не знала, зашла вместе с Яном к ним домой. Вся семья была в сборе. Нас ждали с хорошими вестями и... с ужином. Так я познакомилась с Реной, Павликом и Мишей, их сыном. Майю я хорошо знала. Атмосфера была нормальная, безо всякого напряжения. Меня поблагодарили за участие, отвезли домой (Павлик, муж Рены), но никакого приглашения не последовало. У меня было такое впечатление, будто Рена сразу спустила невидимый, но ощутимый «шлагбаум». Я и это проглотила – главное, я все-таки чем-то Яну помогла. Он воспрял духом, купил билет и поехал. Я была рада за него, но очень тяжело переживала разлуку: во-первых, из-за его здоровья, во-вторых, мне его очень не хватало. Благо, что он оттуда ежедневно звонил, а спустя пару дней разрешил мне тоже позвонить туда, когда дети на работе. И я начала звонить, но несколько раз попала на Рому, его сына, и я тут же положила трубку. Однажды меня попросили подождать, и я услышала, как он сказал: «Папуля, это Жозефина!» С тех пор я стала звонить в любое время и познакомилась с Аллой тоже. Они оказались очень милыми людьми, и это меня несколько успокоило: Яна там любила и берегла. Сейчас мы с Яном разговаривали по несколько раз в день, а я жила от звонка до звонка.

Вернувшись домой, он «забыл» позвонить проф. Готесману, и, не желая испортить ему настроение, никто ему об этом не напоминал. Я, находящаяся рядом с ним на «птичьих правах», тоже молчала.

Время шло, и ничего в наших отношениях не изменилось, пока из Канады не приехал Робочка (Рубин) Удлер. Мы с Робочкой занимались на одном курсе на филфаке, но он был «французом», т. е. занимался на французском отделении. Он пошел очень далеко: стал академиком при Академии наук Молдавской ССР и почетным гражданином Канады. Вообще следует отметить, что очень многие из выпускников нашего университета послевоенных лет (начала пятидесятых годов) продолжали учиться, защищались и занимали почетные должности как в СССР, так и за границей (не говоря об Израиле), и это не удивительно: в то время конкурс при поступлении в высшие учебные заведения был действительно основан на знаниях и способностях, а не на количестве предлагаемых денег, как это зачастую, особенно для евреев, происходило потом. Помимо того, нам повезло, что на Западную Украину были «подброшены» лучшие профессора России, благодаря которым, несмотря на тяжелые времена, отсутствие учебников и голод, мы получили знания на самом высоком уровне. Всё это плюс мотивация учащихся, в числе которых, в основном, были демобилизованные солдаты и офицеры, узники гетто и лагерей, а также эвакуированная или жившая под фашистской оккупацией, лишенная возможности заниматься молодежь.

Приехав в гости в Израиль, Робочка, естественно, стал разыскивать старых друзей, и очередь дошла до лучшего друга Яна – Миля Штивельмана (тоже «француз», доктор филологических наук, бывший завкафедрой на Кавказе). Узнав у него, что я тоже тут и живу поблизости, он захотел меня увидеть. Миля мне позвонил и пригласил к себе. Там я застала не только Робочку, но и... Яна! Встреча была очень теплая, интересная и веселая. Это был вечер воспоминаний. Все говорили наперебой, как в студенческие времена. Расстались мы только поздно ночью. Проводила меня вся «могучая тройка»: два доктора наук и один академик, не говоря уже об их личностях. Прощаясь, все они меня поцеловали. Я была счастлива, а когда на следующий день случайно встретила Милю, он, обняв и поцеловав, потащил

*Наши с Яном самые близкие друзья –
Миля и Аня Штивельман*

На Синае с Ириной и Мишей Клингер и нашим общим другом-бедуином. 2000 г.

меня к себе домой, где вместе с Аней, его женой, мы провели еще один незабываемый вечер. Когда после этого по моему приглашению они нанесли мне ответный визит, во время которого неожиданно появился Ян, я воспрянула духом, поняв, что «Его Величество Случай» сделал то, на что Ян никак не мог решиться:

я вошла в их компанию! Компания у них была большая, и все – солидные люди, часть которых мне была знакома по университету. Приняли они меня доброжелательно, а для меня, после Яна, это был второй подарок от Бога. Жизнь стала намного интересней!

Мы часто встречались и долго гуляли по парку института им. Вейцмана (один из «нас» – Миша Соломяк, профессор математики из Ленинграда, несмотря на возраст, продолжает работать в институте. У него есть пропуск, которым мы вначале все пользовались). Позже мы с Яном купили абонементы на бассейн при Институте, включающий пропуск на въезд на территорию, которым мы до сих пор пользуемся, обновляя его, и таким образом институтский парк

Наша "Хоп-Компания"

по сей день стал местом наших встреч. Помимо этого, мы часто приглашали друг друга к себе, совместно отмечали дни рождения и юбилеи, а по инициативе и под руководством Мили мы выезжали в лес или к друзьям вне города, устраивали культпоходы на концерты и даже совместные поездки за границу. Одним словом, я стала жить нормальной жизнью впервые с тех пор, как мы приехали в Израиль, и в большинстве случаев вместе с Яном (только не за границу: кроме как к сыну, он больше никуда не ездил). В моем присутствии среди людей он всё еще продолжал себя чувствовать неловко. Никто не понимал, и, пожалуй, до сих пор не понимают, каковы на самом деле наши с Яном отношения, а они за истекшее время прошли несколько этапов: от чисто человеческих до самых интимных и, наконец, остановились на уровне настоящей дружбы двух совершенно независимых друг от друга людей, дружбы, которая украшает нашу совсем нелегкую старость.

Признаюсь, в то время как папу в Израиль тянула еврейская кровь плюс желание повидаться с единственным оставшимся в живых братом, дядей Тоби, а Толю – его сионистские убеждения плюс полученное в религиозной семье воспитание, меня сюда тянула только СВОБОДА, включающая в себя возможность разъезжать по всему свету. В Союзе, как только я начала работать и зарабатывать, несмотря на трудности передвижения из Берездова, я ни одни каникулы не пропустила: постоянно выезжала в поисках новых впечатлений, возможности посещать музеи, театры, концерты – всего того, чего мне не хватало в Берездове и без чего мне было неинтересно жить. Но одна я не могла. Я выезжала с Вячеславом – молодым учителем в Берездове, с Дориной, с Наталией Федоровной, Аллой и Толей. Ездили в горы и на море, от Карпат и до «Красного Солнышка» в Кисловодске, от Черного, Каспийского и до Балтийского морей, и даже в Среднюю Азию. Но всё это в пределах Советского Союза, и ни шагу за «железный занавес», за границу. А я мечтала! Мечтала я в первую очередь поехать в Бухарест, свой родной город, город моего столь короткого счастливого детства, посетить могилы своих предков, куда меня никто никогда не водил, поехать в Париж и заодно разыскать своих родственников и, наконец, попасть в Израиль и встретить всех тех, с которыми мы расстались в Бухаресте в 1940-м году. Это для начала! В дальнейшем мой список-минимум должен был перерасти в список-максимум, включающий Лондон,

Рим, Венецию и чего только нет! А получилось так, что я даже Израиля не видела, несмотря на то, что

Мина Литвенко с Гирой и Миша Соломяк посредине. Реховот, 2010 г.

имею машину и сама ее вожу. Если бы не Клингеры, Миша и Ирина, я даже в Эйлате не побывала бы. Мы с ними там провели необыкновенно интересную неделю, за что я им бесконечно благодарна.

Миша Клингер – вундеркинд: он шел «галопом» по школе, университету (нашему) и аспирантуре, сделал докторат и стал профессором в Ленинграде, еще при Совет-

ской власти был приглашен в Лондонский университет, где проработал три года и куда он, вот уже годы работая в Бар-Иланском университете Израиля, каждое лето уезжает с циклом лекций. Мы с ним учились в одной группе на физмате. Он был «младенцем», которого, кроме науки, ничего не интересовало, и ни с кем не контактировал (меня он тогда вообще не замечал).

Ирина – дочь бывшего главного архитектора г. Черновцы (на протяжении долгих лет), красавица, высокоинтеллигентная и в то же

Мои друзья у меня дома.

время очень простая женщина, любимица всех, по профессии – программист. Оба они очень близкие и дорогие мне люди, дружбой с которыми я очень дорожу и горжусь.

Это было после смерти Толи. Толя не мог выезжать. Его последний выезд к Соне был тогда, когда мы оттуда вернулись «не солоно хлебавши» – в 1981 году. С тех пор, кроме как в Иерусалим к профессору Готесману, он никуда не выезжал: он плохо переносил перемену климата даже в пределах Израиля. К Дорине в Беэр-Шеву я стала ездить одна на несколько часов, и то меня мучили угрызення вести. А без него мне не хотелось никуда ехать, точнее, просто не могла.

Вместе с тем меня постоянно мучила совесть, что я ни разу не поехала на могилы своих дорогих родителей: мне не то что хотелось – я мечтала поехать туда, на Украину, или хотя бы на папину могилу в Черновцы. После долгих колебаний, улучив момент, когда Толя сравнительно неплохо чувствовал себя, и обсудив с ним вопрос, я купила билет на самолет, предварительно обеспечив его круглосуточной «сиделкой». Я очень волновалась: прошло более двадцати лет! Полет должен был быть прямой до Черновцов, но ему не суждено было осуществиться.

Точнее, самолет улетел. Это я осталась: в то самое утро полета Толе стало плохо, и я его отвезла в больницу. Я повторила попытку через год. Как и в первый раз, Толя опять попал в больницу (билеты «сгорели»), и, поняв, что ему было страшно оставаться без меня даже на несколько дней, я сдалась и о полете больше не заговаривала. Не могла же я жертвовать живым ради мертвого, пусть даже столь дорогого мне человека.

С тех пор, как мы приехали в Израиль, между нами и моим парижским двоюродным братом Шарлем установились очень тесные отношения. Адвокат по профессии, он владеет несколькими языками, включая иврит, и он с Толей подружился. Его мать, тетя Титина, которая его всегда сопровождала, говорила на идише. Она – бывшая «актриса» Парижского оперного театра (на

*Шарль и Милли Вагнер
(мои парижские кузены)
Париж, 1980 г.*

самом деле всего-навсего статистка) – покорила Толю, и они стали часто приезжать, иногда даже останавливались у нас. За год до своей смерти, без моего ведома Толя договорился с Шарлем купить две путевки в специализированный санаторий по лечению диабета «Vals-les-Bains», куда он ежегодно ездил на лечение. (Я до того дважды попала в больницу с диабетической комой, и Толю очень тревожило мое состояние.) Сначала я сопротивлялась, но, поняв, что от моего здоровья зависела его жизнь, согласилась и поехала.

Лечащим врачом Шарля там был академик, проживающий на территории курорта, который в отпускное время принимал два раза в неделю своих старых коллег-пациентов. Как Шарль в свое время попал к нему, я не знаю, я же попала к нему благодаря Шарлю. Сделанные там анализы вызывали тревогу. Помимо других данных мой НВАИС был 11.3, превышая норму в два раза, а то и больше. Меня посадили на специальный режим, я пила воду, принимала водные процедуры, много ходила, и в результате за двадцать один день мне удалось значительно улучшить свое состояние. (С Толей мы разговаривали каждый вечер, хотя писала я ему каждый день.) Спустя три года я опять туда поехала с Шарлем и его подругой, а оттуда все мы поехали в Лондон. Первый раз я жила у Шарля, тогда тетя еще была жива, и он, как уроженец Парижа и прекрасный «гид», повез меня по всем тем местам, о которых я и мечтать не могла.

Это были мои первые «вылазки» в Европу. За ними последовали другие, но это было потом. Главное – «лед тронулся!».

За Парижем и Лондоном последовал Мюнхен. Это была совершенно незапланированная поездка: меня вызвал срочно Витя. После смерти Толи Витя мне неоднократно звонил, спрашивал о моем здоровье, как мог, ободрял, а в декабре они всей семьей приехали ко мне: в январе должна была состояться церемония бар-мицвы Илюши у «Стены Плача» в Иерусалиме. Илюшу до этого готовил какой-то рав в Мюнхене. Теперь проходила «генеральная репетиция», и Витя с Илюшей каждое утро ездили туда, возвращаясь только к вечеру. За это время мы с Аллой, женой Вити, русской, очень сблизились, и это в дальнейшем пошло на пользу нам обоим. Между нами установилась регулярная телефонная связь.

И вот однажды во время каникул Витя мне позвонил и попросил срочно приехать. По его словам, он был серьезно болен, но об этом никто ничего не знал. Я была первой, кому он об этом сообщил. Не задавая никаких вопросов, я сразу же полетела к нему. В аэропорту

был один Витя. Обнявшись и поцеловавшись, как самые близкие люди, мы поехали не к нему домой, а в его офис. Там за чашкой кофе он поблагодарил меня за приезд, и, объяснив, что, несмотря на то, что кроме жены и сына у него в Америке еще был дядя Давид с семьей, он именно меня считал самым близким человеком, на которого можно положиться, и поэтому он посмел обратиться ко мне.

Будучи хорошим врачом, еще до того, как ему поставили диагноз, он знал, что его дни сочтены, основываясь на генетике: у матери были дистрофические почки, у брата была такая же проблема, о которой стало известно только во время вскрытия, после того, как утонул, Витина двенадцатилетняя девочка от первого брака умерла от рака мозга, а теперь он страдал от непонятных явлений, связанных с головой. Он проходил обследование в той самой больнице, лучшей в Мюнхене, где он по вечерам дежурил. Его должны были госпитализировать, и он хотел, чтобы я была рядом, когда будет произнесен Verdict. Заказав такси, мы молча поехали домой, где нас с нетерпением ждали Алла с Илюшей и красиво накрытый «праздничный» стол. Атмосфера была нормальная, и, ничего не подозревая, Алла предложила пойти в центр погулять.

В первую очередь они решили показать мне знаменитую Мюнхенскую ратушу. Она меня поразила своей оригинальной архитектурой, музыкантами и красотой. Подыскав и выбрав самую интересную музыкальную открытку, я тут же отправила ее Яну. Пришлось объяснить, для кого я так старалась, и я Вите, как самому близкому человеку, к тому же мужчине, рассказала всё начисто, без прикрас, не скрывая боль и обиды. (Ни до, ни после я никогда, ни с кем не могла так поделиться.) Безо всяких комментариев, обняв меня за плечи, он тихо сказал: «Он Вас не стоит!» (Когда, вернувшись домой, я по приглашению Рены пошла к ним, меня поблагодарили за открытку, облюбовав которую, Рена забрала себе, а затем куда-то дела. Больше я ему никогда ниоткуда никакие открытки не посылала!)

На следующее утро Витя пошел на работу, а мы с Аллой пошли «шляться» по магазинам. Впервые в жизни при всем изобилии красивых вещей мне ничего не хотелось покупать. Но Алла купила мне красивый медальон из желтого и белого золота на цепочке с соответствующими клипсами. Я должна была ответить тем же. Подобрав подарки мужчинам, я купила Алле красивую брошку, и к обеду мы вернулись домой. Витя обещал заскочить на обед, и мы

его ждали. Вместо него нам позвонили из больницы. Просили Аллу немедленно приехать, и мы все, вызвав такси, поехали туда.

В больнице, нам сказали, что Вите стало плохо на работе: во время разговора со своей секретаршей он вдруг потерял сознание. Его офис был на одиннадцатом этаже. Его вытащили через окно при помощи подъемного крана и осторожно перенесли в машину «скорой помощи», которая повезла его в дежурную больницу. К счастью, это была больница, где он работал и одновременно обследовался. К тому времени, когда мы приехали, он уже лежал в отдельной палате, подключенный к каким-то аппаратам, но уже в сознании. Это немного успокоило. Постояв там несколько минут, я взяла Илюшу за руку, и мы вместе вышли в коридор: мне хотелось дать возможность Вите и Алле поговорить наедине, но в палату то заходили, то выходили разные «белые халаты». Мы были там до вечера, и я предложила Алле забрать Илюшу, который был белый как мел, и поехать домой. Сначала Алла возражала, но, когда я пообещала не отходить от его постели и держать ее в курсе, она уступила, и они поехали. Я осталась дежурить у его постели. Говорить он не мог: его подключили к кислороду, но он не спал, и в его глазах можно было прочесть благодарность. Я попросила его постараться уснуть, пообещав, что я никуда не уйду, пока не придет Алла. «Илюше очень нужна мама, он всё еще ребенок, и он Вас очень любит. Утром они придут!» – сказала я ему. Вскоре он уснул, а я глаз не сомкнула ни на минуту: у меня был большой опыт в дежурстве у постели больного!

Приехав рано утром на такси, Алла попросила таксиста подождать меня, и, поцеловав их обоих, я поехала к Илюше. Он еще спал. На столе был приготовлен завтрак на нас двоих. Я выпила стакан чая с кусочком хлеба, приняла свои таблетки и душ и, написав Илюше несколько успокоительных слов, легла спать. Но уснуть я так и не смогла.

Спустя пару часов я услышала, как двери открывались и закрывались: Илюша поехал в больницу. Он безумно любил отца.

Двое суток мы с Аллой поочередно, но непрерывно дежурили у постели Вити. На третьи сутки диагноз был окончательно поставлен – опухоль головного мозга! Его нужно было немедленно прооперировать. Алла согласилась, расписалась, а я потеряла сознание, и меня отвезли в приемный покой. Пролежав там, не знаю, сколько времени, меня госпитализировали там же, но в другом корпусе, в тера-

певтическом отделении: у меня сильно поднялись сахар и давление. Сначала Алла разрывалась, бегая от него ко мне и назад. Потом она включила в «кросс» и Илюшу, а я себе простить не могла, что вместо помощницы стала обузой. Я попросила меня выписать, но они и слышать об этом не хотели, и я сама, крадучись, стала «бегать» к Вите. Я чувствовала, что он не всё успел мне сказать, и я была права.

Улучив момент, когда мы остались наедине, Витя отключился от кислорода, взял мою руку, поцеловал ее, и всё еще не отпуская ее из своих рук, заговорил: «У меня к Вам большая просьба: не допустите, чтобы Илюша остался в Германии. В России ему тоже нечего делать. Он умный, серьезный, способный парень, и он пойдет далеко, но место его – в Америке». Я поспешила его заверить, что ему рано об этом говорить и что он сам устроит Илюшино будущее. Горько улыбнувшись, со слезами на глазах, он прошептал: «Не надо! Спасибо! Прощайте, и да благословит Вас Бог! Вы замечательная женщина!» Вошла Алла. Она подключила его к кислороду, а я вышла – не могла больше сдержать слез. Спустившись в прибольничный садик, я села на скамейку и наконец дала волю слезам.

На следующий день меня выписали, но операцию Вите отложили: решили подождать, пока из Америки пришлют то единственное чудо-лекарство, на которое они очень рассчитывали. Ночью у меня опять поднялось давление до двухсот десяти на сто десять. В доме никого не было, и я сама вызвала «неотложку», но в больницу не согласилась поехать: у меня был билет на самолет на следующее утро. Я только попросила сделать мне укол, и они согласились, предварительно дав мне подписать документ о своем отказе. Утром по дороге в аэропорт я заскочила в больницу извиниться и попрощаться со всеми. Оставив Илюшу с отцом, Алла, несмотря на мои возражения, поехала со мной в аэропорт. Расстались мы с ней без лишних слов, но наши объятия и поцелуи говорили сами за себя.

Из самолета я попала прямо в больницу, а Витю прооперировали лишь через неделю, после того, как наконец прибыло лекарство. Но... ни операция, ни лекарство, ни знаменитый профессор-хирург, Витин коллега, не помогли: он ушел в возрасте пятидесяти лет! Похоронен он по его просьбе в Лос-Анджелесе, а после долгих разговоров и уговоров Алла согласилась переехать туда с Илюшей. Там она работает в какой-то библиотеке, а Илюша в этом году получает диплом адвоката. Учился он в одном из самых уважаемых в Америке университетов, а стажировку проходил у какого-то из-

вестного адвоката. Я с ними не потеряла связь. (Ей в Америке «неуютно» и одиноко, и она сожалеет, что выехала из Германии.) С уходом Вити я потеряла еще одного дорогого мне человека, но приобрела двух близких, но, к сожалению, далеких от меня людей. Да поможет им Бог!

Не помню, сколько прошло после того, как Ян вернулся из Америки, как вдруг у него возникла проблема с речью – микроинсульт, из которого ему, слава Богу, удалось выйти. Все радовались вместе с ним. Одна я, приняв это за «красную лампочку», настаивала поехать опять к проф. Готесману. Ян обозвал меня «паникершей», и я больше об этом не напоминала, пока состояние его резко не ухудшилось, и я, «выскочив» из своего угла, где, подобно любящей, преданной собачке, ждала жеста-разрешения оттуда выходить, потащила Яна к нашему семейному врачу. Ему пришлось повторить анализы и обследования, и, по словам доктора Фаркаш, не исключена была операция на открытом сердце.

Яну я ничего не сказала, но, заказав очередь к доктору Фаркаш для себя, позвонила Рене и предложила ей пойти к ней вместо меня, чтобы обсудить с ней состояние Яна. Ничего не сказав, она бросила трубку. Не прошло и часа, как она явилась ко мне. По тому, как она зашла, я поняла, что «в воздухе пахло грозой», и я не ошиблась. Переступив порог, она начала с вопроса: «Кто вы такая и кто дал вам право вмешиваться в наши семейные дела? Я понимаю, – продолжила она, – что вас с папой связывает не пионерская дружба, но учтите: папе такая, как вы, не нужна! Ему нужна такая, как Я!» Что она еще сказала, я не помню. У меня потемнело в глазах, и я лишилась дара речи. Она же, высказавшись, убежала, оставив меня в кризисном состоянии.

Операция действительно оказалась неизбежной, и Рена добилась того, что в частной больнице какое-то светило с подмоченной из-за взяток репутацией удачно прооперировал его (не без неприятного инцидента). В день операции прилетел Рома, и они с Реной, безусловно, своим присутствием тоже сыграли положительную роль. (Обо всем этом я узнала от Мили, который потом стал нашим «связным».) Умирая от страха, я вернулась в «свой угол». «Выползла» я оттуда лишь тогда, когда вдруг, совершенно неожиданно позвонила мне сама Рена, сообщив, что операция прошла благополучно и что Ян просил меня приезжать к нему. Более того, она

сказала, что на следующее утро они с Ромой поедут к нему и по дороге «подберут» меня тоже. И всё! От радости и обиды я заплакала, и, растоптав свою гордость, я на следующий день поехала с ними туда. Рома за рулем любезно старался завести разговор со мной, но, кроме «да» и «нет», я больше ничего не могла выдать из себя.

Визит состоялся вчетвером. Они говорили, а я молчала. Кроме «Христос воскрес!», я больше слова не произнесла. Немного посидев для приличия, я, пожелав ему скорого выздоровления, вышла. В коридоре, сидя, как оплеванная, я еле сдержала слезы. По дороге к машине, улучив момент, когда Рома отстал, Рена извинилась передо мной. Ничего не ответив, я залезла в машину и не знаю, как доехала домой. Сказав: «Спасибо за тремп», – вышла из машины и забежала в дом. Там я уже дала волю слезам. Они были горькие. Я заставила себя отключиться и ни о чем не думать: я решила поставить крест на всем, что было связано с Яном, не важно, какой ценой, и перестала отвечать на его звонки. А он, по словам Мили, не зная причины моего столь неадекватного поведения, сильно переживал.

Миля тоже ничего не знал и знать не хотел. Он меня только спросил: «Ты хочешь его доконать?» – и, не дождавшись ответа, схватил меня за руку и скомандовал: «Поехали!» По настоянию Мили и с ним я раз посетила Яна в больнице и раз в Бат-Яме в реабилитационном центре, но как он ни добивался ответа на мучающий его вопрос, он его так и не получил: я боялась рассорить его с Реной. Такого удара он бы точно не выдержал.

Вернулся он домой в форме, и долгие годы жалоб никаких не было.

Несколько дней спустя с разрешения Рены он устроил маленький банкет, на который пригласил своего двоюродного брата и друга детства Менюру с женой (из Рамат-Гана), Фиму Фердмана – его друга по университетскому КВН, инициаторами и создателями которого они являлись и бессменно вели, Милю с Аней и меня.

Фима окончил наш исторический факультет, стал лектором при обкоме партии и, несмотря на пятую графу, часто ездил с лекциями за границу, а в Израиле, куда приехал совсем недавно, на добровольных началах разъезжает по всей стране, просвещая «русскую» алию в области героической истории нашего государства и его народа.

При таком составе все забыли о болезнях, так что «инцидент» просто растаял сам по себе.

За этим последовало личное приглашение самой Рены на встречу Нового года. Я пришла при полном «снаряжении»: у меня для каждого был какой-то недорогой, но оригинальный подарок, и Рена прозвала меня «Дедом Морозом» (это прозвище так и осталось за мной), а Майя внесла предложение приглашать меня на все праздники, включая религиозные. Без всякого обсуждения предложение было принято, и меня, действительно, стали приглашать на «семейные вечера» – так их назвала Рена, и их было немало. В таких случаях там редко бывали «посторонние».

Прошло время, пока Рена стала представлять меня при встречах на концертах или представлениях, как «наша подруга». Но, как бы то ни было, дверь их дома приоткрылась (как это ни странно, она закрыта для его друзей), и мы с Яном зачастую «заскакивали» к ним домой. Это Майе не очень нравилось, и по любому поводу она говорила: «Спросите с в о е г о Яна!», и у меня возникло подозрение, что у нее на него какие-то виды (она всё еще красиво выглядела, несмотря на ее преклонный возраст) и что у них что-то большее, чем родственные отношения, тем более, что любые семейные выезды (помимо театра, концертного зала и иногда на море) проводились ими вчетвером, в то время как я оставалась одна дома. Очевидно, я была не единственная, которая так думала, ибо доктор Мина Литвенко, самая почтенная (из-за возраста) в нашей компании, за которой по сей день числится привычка давать советы, постоянно в моем присутствии говорила Яну, что его место – при Майе. (Она меня тогда явно недолюбливала. Сей-

*У Дорины в день 75-летия.
Безр-Шева, 1999 г. Крайняя справа –
Берта Вагнер, жена Карла.*

час она ко мне полностью изменила отношение, и мы с ней довольно часто встречаемся.) Ян в таких случаях просто молчал. Со временем стало ясно, что мои подозрения были необоснованными.

Шел 1999 год. Мы с Яном вот уже три года были вместе и врозь. Я уже знала всю его семью (они меня тоже). Нередко Ян с семьей бывали моими гостями, он же моих родственников знал только понаслышке – никто ко мне не приезжал!

16 октября, в день семидесятилетия Дорины, я решила пое-

хоть к ней, и Ян изъявил желание поехать со мной. Захватив кое-какие лакомства и подарки, мы рано утром вместе с Карлом Вагнером (мой двоюродный брат) и Бертой, его женой, поехали к ней. Независимо от нас к ней приехали также наши с Дориной троюродные братья Ликы и Миелу с женами (все они приехали из Тель-Авива). Карл с Олей (ее сын и невестка) даже не посчитали нужным поздравить маму по телефону, а Таня с Вовой (дочка с зятем) поехали за границу. Но их дети пришли поздравить бабушку, и она была счастлива.

Это было первое знакомство Яна с моей семьей, а, главное, с Дориной, о которой я ему уши прожужжала. Вернувшись в Реховот, мы все заехали ко мне на чашку кофе. После их отъезда мы с Яном остались одни. Вдруг зазвенел телефон. Это была Дорина. После того, как Оля ее выгнала, она жила одна у себя. Дорина поблагодарила за устроенный приятный сюрприз, спросила, как мы доехали, и добавила, что ей очень понравился Ян (она единственная, кто знал о нашей связи) и что на сей раз я не должна «фыркать» (она также знала о нескольких «претендентах», которым было отказано). По окончании разговора Ян спросил, что сказала Дорина, что меня так рассмешило, и я ему сказала. А сказала она: «Умоляю, на сей раз не фыркай! Не повтори мою ошибку!»

На второй день, как только я ему открыла дверь, даже не поздоровавшись, еще стоя у порога, он выпалил: «Всё! Я решил: или туда, или сюда!», на что я моментально ответила: «И ни туда, и ни сюда – всё останется так, как оно есть!»

Потом не раз я задавала себе вопрос, как сложилась бы наша жизнь, если бы я взяла себе хоть минуту на обдумывание. Но к этому вопросу мы ни разу больше не возвращались, и я убедилась в том, что, несмотря на то, что между нами было, никто из нас не был готов изменить статус: мы оба боялись будущего, а потому вцепились в настоящее и по мере возможности наслаждались им. Сейчас, когда мы оба переступили восьмидесятый рубеж и к нам прицепились многочисленные недуги и болезни, мне кажется, что

*Последнее фото
с Дориной.
Безр-Шева, 2002 г.*

решение было правильным, т. к. по крайней мере он остался жить в семье, которая о нем заботится. Жаль только, что в Америку он больше не сможет поехать: слишком рискованно! А ведь Америка была единственным местом, куда он ездил – ничего другого ему не нужно было. А я ездила без него!

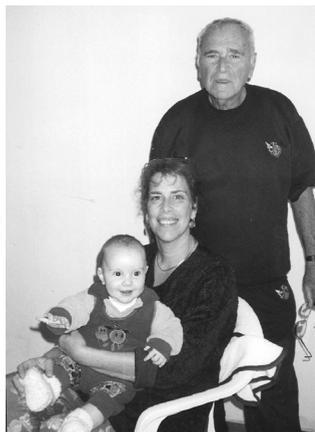

*Я с Карлом (моим племянником)
у могилы папы.
г. Черновицы, 2004 г.*

С Карлом Вагнером, моим двоюродным братом, я поехала в Бухарест на могилы наших с ним бабушки (Рахели Вагнер) и дедушки (Кальмана Вагнера). Бабушкин памятник хорошо сохранился, у дедушкиной могилы пришлось поменять лежащую плиту. Взяв все расходы на себя, я обновила памятник и уехала отсюда с чувством исполненного долга.

Затем мы с Диной, моей соседкой, поехали в Италию. Это было сказочное путешествие, включавшее в себя Рим, Венецию, Ватикан и Верону с балконом Ромео и Джульетты. А в августе 2001 года после того, как я вышла на пенсию из ешивы тоже, отметив пятую годов-

в первую очередь, вместе с Карлом, сыном Дорины, мы из Киева на такси поехали в Бершадь, где в какой-то яме покоится моя мама и его бабушка. Таких ям (по пятьсот и более человек) там было несколько, но их за эти годы смело, и мы ничего не нашли. Оттуда уже глубокой ночью усталые и разочарованные на том же такси еле добрались до Черновиц, где похоронен папа. При всем том, что еврейское кладбище там страшно запущено и заросло, что тут и там валяются разбитые памятники, папин памятник, который в самом центре, слава Богу, уцелел.

*Сын Мауричу и Дорины –
Карол Вагнер, Орна – его
дочь и Михаль – его внука.
Тель-Авив, 2002 г.*

*Дина Ройзин.
2002 г.*

щину смерти Толи, отправились в следующее турне: Прага, Будапешт и Вена. На второй день после прибытия в Прагу, попав в аварию в автобусе и поломав правую ступню, я осталась одна в гостинице с отключенным телефоном, не в состоянии встать с постели (лежать тоже не могла) до двенадцати часов дня, когда, не зная, что кто-то там находится, зашла горничная убирать. Оказалось, что Дина, не желая отстать от группы, в шесть утра выписалась и поехала в Будапешт. Как я добралась домой, не описать. На коляске, одна, я еле добралась до остановки такси, а доехав до дома, таксист любезно помог мне добраться до квартиры. На следующее утро (в субботний день), заранее договорившись с главным врачом хирургического отделения «Каплана», ко мне приехали Ян с Павликом, его зятем, и повезли меня в частную клинику доктора Айхенבלата, который оказал мне необходимую помощь.

Прошло пару лет, пока я опять стала разъезжать. Но уже не с Диной. Она с мамой переехала в Бней-Айш. Вскоре мать умерла. Ее дочка вышла замуж и родила ей пару внучек, и она чаще всего находится там. Мы с ней продолжаем изредка контактировать, не касаясь прошлого.

В Турцию я поехала с Женечкой. Да, та самая Женечка, жена Фимы, который нас не только разорил, но и довел Толю до инфаркта. Случилось это после смерти Фимы, который умер в каком-то специальном заведении для больных Альцхаймером: там, никого не узнавая, он «жил» долгие годы. Женя, попав в аварию, долго лежала в больнице и, потеряв трудоспособность (временно), осталась без работы. Мать ее умерла, старшая дочка, разве-

С Шарлем Вагнером (моим кузенном) и Женечкой в Греции. 2006 г.

денная, без квартиры и с дочкой в последнем классе гимназии, вместе с Женей в ее квартире жили на пособие.

Я ничего этого не знала. Хотя они поменяли квартиру и жили недалеко от меня, мы с ними не встречались. И вот однажды мы неожиданно столкнулись лицом к лицу, и она, бросившись мне на шею и целуя меня, всё это рассказала. Я ее пригласила к себе домой. Было это после смерти Дорины и после того, как я, обиженная на Карла и Таню, перестала с ними контактировать. Я дала Жене тысячу шекелей на покрытие долгов. Она дала мне чек (без покрытия). Мы стали друг к другу ходить. Она расхваливала Турцию, где уже побывала, и мы с ней поехали туда. На следующий год, когда Шарль приехал ко мне из Парижа, мы опять поехали туда и на ближайšie греческие острова уже втроем. В промежутке она искала себе работу, и я ее возила на интервью, пока она не нашла теплое место главного бухгалтера в Тель-Авиве. Позже, закрутив роман со своим бывшим соседом, у которого умерла жена, она стала с ним разъезжать. Я ей одолжила на поездку несколько сот долларов и евро, которые по сей день назад не получила. Признаюсь, было время, когда я надеялась приблизить ее к себе. Во-первых, мне хотелось думать, что она действовала под нажимом Фимы (мужа), хотя мы об этом никогда не говорили, во-вторых, я искала какого-то близкого (не старого) человека, на которого в случае необходимости можно было бы положиться. Правда, вторые ключи от квартиры находились у Яна в доме, и в случае кризиса (а таких было не мало), в большинстве случаев Рена, иногда с Яном, а чаще с Павликом или сама, приезжала по первому же вызову, даже посреди ночи и при необходимости везла меня в больницу и не уходила, пока меня не госпитализировали, а после работы приезжала меня навещать (когда Ян бывал у сына в Америке). Но время шло, Майю оставлять одну уже нельзя было, да и с Яном было немало проблем, и мне стало не по себе ее беспокоить. Потому я искала ей замену. Но Женя обо мне забыла, как только перешла жить к своему Моше, у которого пентхауз. Прошло уже более пяти лет, как ее не видно и не слышно, и о ней я ничего не знаю. Да и знать не хочу! (По всей вероятности, ей сейчас неплохо, и я ей уже не нужна.)

В плавание на фешенебельном лайнере «Ирис» я пустилась с четой из Натании: Гитой и Володей. С Гитой (она тоже окончила наш факультет) мы работали в Черновцах в школе №23. Они тоже были «членами» нашей компании, и мы иногда обменивались визитами.

Это было незабываемое морское путешествие, которое длилось две недели, с заездом на греческие острова, Корсику, где посетила памятник «своего» Наполеона, Монте-Карло, Барселону и Мальту. Это был просто сон наяву!

Как в ОРТ-Реховот, так и в ешиве я была первой ласточкой «русских англичан», которая туда проникла. Спустя несколько лет и тут, и там для них открылись ворота. Тут же появились «русские» ученики и студенты тоже, для которых мы стали большой опорой, т. к. их абсорбция среди сабров (израильтян) была не легче нашей. А на родительских собраниях мы стали переводчиками тоже. О количестве нашего всё растущего «легиона» можно было судить по составу присутствующих на разных учительских совещаниях, конференциях и курсах усовершенствования, которые я не посещала по семейным обстоятельствам, и мне пришлось вариться в собственном соку.

И все-таки Палди, мой ОРТовский директор, однажды в начале летних каникул пришел к нам домой с радостным известием: меня ОРТ-Израиль посылал в Лондонский университет (общежитие студенческое, на всем готовом) на трехнедельные курсы усовершенствования в дообеденные часы и с организованными экскурсиями в послеобеденное время. Это было после того, как мы переехали в свою новую квартиру и были в долгах. Мне пришлось от этого тоже отказаться и объяснить причину. Палди и слышать не хотел. Он знал, как мне этого хотелось, и обещал субсидировать мою поездку из фонда школы. От такого предложения я отказаться уже не могла, и Толя тоже согласился. Я поехала в Тель-Авив, прошла отборочную комиссию, и, встретив там Софу Брасс, которая училась в нашем университете на два курса младше меня, обрадовавшись встрече, договорились держаться вместе. Она-таки поехала, а я – нет! Из-за Толи! Ему опять стало плохо.

Со временем я всё чаще стала встречать выпускников нашего университета, которые процветали на работе, занимали ответственные должности тоже. Иногда я получала приглашение на встречу с «нашими», прибывшими с визитом из США. Там мы всё больше встречали своих. Встречи были интересные, веселые, а главное, никто не жаловался: все были довольны.

В 2003 году, во время летних каникул, не помню, по чьей инициативе, в большом хорошем ресторане в Ашдоде организовали встре-

*Я с Яном на встрече
выпускников нашего
университета.
Ашдод, 2003 г.*

чу выпускников нашего университета начала пятидесятых годов прошлого столетия, и мы с Яном, Миля с Аней, Миша Клиnger (профессор физики с мировым именем) с Ириной, Федя Маулер – к тому времени уже полностью ослепший – с Софой, Фима Фердман с Дусей – все они из нашей компании, хотя Федя жил в Нес-Ционе, а Фимочка – в Кирьят-Яме, – поехали туда.

Там собралось, по-моему, около ста человек. Многие из них специально приехали из-за границы, некоторые – даже из бывшего Союза. Это была незабываемая встреча друзей и просто однокашников спустя пятьдесят с лишним лет. Часто приходилось заново «знакомиться»: мало кого можно было узнать. А узнав, зачастую начинали хохотать. Вечер длился почти до утра: никак нельзя было наговориться!

Некоторые, по той или иной причине не успевшие на встречу, «догоняли» самостоятельно. Так мы заполучили на несколько дней Пилата – доктора математических наук из Канады с супругой, которым и Ян, и Миля устроили красивые приемы. Ко мне приезжала Галя Полак с русского отделения – мать какого-то министра Украины, и мы потом долгое время перезванивались, пока она, подобно Феде, не скончалась от последствий диабета.

*У Нюси Рубинштейн (слева) с Галей Поляк, Марой
илевой Лейзерманом. Хайфа, 2000 г.*

По моему приглашению на несколько недель приезжала и Катя Зайцева – Стратийчук по мужу. Она не закончила наш университет. Это моя Катюша – моя бывшая соседка, жена депутата Верховного Совета Украины, которая, не побоявшись (хотя была завучем какого-то техникума в Черновцах), пришла провожать нас на вокзал. Тогда она меня спросила, что заставило нас выехать оттуда, а приехав сюда и посмотрев вокруг, она

С Катей Зайцевой (Стратийчук) в гостях у Дорины. Беэр-Шева, 2000 г.

мне сказала: «Ущипни меня! Не сон ли это?» Это были годы нищеты на Украине и изобилия в Израиле. Она себе представляла Израиль начала пятидесятых годов: один песок да камни, а увидела прекрасную, высокоразвитую страну.

Катя много разъезжала по стране через туркомпании, не только в места, связанные с ее религией. Пару раз даже ездила с Диной, моей соседкой. Когда я ее спросила перед отъездом, что больше всего поразило ее в Израиле, она ответила: «Общественные туалеты!» – и тут же добавила: «Это признак культуры народа».

Поездка с Катей к Дорине (она в то время жила у Тани) была запланирована на последнюю субботу, перед отъездом. Как назло, день оказался «хамсинный», я себя неважно чувствовала, но отказаться от поездки было невозможно: и мне, и Кате очень хотелось повидаться с Дориной с тем, чтобы хоть немного поднять ей настроение. С трудом доехав до Беэр-Шевы, я внутри города потеряла ориентир. Улицы были пустынные, спросить было некого, магазины были закрыты, и телефона у меня не было (если он вообще существовал уже в то время). Асимонов у меня тоже не было, и мы долго крутились по городу в накаленной железной коробке – моя машина была еще без кондиционера. Когда наконец мы добрались туда, я была ни жива ни мертва. По всей вероятности, сильно понервничав, я себе набила сахар тоже. Измерять было нечем. Несмотря на всё это, мы обрадовались встрече и, дождавшись вечера, когда насту-

пила какая-то незначительная прохлада, попрощались, и, пожелав Дорине полного выздоровления, мы поехали домой. Ночью, сойдя с постели, я упала. Наши с Катей спальни – через коридор. Она читала при закрытых дверях, мои двери тоже были закрыты. До нее мои крики не доходили. Подняться я не могла. Схватив безделушку с туалетного столика, я бросила ее в дверь. Это было мое спасение: услышав треск, она тут же прибежала ко мне, разбудила Дину, и они вдвоем подняли меня, положили на постель и вызвали «Скорую помощь». В больницу мы поехали втроем. У меня оказалась диабетическая кома, кровоизлияние в левом глазу плюс высокое давление. Отказавшись от госпитализации, я с ними вернулась домой: на следующее утро Катя должна была улететь. (Встречала ее я, провожала ее Дина.)

Так началась моя «глазная эпопея»! Я прошла десятки лазерных процедур, две операции на оба глаза, внутриглазные уколы. Все эти процедуры проводились у лучших специалистов: профессоров Аялы Полак, Гиоры Трайстера, Шауля Марина и Иосифа Моисеева (Мусаева), и, если сейчас я могу писать эти строки (после того, как я на протяжении нескольких лет не читала и не писала), то это только благодаря Богу и им. (Я очень надеюсь, что сумею довести эту свою исповедь до конца, хотя...)

Летом 2009 года, когда окно в салоне было открыто настежь (как обычно), вдруг залетела кукушка и, оправившись, (спасибо, не на ковре), трижды прокуковала. Согласно поверью, она меня «предупредила», что жить осталось мне всего лишь три года, а мы сейчас уже в конце августа 2012 года! Вот я и тороплюсь: мне очень хотелось бы успеть дописать эту написанную кровью сердца исповедь.

В декабре, с Божьей помощью, мне исполнится восемьдесят три года, но по документам – восемьдесят пять. Я не знаю, куда заглянула кукушка, но тешусь надеждой, что у меня в запасе еще два года.

Удивительное дело: чем старше человек становится, тем сильнее цепляется за жизнь, несмотря на все тяготы старости, в отличие от тех красивых лет молодости, когда при каждом тяжелом ударе судьбы вместо того, чтобы, собрав все силы, попытаться найти разумный выход из «лабиринта», в который попался, у него в первую очередь возникает мысль о самоубийстве. (Не разбазаривайте свою молодость: она прекрасна, и вернуть ее нельзя!)

Мне судьбой преподнесен «букет», к которому постоянно прибавляется еще по одному «цветочку»: помимо гипертонии и са-

харного диабета, которые постоянно подтачивают организм, у меня, вдобавок, легочная гипертония, из-за которой мне пришлось перенести правосторонний центур, а теперь обнаружили какое-то утолщение на верхушке левого легкого, ярко выраженная нейропатия рук и ног (судороги по ночам), цисты, подобно цветочкам, разбросаны по большинству органов, но страшнее всего – циста не простая, RCC, второй степени, на правой почке. Ну, а желчный пузырь? Он забит камнями (не драгоценными!). «Мелочей» я вообще не касаюсь.

Об этом, помимо врачебного мира, никто, кроме Яна и его семьи (без которых не знаю, что бы я делала), ничего не знает. (Да и они знают далеко не всё! Зачем?)

Выгляжу я сравнительно неплохо. Голос мой, отшлифованный пятидесятилетней педагогической деятельностью, не потерял своего тембра. Ну, а душа? Благодаря тому, что почти вся моя жизнь прошла среди детей и молодежи, она тоже осталась молодой, а потому, как бы странно это не звучало, я, просыпаясь по утрам, узрев божий свет и услышав пение птиц (наш дом окружен деревьями), благодарю Всевышнего за полученный подарок – новый день!

Не лучше обстоят дела и у Яна (но не хуже). Его основная проблема (как в свое время была у меня) – депрессия! Разница только в том, что я поддалась его «лечению», а он – неподдающийся, и все мои попытки ему помочь наталкиваются на непробиваемую «каменную глыбу» (он «Овен»). По-моему, на него сильно повлиял уход из жизни за последние несколько лет трех наших близких и дорогих людей: Феди, Карла и особенно Мили. Недавно в разговоре по телефону, жалуясь на свои ноги (у него появились боли при ходьбе), он сказал: «Я – следующий».

У меня сердце защемило, но я сделала вид, что не расслышала, и перешла на другую тему. Слова его не выходят у меня из головы, и при каждом удобном случае я напоминаю ему, какой он счастливый, что ему не довелось познать самый страшный бич старости – одиночество, что ему посчастливилось остаться жить в семье, что у него хорошие, преданные и любящие дети, внуки и правнуки, в которых он и сам души не чает.

Недавно, когда я ему это в который раз повторила, он впервые добавил: «И ты!» Это был разговор по телефону. Сказать мне это в лицо он никогда не осмелился бы. Но, зная его хорошо, мне всё рав-

но: для меня его слова – бальзам для души и самая высокая оценка нашей дружбы, которая для меня лично – эликсир жизни!

«В честь моего восьмидесятилетия» (по документам) в Израиль с гастролями приехал знаменитый Ленинградский балет Эйфмана. С большим трудом нам удалось достать билеты на 16 декабря, и, очастливленные, решили таким образом отметить мой юбилей. (До того, сначала в этот день я приглашала всю нашу компанию к себе домой, потом, когда «общим собранием» было решено, что дни рождения будем отмечать в ресторанах, мы обычно там обедали вместе, а «на сладкое» приходили ко мне, и «пир» длился допоздна.)

В Тель-Авив мы поехали на такси, которое должно было отвезти нас назад тоже. Представление «Анна Каренина» давалось в «Ихаль ха-Тарбут», народу было много, очередь на лифты была большая, и мы поднялись пешком по лестнице. По окончании спектакля, от которого получили огромное удовольствие, спускаться пришлось таким же образом. На второй же ступеньке, потеряв сознание (как оказалось, в результате наступившего ортостатизма), я упала и покатила до первой площадки, где, очевидно, пришла в себя в результате полученных ударов. Пришлось отпустить такси, и на «скорой помощи» нас повезли в больницу «Ихилов». Там в присутствии и при участии медицинского персонала мы продолжали «праздновать» мой юбилей: меня на руках перевозили из кабинета в кабинет!

На Яне лица не было! Скрывая по мере возможности боль и страх, я, как могла, старалась его успокоить, а он всю ночь был на телефонной связи с Реной и Павликом. Было уже утро, когда «с комплиментами» меня выписали домой, и Павлик приехал за нами.

Будучи суеверной, я про себя решила, что в качестве подарка ко дню рождения в ту ночь Всевышний продлил мне жизнь и дал мне возможность узнать настоящих друзей, которыми я горжусь и которым я бесконечно благодарна.

Спустя пару лет точно такая же «история» произошла в Реховоте в зале «Викс» института им. Вейцмана, когда после концерта Иерусалимской камеретты, спускаясь по лестнице, Ян вдруг очутился на полу фойе без сознания, и на «скорой помощи» всех нас (Рена была с нами) повезли в «Каплан». Там мы с ним просто поменялись ролями и несколько часов спустя благополучно «выписались», и Павлику опять пришлось нас развозить по домам.

По телефону мы с Яном разговариваем по несколько раз в день. Это – наш основной вид общения в последнее время: до недавнего мы все-таки помимо «выхода в свет» хотя бы раз в неделю обедали вместе, чаще всего у меня по четвергам, когда он после работы (добровольной) приходил прямо ко мне, или ходили в ресторан (реже), а еще реже я навещала (и всё еще навещаю) его.

К сожалению, сохранив связь, мы реже стали встречаться с друзьями тоже: у каждого свои проблемы со здоровьем. И все-таки жизнь продолжается, и мы, каждый по своим возможностям, делаем всё, чтобы дожить свой век по-человечески. Мы все тоскуем по «тем» временам, но высоко ценим настоящее, и обеими руками крепко вцепились в него. Из всех наших друзей по-настоящему одинока только я: у каждого кто-то где-то да есть, так что с этой точки зрения неизбежное несветлое будущее – не их проблема. Другое дело я!

При всем том, что всю свою сознательную жизнь я старалась обеспечить свою старость (и я, действительно, обеспечена), мысль о том, что будет со мной, если, упаси Бог, я лишусь способности заботиться о себе, не покидает меня.

Смерть, триумфально шествуя по Земле, постепенно унесла с собой самых близких и дорогих мне людей, а на оставшихся в живых я, к сожалению, полагаться не могу. И Карла, и Таню я очень люблю: они – мои дети с того самого момента, когда появились на свет, и, пока была необходимость, я помогала Дорине помогать им. Но, несмотря на это, я твердо решила не идти по тернистому пути Дорины: не повторять ее ошибок. (С моей стороны была предпринята попытка сблизиться с «молодым поколением», но она ни к чему не привела.)

Итак, кроме дополнительного разочарования, ничего не изменилось. Я как была одна, так одна и осталась, и мысль о том, что в случае ЧП мне абсолютно не к кому обратиться, не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Я стала принимать успокоительные средства, но, боясь, что они притупят то самое ценное, что у меня осталось – здравый ум, бросила: сейчас, как никогда, он мне нужен. «Нет безвыходного положения!» – сказала я себе и напряженно стала искать выход. Вариантов осталось два: дом престарелых для «ходячих» (דיור מוגן) или чужую женщину (מתפלל) на двадцать четыре часа.

Я спросила Яна, готов ли он переехать со мной жить там, и он, как и следовало ожидать, сказал: «Нет!» Остался второй вариант, но попробуйте его добиться, даже за свои деньги, если вы, несмотря на все медицинские данные, говорящие о том, что вам необходима такая помощь, всё еще похожи на человека и живете в красиво обставленной квартире.

Понадобилось вступить «в поединок» с израильской бюрократией, и, вопреки неравенству сил, каким-то чудом я вышла

Лена

победительницей: сейчас у меня есть Лена – смуглянка-молдаванка, женщина красивая и чистоплотная, порядочная и с чувством юмора, с которой мы неплохо сосуществуем, и, представьте себе, я приобрела покой души, хотя понимаю, что это только «предпоследний этап» и что самое страшное – впереди. Ну а пока? Пока я довольна тем, что у меня есть, а для полного счастья взяла себе попугая, который мне постоянно объясняется в любви: «I love you!» – твердит он мне по несколько раз в день, и, услышав эти слова, признаюсь, у меня моментально появляется улыбка на лице, а на сердце становится тепло и приятно, т. к. в его «искренности» я ни на минуту не сомневаюсь (у него ни чувств, ни мозгов нет – он механический). Я советую всем женщинам, как молодым, так и пожилым, приобрести такое «чудо»: вы получите то, без чего нам, женщинам, невозможно счастливо жить – неиссякаемую к себе любовь до самой глубокой старости. Ну, а если вдруг он тоже перестанет объясняться вам в любви, то не отчаивайтесь и ни в коем случае не вздумайте покончить самоубийством. Просто поменяйте батареи!

Подведя итог своей жизни, несмотря на всё пережитое и переживаемое, я считаю себя баловницей судьбы, и своим первым и самым ценным из полученных подарков считаю своих родителей, от которых я унаследовала их человеколюбие (вплоть до самопожертвования) и любовь к книге. Помимо всего другого, благодаря им я получила редкостную возможность наслаждаться чтением

лучших произведений классиков мировой литературы (румынской, русской, немецкой, французской, англо-американской и даже – частично – ивритской) в оригинале!

За ним последовали другие подарки, главными из которых считаю следующие:

а) того неизвестного мне немецкого офицера, который не только спас меня, но и помог моей семье выжить;

б) Менделя – моего первого верного друга и «телохранителя» в самый тяжелый период моей жизни в гетто;

в) доцента Тартаковского, который, «восстанавливая» меня, научил ценить и любить жизнь;

г) Лилю – «подругу дней моих суровых» и ее родителей, дом которых долгое время был для меня убежищем (в нужное время);

д) Наталью Федоровну Чубинец – моего доброго ангела, без которой (в условиях советской власти) я бы не смогла осуществить свою мечту: занять собственную крышу над головой;

е) доктора Наума Чухмана – Толиного доброго ангела, который сумел продлить нашу с Толей счастливую супружескую жизнь на целых четыре года;

ж) моих «Наполеонов» (все они невысокого роста), благодаря которым мне посчастливилось познать все нюансы любви между мужчиной и женщиной: от платонической (Сеня) до краденной (Илюша).

За всё это я ЕГО благодарю!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Начав писать и заранее решив, что, кроме сохранившихся в памяти воспоминаний, я никакими вспомогательными материалами пользоваться не буду, я никак не могла себе представить, что из своей дряблой памяти я смогу выдавить столько страниц. Каково было мое удивление, когда в процессе писания на меня нахлынуло такое количество воспоминаний, что я с трудом успевала излагать их на бумаге. А ведь весь процесс написания данной книги длился не более пары месяцев, включая переписывание начисто (свою пишущую машинку я давно уже подарила какому-то писателю-инвалиду). И вот сейчас, глядя на свое «детище», я подумала, что, торопясь «успеть», я втиснула только то, что считала главным, не коснувшись кое-каких вещей, по поводу которых мне хотелось бы высказаться. С Вашего разрешения я это сделаю сейчас.

Итак, в результате прожитой мной долгой, нелегкой, но интересной жизни я пришла к некоторым выводам, которыми мне хотелось бы с Вами поделиться в надежде, что где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь найдет в них «рациональное зерно».

ВЫВОДЫ:

1. Хотя я не религиозная, я верю в Бога, как в доброе начало всех начал, признаю его «десять заповедей» и стараюсь их не нарушать. Я считаю, что Он один для всех народов и что все народы – Его дети. А дети должны друг друга любить и жить в мире.

2. Мир прекрасен и без человека, но человек – самое совершенное существо на Земле, и его задача – сохранить существующее, не переставая искать пути к его улучшению и всеми силами добиваться их осуществления.

3. К изречению: «Если я не позабочусь о себе, то кто сделает это за меня?», которое в моем понимании порождает эгоизм и оправдывает неоправданные действия, я бы добавила: «Если я не помогу своему ближнему (без всякой дифференциации), то кто делает это?».

4. Размножение – это единственный путь сохранения жизни на Земле, и в природе это происходит и без нашего вмешательства. Совсем другое дело происходит в человеческом обществе: на че-

ловека возложена задача, точнее, обязанность, позаботиться о том, чтобы на свет появились здоровые как физически, так и духовно существа. Поэтому аморальным людям следует воспретить рожать детей (законом!). Только таким образом мы сможем искоренить пьянство, наркоманию, патологический разврат и всё истекающее от них.

5. Родить ребенка – это не всё! Главное – сделать из него человека, на плечи которого можно возложить ответственность за будущее человечества. С этой целью, я считаю, что государство должно взять на себя воспитание детей с самого раннего возраста и до ухода в армию. Но для этого нужно сначала создать «армию» высококвалифицированных воспитателей, учителей, психологов, социальных работников, которых нужно отобрать под лозунгом «Лучшие из лучших!» и оплачивать их труд по самой высокой шкале. Только так можно будет добиться того, чтобы слово ЧЕЛОВЕК действительно звучало гордо.

6. Обеспечив воспитание детей на должном уровне, государство в то же время могло бы освободить Женщину, давая ей возможность учиться, работать, совершенствоваться и занять почетное место во всех отраслях жизни, включая политику. До тех пор, пока в парламентах государств не будет хотя бы пятьдесят один процент женщин, войны не прекратятся!

7. Нельзя допустить, чтобы в депутаты просачивались недостойные представители нации. В наших (избирателей) руках сделать так, чтобы избранники народа были по-настоящему его слугами. Нельзя также допустить, чтобы те, которые в поте лица обеспечивают наши самые насущные потребности, не могли заработать себе на самый минимум для обеспечения семьи и чтобы нужно было их «субсидировать». Это позор! Я не стану копать в корне этого многовекового зла. Я хочу только выразить свое «фэ» и заставить людей призадуматься. Нельзя также допустить, чтобы в то время, как одни нищенствуют, другие зарабатывают миллионы в месяц. Об этом много говорят и много пишут, но всё это – вопли вопиющих в пустыне. Нужен закон! Нельзя допустить, чтобы в стране мультимиллионеров, к тому же еврейской, у людей не было бы крова. Это – страшный позор!

8. Бедные люди не пишут завещания: им, вне всякого сомнения, есть кому завещать, только нечего. Завещания пишут те, у которых

хоть что-нибудь, да есть, и при настоящей дороговизне даже человек, который с трудом может содержать свою семью, имея какую-то трущобу, тоже «миллионер»! Вот почему я предлагаю учредить закон, согласно которому один процент из завещанного настоящими миллионерами пошел бы в пользу неимущих, неполноценных, инвалидов, одиноких матерей и забытых всеми стариков. Тех самых стариков, которые в холоде и в голоде и при невыносимой жаре отвоевали и построили нам эту прекрасную страну. Подумайте об этом! Я хоть и не миллионерша, сделала это, включив такой пункт в свое завещание: два процента всего оставшегося после меня должно будет отчислено им!

9. От того, что люди молятся с утра до вечера, они лучше не становятся: мне приходилось встречать ЛЮДЕЙ и людишек как среди религиозных, так и среди нерелигиозных. Я не могу не отметить одного из учителей-воспитателей ешивы, впоследствии (не при мне) ставшего ее директором. Я помогла двум его братьям и ему тоже досдать английский язык, чтобы получить полный багрут. Он, узнав, что мне до зарезу нужны деньги для приобретения квартиры (где я сейчас живу), решил «пойти мне навстречу», предложив нужную сумму (пять тысяч долларов) на проценты, но при условии, что я ему оставлю свою «Volvo» в залог (на временное пользование), прекрасно понимая, что без нее я бы не смогла работать в двух местах и расплатиться!

Другой уважаемый рав ешивы еще во время «шивы» (после смерти Толи) пригласил меня к себе прийти, как только пройдут те семь дней. Пригласил он меня в «Ешиват ха-Даром» в Реховоте. Там, рассказав, в каком тяжелом финансовом положении находятся обе ешивы (наша тоже), он предложил мне написать завещание, в котором я всё свое имущество завещала бы им. Такого я себе представить не могла. Ведь они так красиво организовали Толины похороны, и я их отношением была тронута до слез. Момент был выбран удачно, но на его удочку я все-таки не попала, и вся в слезах поплелась домой.

В противовес этим «верующим» я могу сопоставить множество других, с которыми мне на протяжении двадцати лет посчастливилось работать, дружить и контактировать ежедневно.

Один из них – мой студент ешивы Рафи Портал.

Рафи – один из лучших моих студентов, занимался в нашей ешиве, а жил он с мамой в Реховоте, и я часто «подбрасывала» его

домой. Это был умный, эрудированный парень, и с ним было интересно беседовать. Несколько раз я приглашала его к нам домой. С Толей он нашел общий язык на религиозных темах, и вскоре он стал его просто навещать. Перед праздником Песах он обычно ездил в Иерусалим, откуда привозил особую, благословенную, мацу и вина для семьи и для нас тоже, а когда поехал в Бруклин к знаменитому раву Малибовичу, привез Толе от него личное, именное благословение. Позже, когда Толя лежал без сознания, боясь, что такое состояние может длиться годами, я решила переехать жить рядом с ним при имеющейся там гостинице. Узнав об этом, он по собственной инициативе поехал в Нетивот к знаменитому раву Абу-Хацира просить, чтобы Толя долго не мучился. Помогло это или нет, не знаю, но он меня глубоко растрогал, и я этого не могу забыть.

10. В Союзе говорили: «Нет плохих учеников, есть плохие учителя!» Я с этим согласна. За свою долгую педагогическую деятельность мне приходилось обучать детей и студентов разных национальностей, вероисповеданий, а также атеистов, детей из разных сословий, одаренных, способных и даже недоразвитых. Все они требуют индивидуального подхода. Никогда не забуду Гидеона – эфиопского парнишку, который, приехав в Израиль в двенадцатилетнем возрасте, впервые в жизни попал в школу. В нашу ешиву он попал три года спустя, а ко мне в девятый класс – по его личной просьбе, хотя английского совсем не знал. В конце одиннадцатого класса он прошел Всеизраильский конкурс и вошел в делегацию по вербовке американских добровольцев для Израиля. Он был первым эфиопским представителем Израиля в Америке среди молодежи. На устном экзамене в двенадцатом классе, который принимала та же инспектор Цвия, он получил у нее сто баллов – высшую оценку. Она не могла скрыть своего удивления и восторга и, поздравив его, сказала: «Ты будешь президентом Израиля!» (Ее предсказание еще не осуществилось, и, признаюсь, я его совсем потеряла из виду.)

Вот, кажется, и всё! Впрочем, нет: мне хочется закончить эту мою исповедь обращением к молодежи:

любите жизнь и окружающий вас мир;

любите друг друга, уважайте старших, читайте много и изучайте прошлое, без которого не было бы настоящего;

берегите всё, что вам досталось от предков, и бережно передайте его будущему поколению;

а главное, любите, уважайте и на старость не бросайте своих

родителей; какими бы они ни были, не забывайте, что именно они дали вам жизнь, а Жизнь – прекрасна. Так живите, наслаждайтесь и дайте им достойно дожить свой век!

Ну а вас, дорогие мои читатели, прошу не судить меня слишком строго. Помните: при всем том, что мне посчастливилось иметь лучшего на всем свете Отца, еще будучи подростком, я лишилась главного родителя, покровителя и наставника – Мамы!

Спасибо Вам за ваше терпение, если Вам его хватило дочитать до конца эту исповедь, написанную мною со слезами на глазах.

Будьте здоровы и счастливы! Любите друг друга: это залог глобального мирного сосуществования!

Любящая вас Жозефина.

Гор. Реховот, Израиль
Август 2012 года.

P.S. Написав свою «Исповедь», я вдруг почувствовала, как камень, который на протяжении более семидесяти лет давил мне на сердце, вдруг упал, и мне стало легче дышать: я ухожу из жизни с чувством исполненного долга. Прощайте!

Приложение №1

«РАЗНЫЕ СУДЬБЫ»

Прочитав свое наспех написанное «излияние души», у меня создалось впечатление, что мною упущены некоторые важные детали, которые могли бы оказаться небезынтересными для моих читателей. И тут у меня возникла мысль о приложениях, которые не обязательно, но желательно прочесть. Поэтому, если Вы не переутомлены чтением, советую!

У папы было три брата, и у каждого – своя судьба! Зелика, младшего из них, папа спас от войны, но не от смерти: в то время, как папа воевал, он утонул в Днестре, где и остался!

Марчел, младший из оставшихся в живых, неопикуемый красавец-мужчина, любивший жизнь, досрочно прожег ее и однажды в возрасте пятидесяти лет прилег отдохнуть и не проснулся – сердце! Похоронен он в Бухаресте. (Между прочим, таким же образом на том же диване вслед за ним умер и мой первый Пик (собачка), не сумев пережить смерть дяди.)

Тоби, примерный семьянин, потеряв любимую жену Жанет, стал деградировать и вскоре последовал за ней – инсульт!

Папа, находясь в больнице с инсультом, оказался в одной палате со своим двоюродным братом и другом (Израиль Эдельштейн). Того не зная, один за другим они оказались потом рядом на кладбище в Черновцах, а между ними, хотя у евреев это не принято, похоронена Лейка, жена Израиля и их общая в молодости любовь. (Имя мамы фигурирует на памятнике рядом с именем папы.) Получилось, что он и там покойся в окружении тех, кого любил и кем он был любим.

*У Изи Эдельштейна дома.
Ашдод, Израиль.*

У Израиля и Леи было трое детей. Жили они в Бельцах (Бессарабия), и я с ними познакомилась только после войны в г. Черновцы, куда они всей семьей переехали ради детей: Шпринця с му-

жем, Моня и Ицик. Все ребята поступили и успешно окончили наш университет (почти одновременно со мной). Шпринця окончила пединститут.

С Монею (Мишей), Изей (Ициком) и их семьями мы опять встретились в Израиле спустя пару десятков лет. Шпринця с семьей поехала в Америку, и больше я ее не видела. Муж ее, известный в Черновцах учитель Юра Гребля, за несколько месяцев до своей кончины приехал сюда, где у него, помимо близких родственников, живут его друзья и ex-ученики. Это было его «прощальное турне» (Шпринця и Моня на несколько лет опередили его).

У нас с Изей (доктор геологических наук) и его женой Милой (химик) – общие друзья, и мы иногда встречаемся. Реже встречаемся мы с Феей, женой покойного Мони, и ее семьей. Она известный в Ашдоде врач-терапевт. Все они пустили там глубокие корни!

Совершенно случайно папа обнаружил в гетто Женю и Тубалы, дочерей своего другого двоюродного брата Ноаха Дермана (из-за чьей-то ошибки в записи некоторые Дорманы (в том числе и дядя Марчел) стали Дерманами. До войны они жили в еврейском местечке Капрешты (Бесарабия). Из дому они ушли вместе с родителями, которых по дороге расстреляли. Мужа Жени сразу куда-то увели, и в Бершади она с девочкой и с Тубалы пристроилась в доме какого-то местного старика, который оказался их дальним родственником со стороны матери. Это было их спасение.

Тубалы с семьей. Нью-Йорк, 2005 г.

Позже Тубалы в качестве круглой сироты прошла отборочную комиссию Международного Красного Креста и была отправлена сначала в Бухарест, где она жила некоторое время у дяди Тоби, а затем на пароходе нелегально попала в Палестину. Тут она вышла

замуж за израильянина и вместе с ним эмигрировала в Америку. Позже туда приехала и Женя с дочкой.

С Тубалы мы дважды встречались здесь. Она сюда приезжала к своей дочери-учительнице. Тубалы живет в Нью-Йорке недалеко от своего сына-бизнесмена и его семьи, окруженная любовью и заботой (ее муж и Женя умерли). Время от времени мы разговариваем по телефону, обмениваясь «радостями старости».

Три маминых брата (Адольф, Мауричу и Алеку), на глазах которых мы с Дориной росли и которые нас очень любили: мы были единственными девочками в семье (кроме Мими, которая родилась и жила в Париже), в разное время иммигрировали в Израиль и похоронены в Тель-Авиве и Нетании (Алеку, который внезапно скончался на улице по дороге домой в возрасте пятидесяти двух лет, оставил завещание, которое тетя Луна уничтожила, тем самым лишив нас с Дориной значительной доли наследства). Два других маминых брата, Аарон и Фред, проживавшие в Париже, нашли свою смерть в печах Освенцима (Польша).

Тетю Бертину, мамину двоюродную сестру и закадычную подругу, мы еще застали в живых. Ко времени нашего приезда она жила одна в центре Тель-Авива недалеко от своих сыновей – Ликы и Миелу с семьями. Нас с Дориной она очень любила и называла «fetițele mele!» («мои девочки»). Наша встреча с ней была очень трогательна, в дальнейшем я ее часто посещала, и мы долгими часами говорили о маме, об их детстве, отрочестве и замужестве, о которых я не успела маму расспросить...

Упав в доме посреди ночи и пролежав на цементе всю ночь (в зимнюю пору), она, помимо перелома тазобедренного сустава, схватила еще двустороннее воспаление легких, и вскоре скончалась. Похоронена она тоже в Тель-Авиве.

У ее брата Симона Вагнера и тети Ануцы был один-единственный сыночек Пую (по-русски – «цыпленок») года на три старше меня. Родители в нем души не чаяли. Дядя Симон был очень богатым человеком (его прозвали «миллионером»), и своему наследнику ни в чем не отказывал, кроме велосипеда. Велосипед в то время был дорогим удовольствием, но у нас с Дориной уже были, и мы ходили в кружок «велогонки», а Пую нам завидовал. Купить ему велосипед для дяди не было проблемой, но у него почему-то было

*“Templul Coral” –
центральная синагога.
На ступеньках – я.
г. Бухарест, Румыния.
2006 г.*

какое-то предубеждение против него. И все-таки, не устояв натиску, он за день до бар-мицвы купил ему велосипед.

В день торжества гости находились уже в нашей «семейной» синагоге – Templul Coral – в ожидании именинника, которому захотелось появиться там на своем долгожданном велосипеде. Время шло, взрослые начали уже беспокоиться, но мы, дети, играя во дворе, на время внимания не обращали. Вдруг начался ажиотаж, люди стали выбегать из синагоги, а наша няня Каролина без всякого объяснения схватила нас с Дориной и увезла домой. Мне было очень обидно: у меня был новый, очень красивый наряд, и я не успела его всем продемонстрировать.

Оказалось, что, спеша в синагогу, Пую, застряв колесами велосипеда в шинах трамвая, погиб. Вместо синагоги он попал в морг! (Об этом мы, дети, узнали не сразу.) Что происходило дальше, как дядя с тетей пережили этот удар, я до сих пор не могу себе представить. Но они к нам перестали приезжать, и нас к ним родители тоже не брали.

Поговаривали, будто дядя Симон отошел от своего бизнеса, впал в депрессию и ничем не занимался. Но в Израиль они все-таки иммигрировали, и похоронены они также в Тель-Авиве, так что, когда перед Йом-Кипур я разъезжаю по кладбищам, на Тель-Авивском мне приходится бродить по несколько часов в поисках могил дорогих мне людей, в кругу которых прошло мое счастливое детство.

Рита Дашевская не была мне ни родственницей, ни подругой. Она мне годилась в дочери и впоследствии я к ней так и относилась.

Судьба свела нас в Ошиете (Реховот), где мы в конце 1974 г. одновременно получили амидаровские квартиры на одном этаже, друг против друга.

Сначала нас связывал только коридор, но вскоре наше «шапочное» знакомство переросло в тесную «семейную» связь и ее трехлетнее сокровище, Арик, находился у нас больше, чем дома, т. к. Рита, работая операционной сестрой в трех сменах в больнице «Каплан», разрывалась между работой и домом.

Наша идиллия длилась около семи лет, пока мы не переехали в новую квартиру в центр города. Идиллия кончилась, но не наши отношения: мы продолжали контактировать и, по мере возможности, выручать друг друга. Ни время, ни расстояние - ничего не могло разлучить нас. Кроме смерти!

Сначала ушел Толя (в то время она была длительное время госпитализирована), а затем, в результате тяжелой болезни, все еще молодая и красивая, ушла и она.

В ее лице я потеряла одного из самых близких и любящих меня людей, преданного друга и счастливым случаем «приобретенную» дочь!

Рита Дашевская – моя любимая “дочь” (посередине). Реховот, 1978 г.

Ровно месяц назад умерла Аллочка (Алла Тартаковская) – моя подруга со студенческих лет (рак!). Об этом сообщил мне Боря, ее брат. По его словам, она скончалась в страшных муках. Весть о ее смерти вывела меня из строя на целых две недели. Мне ее очень жаль. Будучи «нарциссом» по характеру, она лишила себя возможности любить и быть любимой, и ушла она из жизни, не познав ни прелести жизни, ни самого большого счастья в жизни, имя которому – ЛЮБОВЬ!

Исполнилось еще одно желание: у Шая-Баруха (29 июля 2013 г.) родился малыш, которого, по моей просьбе, назвали именем Дорины - РОН!

Я у могилы Дорины.

Я с Роном (Дориной) на руках.

Приложение №2

«ЛЮБОВЬ БЕЗ СЕКСА,

ИЛИ

ПИКИ, МИКИ, ЧИКО И Я»

Не сказка, а быль для читателей всех возрастов

Это было тогда, когда я еще до замужества перешла жить одна в не достроенный мною дом, и однажды после работы пошла на базар за покупками.

Закупив необходимые продукты, я уже собиралась уходить, когда на каком-то прилавке, где продавали живую птицу, я вдруг увидела е г о! Это была крошечная, черная как смоль собачка с такими же черными глазками, которая, пристально посмотрев на меня, вылезла из открытой торбы, в которой находилась, и приползла ко мне, не сводя с меня глаз. Я ее погладила, и она стала лизать мне руку. Это была «любовь с первого взгляда»!

Поставив свою ношу на землю, я взяла ее на руки: она, выпрямившись, прилипла к моей груди. Узрев эту «картину», стоящая за прилавком женщина воскликнула: «Она Ваша! Мы с ней здесь с самого утра (я курей продавала). За всё это время она даже не шевельнулась, а к Вам она сразу потянулась. Купите ее! Я Вам ее дешево отдам!»

Хотя я собак с детства люблю, а она мне вообще-то приглянулась, это не входило в мои планы: я работала с утра до вечера, в доме, кроме меня, никого не было, а она, естественно, требовала ухода. Кроме того, у меня осталось всего три рубля. Я ей так и сказала, но она не давала мне уходить и была готова отдать мне ее за эти деньги.

Собачка всё еще была в моих руках, и, не переставая меня облизывать и пристально глядя мне в глаза, она будто просила: «Возьми меня!» Не выдержав натиска, я сдалась! Отдав ей все имеющиеся при мне деньги, я уже уходила, как вдруг она сказала: «Подождите! Я иду с вами! Я должна видеть, где вы живете! Понимаете, – продолжала она, – у меня две породистые сучки, и я с них живу: люди платят за щенков большие деньги, но этот родился совсем крошеч-

ный, и я его с трудом выходила. На него спроса нет, но выбросить на улицу я его не могу. Вот и взяла его с собой в надежде, что кому-то приглянется. Понимаете, – повторила она, – я их не только продаю: я устраиваю их будущее. Они на моей совести, а потому я лишь бы кому их не отдаю. Если я увижу, что место не подходящее для него, я тут же отдам вам деньги: грех я на душу брать не хочу!»

Пришлось брать такси и попросить ее рассчитаться за проезд. Собачка была в ее руках. Подъехав к дому, она засомневалась, что это был мой дом, но, когда я открыла калитку своим ключом, она, облегченно вздохнув, произнесла: «Слава Богу! Теперь я могу спокойно уходить, но знайте – время от времени я буду его навещать, дабы убедиться, что ему у вас хорошо живется». Уходя, она добавила: пока не подрастет, кормите его яичками. Одно яичко в день. Обязательно! Обещаете?» – «Обещаю!» – ответила я, а она, получив деньги и погладив его, нежно поцеловала. Больше я ее не видела.

Собачку я назвала Пиком. Нет! Не в честь тогдашнего Генерального секретаря Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика. Назвала я его так в память о том маленьком шпице (порода собак), которого мне папа в кармане своего пиджака принес, когда я еще в школу не ходила, которого я безумно любила, но с которым мне пришлось расстаться, эмигрируя из Румынии в Советский Союз.

Как я уже отметила, в то время я жила еще одна в строящемся доме (с большим двором и фруктовым садом). Из-за недостатка денег по моей просьбе в эксплуатацию была сдана только часть дома, включающая в себя только самое необходимое для проживания: одна комната, а через коридор – кухня и совмещенная ванная, в которой находился также титан «АГВ» для обогрева всего дома, кроме веранды.

Пику я выделила веранду, а «ложе» ему устроила в большой картонной коробке (обувной). Положив туда свою «думочку» (маленькую подушечку), я бережно уложила его в ней и пошла на кухню приготовить ему гоголь-моголь (молочно-яичный коктейль). Очевидно, он ему пришелся по вкусу, ибо облизал он его до последней капли. (В дальнейшем этот коктейль стал его ежедневным завтраком.) Уложив его опять в коробку и укрыв его своим шерстяным шарфом, я пошла в свои «апартаменты» пообедать и немного

отдохнуть перед вечерними занятиями в университете. Но не тут-то было! Он стал скулить. Пришлось забрать коробку на кухню, где я обедала, затем – в свою комнату и, наконец, в свою постель. Только там он успокоился и уснул раньше меня.

С тех пор и до самого конца моя постель стала его излюбленным местом пребывания, а я, признаюсь, не возражала: наличие рядом со мной какого-то живого существа заполняло пустоту и успокаивало.

Пик рос и развивался у меня на глазах. Вскоре он «оформился», и его порода стала очевидна – это был спаниель: он был «невысокого роста», черные блестящие «волосы» свисали, точно бахрома, вдоль его туловища и хвоста, его длинные ушки достигали передних лап, а глаза? Человеческие! Они излучали благодарность, любовь, преданность и... ум! Да, да, ум! Он всё понимал, соображал и соответственно реагировал, а «правила приличия и достойного поведения» усвоил быстро и хорошо (мне недолго пришлось за ним убирать: он стал проситься на улицу по надобности, а однажды, когда я уехала на каникулы, оставив его на попечении своей сестры, а она три дня подряд не являлась, он, сообразив, залез в ванную и использовал ее в качестве унитаза. Когда, вернувшись домой, я застала эту «картину», я диву далась. Невероятно, но факт!

В отличие от других собак, Пик очень любил воду и прекрасно плавал (мы с ним ездили на Прут, а позже на озеро и на море), с удовольствием залезал в свою ванночку для купания и терпеливо выдерживал процесс расчесывания. Более того, заходя в дом, он никогда дальше веранды не заходил, пока ему не вытирали лапы!

Однажды, месяца через три-четыре после того, как он попал ко мне, после прогулки по двору Пик вернулся в дом с чем-то черным в зубах. Это «что-то» оказалось маленьким котенком, которого, по всей вероятности, кто-то перебросил к нам через забор. Переступив порог веранды, он тут же выпустил свою добычу на пол. Котенку было не больше месяца. Взъерошенный, он испуганно смотрел на нас с Пиком, а мы в свою очередь рассматривали его. Это был черный котенок с несколькими разбросанными по всему телу белыми пятнами.

Недолго думая, похвалив сначала Пика, я подвела котенка к Пикиной мисочке с молоком. Он тут же стал жадно его попить. Долив еще немного молока, я «пригласила» Пика присоединиться

к котенку. Не дожидаясь повторного приглашения, он тут же послушался. В дальнейшем, подружившись, они стали есть и пить из одной миски и спать в «обнимку» в одной коробке. Мики, как я его назвала, залезал Пика на живот и спал между его «ногами». Это был поучительный пример «дружбы народов» для нас, людей, и я ими очень гордилась и всем демонстрировала. (Жаль, что в то время, по крайней мере, у меня, не было видеокамеры.) Вскоре они стали вместе выходить во двор «на прогулку». При этом Мики цеплялся за хвост Пика, а иногда, прыгнув ему на спину, устраивался на его шее. Желая сбросить его оттуда, Пик то начинал кувыркаться, то, прибавив шагу, пускался в бег. Наблюдать за ними было одно удовольствие: кино, да и только!

С наступлением холодов их «ложе» пришлось перевести в коридор. (Квартира обогревалась круглосуточно с начала октября до начала мая.) Теперь, когда они находились ближе к кухне, пришлось приучить их к тому, что можно наслаждаться запахами, смотреть на пищу, но ни в коем случае не дотрагиваться и даже не просить (свою «порцию» они всегда получали после). На это понадобилось мне немало времени, терпения и настойчивости, но к тому времени, когда я вышла замуж, они уже усвоили урок, а мне нисколько не мешало их постоянное присутствие, где бы я ни была.

Пик любил меня, Мики любил Пика, а я любила обоих. И так, в атмосфере любви и взаимопонимания, прошел примерно год, пока к нашему «полку» не прибыл Чико. Это был индюк!

Его появление у нас было не запланировано: мне просто-напросто «навязали» его. Случилось это однажды, когда я после работы стояла у остановки, ожидая автобус, и ко мне подошла женщина с индюком на руках. Не сумев продать его на базаре и не желая вернуться с ним домой, она решила избавиться от него во что бы то ни стало и в качестве «жертвы» выбрала меня. Мой отказ ничего для нее не значил: она настоятельно уговаривала меня купить ее индюка по дешевке, и, торгуясь сама с собой, всё время спускала цену. Я никогда до тех пор не покупала индюков, и цена для меня ничего не значила. Кроме того, у меня был набитый тетрадами учеников портфель да еще пальто на руках, а о том, чтобы попасть в автобус с индюком, не могло быть и речи. Я всё еще продолжала отбиваться, когда вдруг возле нас остановилась легковая машина и мой сосед, Георгицы, предложил мне тремп. «Это мое спасение!» – подумала я и села в машину. Не успели мы

отъехать, как вдруг «мои» дверцы открылись, и женщина посадила мне индюка на руки со словами: «Возьмите его даром!» Пришлось всунуть ей первую попавшуюся мне в руки купюру. По дороге домой я рассказала Георгице историю с индюком, и он, посмотрев на него, сказал: «Он этих денег не стоит!»

Построенный по моему чертежу кирпичный курятник (сзади гаража) состоял из трех «этажей». Первый был предназначен гусям, второй – курам, а третий – индюкам. Чико, как я его назвала, стал его первым обитателем.

Знакомство Пика с Чико не предвещало ничего хорошего. Произошло оно только на следующее утро, когда Чико «чинно-важно» появился во дворе, в том самом дворе, «хозяином» которого до тех пор Пик себя считал (Мики никогда не посягал на его «права»). Увидев Чико, Пик моментально набросился на него с лаем, а Чико тут же надулся, покраснев от злости, распустил свои огромные крылья, и, подняв на Пика «голос», налетел на него. Испугавшись, Пик сначала удрал, но тут же вернулся. Теперь они стояли друг против друга, и каждый на своем «языке» отстаивал свои права на территорию, в то время как Мики, на почтительном расстоянии наблюдая за ними, мурлыкал, выражая таким образом свое «фэ!». При всем этом он держался ближе к Пику, который был его «пассией».

Процесс их сближения длился довольно долго. Стоило Чико вылететь из своего «дворца» на землю, как «хозяин» тут же набрасывался на него, желая загнать его назад. И тут начиналось «представление», за которым с удовольствием соседские дети прибегали наблюдать: Чико, перекачиваясь на своих длинных ногах, красный как рак, ругаясь на чем свет стоит, удирал, Пик бегал за ним, а Мики плелся за Пиком, иногда цепляясь за его хвост. Так они обычно «бегали» вокруг дома по несколько раз, пока Пику не удавалось загнать Чико «домой». Наблюдать за ними в таких случаях без смеха было невозможно. Цирк!

Мне пришлось приложить немало усилий, пока не добилась «перемирия» (без вмешательства ООН) и их последующего мирного сосуществования. В результате, помимо Пика, у меня появился еще один «обожатель – Чико»!

По словам соседней, незадолго до моего возвращения с работы (около трех часов дня) Чико залетал на столб калитки, и, не спуская глаз с тропинки, по которой я обычно шла от автобуса домой, как только я появлялась на горизонте, он начинал хлопать крыльями

и что-то выкрикивать на своем «языке». Соседи «расшифровали» это как сообщение о том, что «Жозефина идет!». Очевидно, Пик тоже стал понимать его язык, потому что при этом он тут же присоединял свой лай и начинал радостно прыгать возле калитки, а потом – вокруг меня. Чико моментально слетал с «пьедестала», а Мики начинал кувыркаться на земле.

Так я ежедневно на протяжении нескольких лет заходила в дом в сопровождении этой «свиты» и под звуки их «фанфар». На это стоило посмотреть!

Установив свою «гегемонию», Пик к своим «обязанностям» стал относиться со всей ответственностью, и без моего на то разрешения посторонних во двор не впускал. Однако, как только они оказывались «по другую сторону калитки», он тут же, виляя хвостом, сопровождал их до самой веранды. Илюша, мой друг, не был посторонним человеком, но Пик его впускал без особого энтузиазма. Илюша утверждал, что он его ко мне ревновал. Смешно? Нет! Я убедилась в том, что собаки умеют не только любить, но и ревновать.

Позже с появлением Толи на горизонте, я сделала еще одно открытие: мужчина может ревновать свою любимую женщину даже к собаке. И это факт! Толя был старше меня на одиннадцать лет, и для него наш брак был вторым (его жена умерла). Я ему никогда не давала повода для ревности, но к Пику он меня ревновал и однажды с обидой упрекнул: «Ты его любишь больше меня!» Это было смешно! Но наши с Толей первые разногласия после того, как мы с ним поженились и он перешел ко мне жить, были связаны с «воспитанием» Пика.

Будучи очень педантичным, вездесущее присутствие Пика в доме ему сильно мешало: стоило Толе где-то заметить волосок, как у него портилось настроение, присутствие Пика на кухне и в столовой его возмущало, а когда я предложила взять Пика с собой к Соне, его сестре, он просто «взорвался»: она была такой же, как и он, и собак недолюбливала.

Пришлось заняться Толиным «перевоспитанием», т. к. он с детства признавал только собаку-сторожа, место которой во дворе. Что касается Пика, то он его просто боялся и по мере возможности избегал. Прошло немало времени, пока Толя признал Пика «членом семьи». И тут я сделала второй вывод: если мужчина по-настоящему любит женщину, то он рано или поздно полюбит ее

собачку тоже! Как только это произошло, всё стало на свое место, и мы жили счастливо в дружбе и любви, а наш «треугольник» был доброжелательно всеми принят, и мы зачастую стали ходить в гости втроем.

В гостях Пик вел себя безупречно, не отходя от моих ног, и вскоре он стал любимцем всех. Единственный раз, когда нам с Толей пришлось за него покраснеть, был у Сони, когда она, желая мне угодить, «угостила» Пика шоколадной конфетой, которую он тут же выплюнул: это был не чистый шоколад!

С тех пор мы всех просили никогда ничем, кроме водички, Пика не угощать ни у себя и ни у нас. Нас посчитали жестокими... Однажды, не помню, по какому поводу, мы пригласили к себе две пары высокопоставленных людей. По этому поводу я вытащила свой дорогой английский столовый сервиз и выставила чешский хрусталь (вазочки, бокалы и фужеры). Обед прошел на «высоком уровне», и после мы с Толей вдвоем вышли их провожать. В ожидании своих машин им пришлось немного задержаться. Все были немного навеселе и одновременно болтали. Вдруг я вскрикнула: до меня дошло, что на столе остались объедки, а под столом – Мики и Пик. Представив себе их «триумфальное шествие» по столу и разбитую посуду, я, ничего не объяснив, извинилась и побежала в дом. Не понимая, что случилось, Толя, а за ним остальные побежали за мной в столовую. Там на двух отдельных стульях, рядом за столом сидела «моя парочка», пристально глядя на стол. Увидев нас, они тут же спрыгнули на пол и удрали. Я готова была их расцеловать, а наши гости заплодировали: они решили, что это было хорошо подготовленное и разыгранное цирковое представление!

Папу Пик полюбил сразу и чувство это оказалось взаимным: у папы для него всегда находились ласковые слова, а в кармане – шоколад (он его очень любил). Кроме того, папа часто выводил Пика за пределы нашего двора, давая ему возможность познакомиться с окрестностью, соседями и его «собратями». Папа был человек общительный, и это качество привилось Пику тоже. В результате он стал любимцем всех: как людей, так и собак.

Позже, став полноценным «гражданином» города (у него появился ошейник с номером), в сопровождении папы он попал в центр города, полный машин и людей. Там благодаря папе он изучил «правила уличного движения», познакомился с «зэброй» (пе-

шеходным переходом) и правилами пользоваться ею: только вместе с людьми. Следующим на очереди был автобус.

Наша улица была параллельна центральной, по которой ездил только один номер автобуса. Между прочим, он прямым сообщением соединял нас с папой и моей работой. Кратчайший путь к автобусной остановке был по тропинке расстоянием в один блок. И вот однажды папа решил прокатить Пика на автобусе и «пригласить» его к себе домой. В ожидании автобуса он его «проинструктировал», и как только автобус появился и папа сказал: «Пошли!», он тут же прыгнул в автобус. К счастью, водителем оказался наш сосед, Георгицы, который героически выстоял «нападение» нескольких пассажиров. Кондукторше папа уплатил за два билета (взяв только один), и они спокойно доехали до «Парка» – папиной остановки, по «зебре» перешли центральную улицу (Пик в цветах не разбирался, а потому цвета семафора для него ничего не значили) и по тротуару, метров через триста, попали в папин дом.

Езда в автобусе пришлась Пикку по вкусу, и после нескольких поездок со мной или с папой он «пустился в авантюру»: дожидаясь автобуса, залезал между ногами пассажиров, «зайцем» проезжал несколько остановок, а потом «пешком» возвращался домой. (Об этом рассказал нам Георгицы, который постоянно работал на этом рейсе.) Пассажиры, которые, в основном, были одни и те же, стали его «соучастниками».

Нередко, прогулки ради, мы с Пиком к папе шли пешком, но однажды, когда я решила поехать с ним автобусом, какой-то пьяный мужчина потребовал «высадить собаку», но как пассажиры, так и кондукторша заступились за Пика и посадили дебошира на место, упрекнув его в том, что не собака, а он нарушает правила поведения в общественных местах и высаживать нужно его. На следующей остановке он сам сошел, а Пик тут же прыгнул на свободное рядом со мной сиденье. Таких инцидентов было несколько: бывало, что пассажиры между собой спорили о том, можно или нельзя провозить животных в автобусах. В таких случаях я обычно молчала, а Пик вел себя как настоящий джентльмен: в «разговор не вступал» и только ждал момента, когда можно будет уже занять «свое место» то ли рядом со мной, то ли у моих ног.

Так или иначе, усвоив дорогу, он неоднократно отправлялся к папе «с визитом»: поднимался на четвертый этаж, царапался в дверь и, виляя хвостом, заходил, выражая таким образом «свое по-

чтение». Назад папа его никогда не пускал одного, и домой возвращались они вместе.

Однажды к нам неожиданно заехал папин двоюродный брат, дядя Моня с супругой, из Одессы. По дороге во Львов они заскочили к нам на пару часов. Толя был на работе, телефона ни у меня, ни у папы не было, а мне очень хотелось, чтобы они встретились. Написав пару слов и прикрепив записку к ошейнику Пика, я пошла с ним к автобусу и, сказав: «Иди к папе!», вернулась к гостям. Минут через сорок папа с ним приехали на такси. Наши гости не верили своим глазам. Признаться, я и сама не очень-то верила в успешное завершение своей затеи, но ничего другого я придумать не могла. Полагалась я на его сообразительность, которую он проявил еще в раннем «детстве».

Случилось это поздно вечером, когда, побыв у папы, куда Илюша нас подбросил, мы возвращались домой. Стояли мы у остановки автобусов (разные номера в разные стороны) в ожидании своего. Узрев приближающийся автобус, мы сделали пару шагов вперед, но он оказался не нашим. Не разбираясь в номерах, Пик залез, и автобус отъехал. Я была в ужасе: это была наша с ним первая «вылазка» в город. Дорогу назад он не знал. Надо было догнать автобус. Я надеялась на такси, но увы! Прошло минут десять, пока появился следующий автобус, но он тоже был не мой. Поняв, что догнать автобус с Пиком я уже не смогу, что его завезут неизвестно куда и что, следовательно, я его потеряла, я расплакалась. Прошло еще, не знаю, сколько времени, пока наконец подъехал мой автобус. Он был полупустой, и я села в первом ряду, не переставая плакать. На следующей остановке сидящий рядом со мной мужчина сошел, и я подвинулась к окну. На последующей остановке зашло несколько человек и... Пик, который, очевидно, «разнюхав» меня, моментально прибежал ко мне и, прыгнув на свободное рядом со мной сиденье, полез на меня и начал «целовать».

Как я предполагаю, поняв, что меня в первом автобусе не оказалось, он сошел на следующей остановке, дождался второго автобуса, залез, «обследовал» его, и, как только автобус остановился, опять «вышел». Дождавшись третьего, он опять залез и... нашел! Он был вне себя от счастья. Я тоже!

Эпилог

О ПИКЕ, его сообразительности, уме, любви и преданности можно было бы написать целый роман, но сколько бы ни писала, я всё равно не охватила бы всего. Если вы, дорогие мои читатели, попали на данное приложение, не прочитав мою «Исповедь», советую прочесть: Вы там найдете много интересного о том, как он спас мне жизнь, о его реакции на наши сборы в Израиль, о трудностях, которые ему пришлось преодолеть, дабы «репатриироваться» вместе с нами, о его тяжелой абсорбции и о его мужественном пути ухода из жизни.

МИКИ был уже взрослым красавцем-котом, когда вдруг исчез. Его исчезновение я восприняла как протест против введенного Толей нового порядка, согласно которому ему, как и Пикку, разрешено было спать только на веранде, которую стали зимой отапливать, и не лазить по креслам и диванам. Но я ошиблась: судя по тому, как спустя полгода или больше он вдруг появился (неузнаваемый), его куда-то увезли, а дорога назад была длинной и нелегкой. Его пришлось долго лечить, но это был уже не тот игривый Мики, которого мы с Пиком любили, и в конце концов в объятиях Пика он уснул навеки. Похоронили мы его во дворе и на его могилке посадили деревце.

ЧИКО жил у нас несколько лет. Он был уже старый и обрюзглый, но, за редким исключением, по-прежнему, но уже с трудом, залетая на свой «наблюдательный пункт» в любую погоду, дожидаясь моего появления, дабы «оповестить» о моем возвращении, а затем, надувшись, гордо сопровождать меня до входа в дом. Это могло бы длиться намного дольше, т. к. я бы никогда не могла разрешить его зарезать, но кто-то, видно, позарился на него и украл.

Ну, а я? Я доживаю свой век воспоминаниями, частью которых я с Вами поделилась. Остальные я унесу с собой!

Я люблю Вас! Будьте счастливы!

Жозефина

P.S. Уход из моей жизни столь дорогих мне друзей я перенесла очень тяжело: я долго оплакивала как Мики, так и Чико. Что касается Пика, то я долго не могла свыкнуться с мыслью, что он ушел

из дому умереть, не попрощавшись со мной, лишив меня таким образом возможности похоронить его по достоинству, поставить ему памятник, отбить на нем его «портрет» и золотыми буквами написать: П И К.

Приложение №3

НАСТАВЛЕНИЕ ПОТОМКАМ. (Афоризмы)

1. Рождение – начало, конец его – смерть!
2. Ты пришел в прекрасный мир, чтобы сделать его лучше!
3. Человек рождается, чтобы творить, а не натворить!
4. Человека ценят не по деньгам, а по делам!
5. Смерть, как любовь, придет, когда ее совсем не ждешь!
6. Из жизни ты уйдешь таким, каким пришел – нагим!
7. Все добытое тобой в труде – яблоко раздора для детей!
8. Душа – изменница (точно любовница): только до гроба тебя доведет!
9. Оставив свой труп на съедение червей, без оглядки душа улетит поскорей!
10. Уходя из жизни, ты оставляешь след. Проследи, чтобы он был чистым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении долгих лет я непрерывно и мучительно ломала себе голову, размышляя над тем, как достойно «уходить».

С тех пор как Толя, мой муж, умер, я написала и разорвала несколько завещаний, пока наконец, как мне кажется, не пришла к справедливому и желанному варианту. В своем завещании я никого не забыла: ни своих, ни Толиных родственников, ни детей, носящих имена моих дорогих, ушедших из жизни людей, ни того, кто не оставит меня на произвол судьбы до последнего дыхания. Но основными моими «наследниками» являются учреждения, цель существования которых – сохранить и улучшить жизнь на Земле на благо будущих поколений. В моем понимании, это:

1. Институт им. Вейцмана (Фонд развития науки),

2. «Яд Сара» («יד שרה») – помощь тем, о которых государство недостаточно заботится,

3. «Яд ва-Шем» (יד ושם) – увековечение памяти тех шести миллионов невинных людей, уничтоженных во время Второй мировой войны, в числе которых пятеро дорогих и близких мне людей.

Это мое последнее желание, которое никаким обсуждениям или изменениям не подлежит, и, написав его, я наконец обрела спокойствие души!

Jerusalem, 24 March 2013

Mrs. Josephine Fishman-Dorman
Yavets 4 St. (Flat No. 3)
Rechovot 7625206

Dear Mrs. Fishman-Dorman,

On behalf of Yad Vashem's Directorate, I would like to express our deepest gratitude for your noble decision to include Yad Vashem - The Holocaust Martyr's and Heroes' Remembrance Authority in your Legacy.

It is only through the strong partnership of friends such as yourself that we are able to continue with our important work of commemorating the Holocaust and imparting its legacy to future generations. With the passing of time, the memory and the lessons of the Holocaust are dimming and Yad Vashem feels it has a duty to do its utmost to preserve the memory of the Holocaust and to disseminate its universal significance.

Thank you very much indeed for taking part in this effort.

Further to your telephone conversation with Mr. Moshe Friedman, I would very much appreciate if we could meet with you, at any time that is suitable to you, in order to explain on the ways we can commemorate, at Yad Vashem, your beloved ones that perished during the Shoah.

I wish you Chag Sameach, good and strong helath.

Sincerely,

Yaniv Oren
Director, Israel Society for Yad Vashem
Tel: +972-2-6443417/8
Fax: +972-2-6443419
Email: israel.society@yadvashem.org.il

Cc: Mr. Moshe Friedman - Israel Society for Yad Vashem

БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРА

Автор выражает искреннюю благодарность г-ну **Давиду Школьнику**, главному редактору монументальной книги «ПОМНИ», посвященной жертвам Катастрофы, за поданную идею «исповедаться», а также близким мне людям:

**Рене Иваров,
Тане Гервиц,
Тамаре Соломяк,
Ирине Клиндер**

за оказанную техническую помощь при подготовке данной книги к печати.

*16 декабря 2013 г.
Реховот, Израиль*

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ПОСВЯЩЕНИЕ	3
2. ДОКУМЕНТЫ	5
3. ФОТО – МОИ РОДНЫЕ – ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА	10
4. СЛОВО К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ	11
5. ПРЕДИСЛОВИЕ	12
6. ФОТО – МОИ ПРЕДКИ	14
7. Глава 1	
ИЗ РАЯ В АД	15
8. Глава 2	
ИЗ ФАШИСТСКОГО АДА В СОВЕТСКИЙ «РАЙ»	54
9. Глава 3	
ИЗ СОВЕТСКОГО «РАЯ» НА РОДИНУ	149
10. Глава 4	
НА СВОЕЙ РОДИНЕ	163
11. ПОСЛЕСЛОВИЕ	252
12. Приложение №1	257
13. Приложение №2	263
14. Приложение №3	274
15. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
16. ПИСЬМО АВТОРУ ИЗ YAD VASHEM	276
17. БЛАГОДАРНОСТИ	278
18. ОГЛАВЛЕНИЕ	279

Жозефина Фишман-Дорман

Родилась в Бухаресте (Румыния) в 1929 г. В 1940 г., после присоединения Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу, вместе с семьей эмигрировала туда.

Война застала семью в г. Черновцы (УССР), откуда оккупантами были загнаны в гетто г. Бершадь (Транснистрия).

Там, не выдержав нечеловеческих условий, умерла мать. Остальные члены семьи чудом выжили.

Окончив “галопом” среднюю школу после освобождения, поступила в Черновицкий университет на филологический факультет, который окончила в 1951 г., получив звание филолога (М. А.).

С 1951 по 2001 г. преподавала иностранные языки и литературу в средних школах, гимназиях, колледже и университете на Украине и в Израиле с 1973 года. Помимо преподавательской деятельности занималась также переводами (медицинской литературы).

К литературной деятельности приступила уже будучи пенсионеркой, переступив 80-летний рубеж.

Соавтор недавно вышедшего в свет монументального сборника воспоминаний бывших узников концлагерей и гетто во время Катастрофы - “Помни!” и автор премированного короткого рассказа “Любовь без секса или Пики, Мики, Чико и я”; вошедшего в качестве приложения в настоящую книгу - “ИСПОВЕДЬ”.